

Ветер Мелзты

ЯНА ЗАВАЦКАЯ

ХОЛОДНАЯ ЗОНА

Mystic & Fiction

Mystic & Fiction

Яна Завацкая
Холодная зона

ИД «Флюид ФриФлай»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Завацкая Я.

Холодная зона / Я. Завацкая — ИД «Флюид ФриФлай»,
2019 — (Mystic & Fiction)

ISBN 978-5906827-72-2

Будущее не принесло людям радости, две сверхдержавы все же сцепились в разрушительной ядерной войне. Но цивилизация не погибла, прошло некоторое время после этой страшной войны, и мир в очередной раз разделился на два враждебных блока. Один из них – «зона свободной торговли» – живет, как и прежде: в Федерации элита купается в роскоши, а остальные граждане влачат жалкое существование, получая нищенский «основной доход», но и это – благо по сравнению с голодом и массовой нищетой в бедных странах. Однако есть и другая, большая часть мира, где люди строят новое общество, без эксплуатации и элит, без денежных мешков и рыночной стихии. На Земле еще много проблем – от военного противостояния двух блоков до ликвидации экологических последствий ядерной войны. Там нет того, что обещают нам оптимистичные фантасты – бессмертия, сверхлюдей, фотонных звездолетов и изобилия. Но есть надежда...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5906827-72-2

© Завацкая Я., 2019
© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Воскресение	10
Глава 2. Школа-коммуна	25
Глава 3. Реальная жизнь	38
Глава 4. Зона индивидуализма	45
Глава 5. Путешествие	54
Глава 6. Исторический клуб	71
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Яна Завацкая

Холодная зона

© Я.Завацкая, 2019

© ООО ИД «Флюид ФриФлай», 2019

Пролог

Про Бинха Лийя знала не так уж много. Когда он приехал в Кузин, ему было четырнадцать. По-русски уже говорил нормально, хоть и с акцентом. Звали его как-то сложно, вроде «Чон Йунг Бинх», короче – Бинх. И он уже был юнкомом. Только у них там, в Корее, это называлось иначе, и галстуки они другие носили; но тут он сразу надел обычный трехцветный, из трех переплетенных веревочек: черной, белой и красной.

На вид он был взрослый, спокойный, как летнее небо, непривычно чужой, хоть в Кузине и проживало немало разных национальностей.

Он отставал в учебе на два года от сверстников, его взяли в шестую параллель, зато в военке и физкультуре корейцу не было равных. Там у них было нашествие «бунтарей», цзяофани из Китая. Бинх почти год воевал – некуда было деваться. Теперь цзяофани почти разгромили, но мальчика вывезли в Россию еще раньше: требовалась очень сложная операция; осколок засел в позвоночнике, но врачам все же удалось вынуть его и восстановить спинной мозг.

Лийя тогда решила подать заявку в юнкомы, ей было всего десять лет. Бинх стоял в центре небольшой толпы старших ребят и говорил о строительстве полигона, сама Лада Орехова внимательно слушала его. Лийе надо было отдать заявку кому-то из ВК – так полагалось, лично отдавать, а не через комм – она протолкалась сквозь толпу, подняла листок, а ее никто не заметил. И вдруг Бинх оказался рядом, взял у нее листочек, улыбнулся и сказал: «Это здорово! Как тебя зовут? Лийя? Желаю удачи! Следующие испытания по теории, кажется, двадцатого».

Потом он ее прозвал Ли. Сократил имя. Но это было позже, когда Бинх стал ее поручителем в юнкомы, а потом и вожатым после отъезда Кати.

Вдалеке тянулась синяя изломанная полоса гор, под ней – широкая зеленая, она переходила в буро-желтую полуоткрытку; над горами стояло хрустальное светлое небо. Очень красиво, но Ли было уже все равно. Болели плечи. Ноги тоже болели, только пока сидишь, терпимо. Она примостилась на замшелом поваленном дереве, отдышалась и поглядела вниз, на путь, который они только что проделали. По узкой тропинке, среди густой тусклой зелени.

Ли посмотрела на Бинха. Тот сидел, привалившись к дереву спиной, расставив согнутые в коленях ноги, и как ни в чем не бывало жевал травинку. Черная копна волос, узкое лицо. Ли подумала в который раз, что раньше даже не могла себе такого представить: она и Бинх, вдвоем, в лесу. А сейчас это у нее не вызывает никаких особых чувств. Ни гордости, ни трепета.

Да ей и горы уже не нравятся. И небо. Слишком вымоталась. А еще столько же пилить до вершины.

Бинх поднялся.

– Пошли, – сказал он, – еще немного.

Они шли по узкой тропке среди сосен, которые отчаянно цеплялись за гранит извилистыми корнями. Бинх длинными ногами вышагивал впереди. Лийя отставала, разрыв делался все больше, он останавливался и молча поджидал ее. Иногда между сосен возникал просвет, и тогда видны были долина внизу и серая нитка реки, брошенная по дну долины.

Ли догнала Бинха на повороте. Подъем был крутой, дышалось тяжело. Он мельком глянул на нее, запыхавшуюся. Ли остановилась – вот и облегчение, постоять минуту. Ей вдруг вспомнилось, как ходили в категорийный поход в прошлом году. Тоже было тяжело. Агнеска с Таней едва плелись, и на привале, когда вот так же сели на бревнышко и под ногами раскинулись сосны, поток в долине, белоснежные курумы – реки из застывших глыб кварца, Таня сказала:

– Какая здесь красота! Надо как-нибудь сходить самим, без гонки этой. Надоело! Прешь, как танк, в гору, и посмотреть-то вокруг некогда.

Агнеска поддержала:

– Точно. Пойдем сами, потихонечку, гнать некуда...

Ли ничего не сказала, но подумала, что они, наверное, правы. Куда гнать? Но, с другой стороны, а зачем она, такая прогулка? Посмотреть на красивые виды можно и в Субмире. Или попроситься по обмену в Гималаи, там горы еще роскошнее.

В поход не за этим ходят. Не только за этим.

– Тяжело? – спросил Бинх, она кивнула. – Терпи, – сказал он и двинулся дальше, не снижая темпа. Ли вздохнула и полезла следом. Ему-то хорошо! Ноги длинные. Вообще он сильный. С одной стороны, как-то обидно. А с другой – ей нормативы юнкомовские сдавать, и там будет примерно так же. А подгонять будет некому, надо самой уложиться во время.

Камни скользили под ногами. Временами тропинка становилась крутой, и приходилось уже не идти – лезть вверх, цепляясь руками за корни и валуны. Скорее, скорее! Догнать Бинха.

Он имеет право так говорить: терпи. Он научился этому сам. Кто знает, сколько и как ему самому приходилось терпеть там, на войне. Он ведь почти ничего не рассказывает.

Сначала ей было неловко в присутствии Бинха, хотя Лийю уже приняли в кандидаты. Но чтобы стать кандидатом, требовалось только сдать общественную теорию на уровне юнкомовского минимума. Это для Лии оказалось нетрудно, она любила учиться. Бинх сидел в комиссии, и когда заговорили о поручителях, вдруг сказал:

– Я могу. У меня еще нет кандидатов.

Лийя была первым кандидатом, за которого Бинх поручился. Наверное, поэтому он и отнесся к поручению с большой серьезностью. В тот же день они сели и разобрали, какие у нее есть дефициты, что нужно за год подтянуть. Дефицитов у Лии было два – спорт и военка. Больше, собственно, ничего и не требовалось – второй экзамен был по теории общества и истории, за это Лийя не волновалась. И активное участие в работе ячейки, тщательное и своевременное выполнение заданий (Лийе поручили еженедельно проводить политинформацию в своем отряде и отбирать новости для сайта). Если все будет в порядке, через год ее примут в юнкомы, и к белому кандидатскому шнурку на шее добавятся еще два – черный и красный. Но надо будет еще сдать физподготовку и военку. Если, конечно, нет освобождения по состоянию здоровья; у Лии его нет, она здорова, просто очень уж неспортивная.

– Ничего, подготовимся! – пообещал Бинх.

И они наметили план занятий. Потом отправились вместе обедать, время как раз подошло. У Лии даже голова кружилась от гордости, и казалось, что все должны смотреть и удивляться тому, что вот она идет с Бинхом. Но никто не удивлялся и даже не смотрел на них. Они нагрузили подносы, сели за стол. Лийя подумала, что раз они вдвоем сидят и болтают, то можно и даже нужно спросить о войне. Ей ужасно хотелось, чтобы Бинх что-нибудь такое рассказал.

– Слушай, а как там было? Ну, на войне? – замирая, спросила она.

Бинх пожал плечами.

– Ничего хорошего. Страшно иногда.

И больше ничего не стал говорить, а она не решилась спрашивать. Потому что, видно, там было всего слишком много, и вот так, в нескольких словах, все равно не скажешь.

На вершине оказались небольшие скалы, и ребята, конечно же, полезли на них. Лийя не любила лазить. Она цеплялась за камни руками и ногами, подтягивалась, и при мысли, что под ней – пустота и до каменного грунта лететь двадцать метров... или тридцать... или больше, уже неважно, – при этой мысли ее подташнивало. Бинх лез где-то вверху, прокладывая путь. Главное – не смотреть вниз. Лезть – и все. Глупо погибнуть вот так, без особой причины, не в

бою с врагом, не чтобы кого-то спасти. А по-идиотски свалиться со скалы. Но об этом нельзя думать. Как говорит Лада Орехова, это внутреннее пораженчество. Надо просто лезть.

Она подтянулась. Бинх стоял на вершине, она видела широкие рубчатые подошвы его обуви. Но он даже не двинулся, чтобы помочь ей. Ботинок Ли скользнул вниз, сердце очередной раз рвануло страхом. Рука нашла опору – не слишком прочный камень, но много и не надо. Она подтянулась, плашмя упала на горизонтальную поверхность и, как червяк, некрасиво, стала вползать, извиваясь.

Потом долго лежала, раскинув руки на холодном камне. А Бинх говорил негромко: «Давай, давай поднимайся! Смотри, как красиво!» И она стала подниматься, с кряхтением, со стонами. Руки и ноги дрожали от усталости и пережитого страха. Сердце колотилось. Под ногами раскинулась вся земля – в темно-зеленых волнах тайги, в светлых прогалинах, с прожилками рек и ручьев. Дальние синие хребты гор. К востоку, на склоне – жемчужные корбочки школьных зданий. А за хребтом – город Кузин, но его отсюда не видно. А вот школа как на ладони: общежития, учебные здания, стадион, а самый крупный корпус с ситалловой крышей – производственный. Там, под крышей, своя пищефабрика и цех «Электрона». Ли подняла запястье с коммом, отсняла всю картину в динамике и отдельных фото.

К западу вид был не так хорош – там начиналась запретка; в войну здесь были вроде ракетные шахты, по ним шарахнули термоядом. Новым зарядом, практически чистым. Радиации как таковой не осталось, но там, дальше – гигантская воронка, а отсюда видно выжженную черно-желтую пустыню с глянцевой поверхностью на сотни гектаров. Там до сих пор ничего не растет. Почва спеклась.

Бинх обнял девочку за плечи.

– Красиво, – сказала она, – но там – страшно.

– Здесь не так плохо, – ответил Бинх, – у вас много сохранилось. Здесь и в Сибири. В Корею много хуже. В Европе хуже. Как думаешь, до вечера вон тот перевал возьмем еще? Давай спускаться.

– Знаешь, что самое противное? Что погибли люди вокруг – ладно. Это война, понятно. Что страшно – тоже... можно привыкнуть. А вот чего я никак понять не могу: почему их-то надо было убивать?

– Кого – их? Цзяофани?

– Они маоисты. Такие же простые крестьяне, как наши. Нормальные люди. У них руки такие все, в мозолях. Они же раньше тоже... может, досыта редко ели. Понимаешь? Я не знаю, почему так получается. Мы как-то в плен взяли троих. Я раньше дурак такой был, думал, это какие-то враги, буржуи. Предатели. А тут сидят нормальные люди, такие же, как мой отец, брат. Один молодой был. Люди как люди, свои же. Их расстреляли потом.

...Нет, ты не думай, это все правильно. Я потом об этом с комиссаром говорил, у нас девушка была комиссар, Чен ее звали. Так вот, она мне объяснила. СТК ведь всех принимает, и их бы приняли. Но для этих СТК – это социмпериализм, мы для них враги. У них самоуправление в деревнях, они против централизованного планирования. По их мнению, у нас власть не в руках трудящихся, а в руках партии. А у них будто партии нет, можно подумать.

– Это как анархи.

– Анархи или там троцкисты – они больше в Европе и Латинской Америке. А у нас – вот эти были. Это же они войну начали, понимаешь? Для них у нас этот... тоталитаризм. А они за народное самоуправление. На самом же деле при этом в деревнях у них все равно выделяются богатые. Это регресс, понимаешь? Возвращение к родоплеменному строю. А что крестьяне – ну так их обманули. Всякие интеллигентные прикормленные сволочи, может, даже оплаченные специально. Так Чен объяснила, и я понял. Очень много обманывают людей.

– Так всегда было. Всегда обманывали.

– Нет, ты не думай, я не колебался из-за этого. Они тоже наших расстреливали. Вообще, там же не размышляешь много. Вот есть свои – а есть враги, их надо убивать, и все дела. Но вот тогда я понял такую вещь, про классовую борьбу. Я когда маленький был, в школе нам еще говорили, мол, классовая борьба неизбежна. Но мы это так представляли, что это – война против буржуев и их наемников и прислужников. Понимаешь, о чем я?

– Да, наверное. Как в «Битве за будущее».

– Вот-вот, там как раз графика такая. Хорошая игра. Там магнаты ФТА, в костюмчиках, военные откормленные сидят, беспилотниками управляют. Солдаты тоже – в спецкостюмах, зверские убийцы. Я раньше как-то так войну представлял. И про этих нам объясняли – мол, прислужники буржуазии. А они нормальные, обыкновенные люди, из бедноты. Но если их не убить – они убьют нас.

...Нельзя слишком просто мир представлять. Не делится мир на две половины. На черное и белое. Ну, или красное и коричневое. То есть делится, конечно, на классы. И да, все эти красно-черные, тигровые, оранжевые, сияющие, накалились, цзяофани – все они в конечном итоге оказываются за буржуев, за частную собственность. А то и прямо из ФТА финансируются, как на Филиппинах, например, выяснилось, или в Индии. Но как это все сложно, Ли. Если бы ты знала, как все это сложно!

– Все равно виноваты буржуи! Пока существует ФТА, все будет вот так. Они будут нанимать, подкупать и обманывать. Пока мы не разобьем ФТА. Когда-нибудь... – Лийя помедлила, боясь насмешки, особенно от такого человека, как Бинх, но все же произнесла: – Когда-нибудь я пойду воевать с ними.

И замерла, уйдя в себя, ожидая снисходительного «да ты не представляешь, что такое война», «не дай тебе разум» или «лучше бы тебе о чем-то другом подумать». Но Бинх протянул руку и коснулся ее плеча. Его черные глаза смотрели серьезно.

– Пойдем вместе, – просто сказал он.

Она лежала на земле, полешко под головой, слева приятный жар от костра, вверху – небо, которое и темным-то не назвать, с полной луной, усыпанное мелкими стразами звезд. Бинх сидел рядом, скрестив ноги. Ворошил прутом угли, взбивая в небо всполохи золотистых искр.

Ли медленно жевала галету, и это было очень вкусно. Необыкновенно вкусно – после такого-то дня.

– Я экзамен сдам? – спросила она. Бинх кивнул.

– Сдашь. Кроссы, силовые, гимнастику – мы все подтянули. И если поход будет – сдашь.

Ли ощутила вялое, но приятное шевеление внутри при мысли, что и ее, наверное, примут в юнкомы. Даже не верится. Она – юнком!

– Спасибо, – сонно пробормотала она, – ты так со мной возишься.

Бинх накинул на нее одеяло.

– Спи, – сказал он, – я подежурю пока. Посижу. Ты спи.

Глава 1. Воскресение

Сознание возвращалось толчками.

Он выныривал из бездонных глубин сна, регистрировал свет, контуры, писк приборов – и опять безвольно погружался в небытие. Иногда он слышал голоса рядом, но не мог понять, что они говорят.

Так было много раз, прежде чем он проснулся по-настоящему.

Борта из прозрачного пластика, бестеневая лампа наверху. Писк мониторов над головой, шланги, трубки, катетеры.

У меня лимфосаркома, вспомнилось вдруг. Я скоро умру.

Для умирающего он чувствовал себя неожиданно хорошо.

Не как под морфином – когда боль на самом деле есть, но свернулась, как пес в будке, и ждет лишь момента, чтобы броситься снова.

Теперь боли не было совсем. Странно и непривычно. Он уже забыл, как это – когда ничего не болит. Сознание прояснилось. Он окончательно проснулся. Пошевелил руками, ногами – все на месте.

Меня перевели в другую больницу, подумал он. Потолок раньше был другой – в белых дырчатых квадратах. А здесь сплошной глянец. И бортики кровати, похожей на саркофаг. Он повернул голову и увидел серую крышку стола.

Последнее, что он помнил, – реанимация. Как нервно, стремительно везли на каталке, перекладывали, не церемонясь, как волнами накатывал безумный страх, перекрывая даже привычную боль, – вот уже все? Конец?

Видимо, не все. Вытащили. Нашли какой-то способ. Перевели в другое место.

Он глубоко вздохнул, наслаждаясь самой этой возможностью – дышать полной грудью без давящей боли в узлах. Над ним склонилось встревоженное лицо молодой женщины.

– Здравствуйте, господин Гольденберг! Как вы себя чувствуете?

Сестра говорила почему-то по-английски. Гольденберг, это его имя. Рей Гольденберг. Он открыл рот и понял, что забыл, как говорят. С трудом, словно новорожденный, выдал хриплый первый звук.

– Нормально. Для покойника просто отлично.

– Хотите пить? – Медсестра дала ему минералки из стакана с носиком. Он глотал с трудом. Пить не хотелось, но во рту все пересохло, и хотелось это смочить.

– Подождите немного, – медсестра исчезла из поля зрения, – я сейчас.

Рей услышал ее быструю взволнованную речь – она говорила, видимо, по телефону: «Пришел в себя. Ориентирован. Шутит! Да, пожалуйста, скорее...» Потом она исчезла. Ее место заняла женщина постарше, с лицом, похожим на искусно вылепленную маску.

– Здравствуйте, господин Гольденберг! Я ваш сопровождающий психолог. Вы меня понимаете?

– Конечно, – ответил Рей. Женщина улыбнулась.

– Меня зовут Анита Шульце-Росс. Можно просто Анита. Как вы себя чувствуете?

Рей ответил, что хорошо.

– Вы находитесь в центре экспериментальной медицины в Берне, – сообщила психолог. «Вот оно что! Наверное, мать постаралась, меня отправили в Швейцарию. Экспериментальная! Значит, на мне что-то пробовали, и это помогло. Ну что ж!»

– Мне нужно задать вам несколько вопросов. Вы помните, что с вами происходило?

– Ну последнее, что я помню – меня везут в реанимацию. У меня лимфосаркома. Похоже, нашли какой-то способ лечения, я правильно понимаю? Я уж думал, все, отбрасываю коньки. Мать не хотела, чтобы меня в хоспис... А что, долго я был без сознания?

– Да, долго, – кивнула психолог, – я все вам объясню. Сколько вам лет?

– Двадцать восемь.

Она надела ему на голову легкий шлем с металлическими планками и, глядя на монитор сбоку, задала еще несколько дурацких вопросов: о семье, воспоминаниях, потом он называл цвета и решал какие-то арифметические примеры. Психолог сняла шлем.

– Ваш мозг в полном порядке, господин Гольденберг.

– Это радует, – отозвался Рей.

– С того момента, который вы помните – как вас везли в реанимацию, – прошло очень много времени, – произнесла женщина, глядя ему в глаза, – прошли годы.

– Я что, был в коме? – пронеслись вихрем воспоминания о каких-то сериалах: там постоянно кто-нибудь впадал в кому, и потом, годы спустя...

– Медицинские детали вам объяснят позже. Но приготовьтесь к тому, что ваша ситуация необычна. И что теперь все будет иначе. Но самое главное, господин Гольденберг, – вы живы. Вы здоровы. Вы ведь были музыкантом? У вас богатая фантазия, вы легко приспосабливаетесь к новому. А теперь у вас все будет хорошо.

Он все еще много спал. Вечером молоденькая медсестра покормила его протертой кашей. Есть было странно, так же, как и говорить. Прошли годы – как он жил все это время? Питаясь через трубочку? На следующий день с утра Рея разбудил физиотерапевт и проделал с ним упражнения – руками, ногами, а потом помог Рею сесть на краешек кровати.

От вертикального положения закружилась голова. Рей закрыл глаза, но потом, открыв их снова, стал с любопытством разглядывать палату.

Бернский центр был ультрасовременным. Рей увидел приборы, мониторы, непонятные гаджеты футуристического дизайна. На стене висела копия Ван Гога в рамке – улица, освещенная фонарями, кафе. По ассоциации вспомнился Амстердам – когда они познакомились с Тимо; кстати, если прошли годы, то вспомнит ли его Тимо вообще? А Дженни? Не факт. Кстати, они его и в Кельне не очень-то навещали, когда он умирал. Но там, наверное, мать постаралась. Она на дух не переносила ни Дженнифер, ни тем более Тимо.

А в Амстердаме было клево, с тоской подумал он вдруг. После двух джойнтов улица плыла, как корабль в шторм, и казалось, из-под ног поднимается туман. Тимо обнял его за плечи. Гостиница была маленькой и стремной, с обшарпанными стенами, и с Тимо это было так остро, так всеобъемлюще, будто первый раз, из-за стены пахло турецким кебабом... Воспоминание вместе с чувствами нахлынуло так сильно, что Рей покачнулся. Физиотерапевт уложил его обратно в постель.

Дальше была очередь врачей. Двое – мужчина и женщина – осматривали, ощупывали его, водили над кожей какими-то приборами. Потом мужчина-врач удалил мочевого катетер.

Все они тут говорили по-английски. Врачи, персонал по уходу, психолог, темнокожая уборщица, которая явилась в палату с моющим роботом и запустила машинку. Рей прекрасно помнил, что в Швейцарии всегда можно было обойтись немецким или французским.

Что-то здесь было нечисто, что-то не так. Он начал беспокоиться. Но к полудню явилась психолог. Рей сразу взял быка за рога.

– Сколько лет прошло? Какой сейчас год?

Психолог внимательно посмотрела на него. И ответила:

– Сейчас две тысячи восемьдесят четвертый год.

Рей молчал примерно полминуты. Психолог ничего не говорила, давая ему возможность прийти в себя.

– Это же бред, – наконец произнес он, – вы издеваетесь? Я же не мог проспать семьдесят два года! Мне уже было бы сто!

– Вы не проспали это время, – жестко ответила психолог, – вы были мертвы, Рей. Вы умерли в 2012 году. Ваша мать сразу же подвергла ваше тело погружению в холодовой анабиоз. Это оказалось правильным решением – сейчас мы получили возможность оживить вас.

– Шайсе, – выдавил потрясенный Рей. Психолог продолжала.

– Вы должны понять, что всех тех, кого вы знали, уже нет в живых. Единственный родственник, который сейчас жив и готов встретиться с вами, – ваш племянник Энрике Коэнь-Гольденберг. Вы помните его?

– Помню, конечно. Но он же совсем шкет... – вырвалось у Рея, хотя уже была ясна абсурдность этой мысли. Энрике. Черноглазый карапуз, сын сестры, выскочившей замуж за испанского футболиста. Мать она этим, конечно, не осчастливила, хотя ее кумир владел кругленьким состоянием.

– Сейчас господину Коэнь-Гольденбергу семьдесят шесть лет. Он встретится с вами, как только вы будете к этому готовы.

Через несколько дней Рей научился лихо вставать и ходить, посещал туалет, расположенный рядом с палатой. С аппетитом ел незнакомую, но вкусную пищу, которую ему таскали сестры. Все трубки из его тела удалили. Непрерывно мучили какими-то обследованиями. Говорили, что он – огромный успех Бернского центра. Оказывается, в мире сохранилось совсем немного крионизированных тел, пригодных к оживлению. Большинство было повреждено необратимо, многие анабиозные фирмы разорились и похоронили клиентов. Мало того, Рею неслыханно повезло – его заморозили с какими-то специальными протекторами, так что его клетки оказались очень мало повреждены. К тому же это было сделано необыкновенно быстро, чуть ли не в первые пять минут после смерти.

До сих пор было сделано всего восемь попыток оживления, и он первый, с кем это полностью удалось. И первый, кого удалось окончательно вылечить – с лимфосаркомой они здесь уже научились справляться: вводили какие-то микроагенты на основе вирусов, эти микроагенты восстанавливали поврежденные молекулы. Собственно, они же использовались после анабиоза, но если бы не эти экспериментальные криопротекторы, ничего бы не получилось. Рей был первым молодым реанимированным пациентом, единственным пришельцем из прошлого.

Рею это было все равно. Не так-то просто объяснить всем этим людям, каково это, когда нет и не будет больше никого из тех, кого ты знал: нет смешливой рыжей Дженнифер, великолепного Тимо, нет ребят из группы, гениального Сайласа, нет матери, строгой, консервативной католички, нет отца, которого Рей и так видел очень редко, отца, вечно занятого делами корпорации; нет сеструхи Клаудии с ее футболистом, никого, никого больше нет. Жив только маленький гиперактивный шкет Энрике – теперь седовласый старец.

Рей и не пытался объяснить. Все равно не поймут. Психолог в чем-то была права – он всегда легко приспосабливался к новой обстановке. Он объездил весь мир, искал просветления в тибетском дацане, катался на туземной лодке кану в Полинезии, спал с молоденькими приветливыми девочками в Таиланде, курил кальян в Тунисе. Он был шалопаем, четыре раза бросал учебу, наконец объявил себя творческой личностью и собрал группу. Папан все пытался воспитывать его, но платил исправно. Мать старалась не замечать его походов.

Даже удивительно, что мать, которой он так истрепал нервы, оказывается, до такой степени его любила, шалопая и бездельник. Вложила весь личный капитал в крионическую фирму. Пошла против собственных католических принципов.

Когда Рей думал об этом, он испытывал доселе незнакомое чувство благодарности к матери. Раньше она постоянно раздражала его. Но вот же, оказывается, подарила вторую жизнь. И кто, как не он, сумеет обустроиться и в этой жизни, начать с нуля, привыкнуть ко всему? Найти новых друзей.

Он сможет.

В комнате ожидания за стеклянной перегородкой сидел незнакомый мужчина.

Лицо, как у многих здесь, было не просто ухоженным – похожим на идеальную маску. Косметика, операции, кто их тут знает. Темные волосы волной зачесаны назад. Костюм незнакомомго, но очень приличного дизайна, из жесткой серебристой ткани, переливами меняющей оттенки, бордовый галстук, белый воротничок. Мужчина шевелил в воздухе пальцами правой руки, а левой придерживал что-то вроде айпада.

Рей шагнул в комнату. Мужчина поднял глаза, поднялся ему навстречу. Айпад сам собой сложился в крошечный прямоугольник, скользнувший в карман серебристого костюма.

– Здравствуй! – негромко произнес мужчина. – Не узнаешь, дядя?

И в этот миг впервые почудилось в его черных как угли глазах что-то знакомое.

– Энрике? – растерянно произнес Рей. Но ведь племяннику должно быть уже под восемьдесят!

– Привет, дядя Рей! – радостно шагнул к нему Энрике, обнял, похлопал по спине. – Что, скажешь, я сильно изменился?

– Ну как тебе сказать... – ошеломленно пробормотал Рей, вспомнив пацана, прыгающего вокруг стульев на семейном обеде наперегонки с домашним бульдогом, – но я ожидал, что ты... э... старше.

– Мне семьдесят шесть, – с легким удивлением ответил Энрике. – А, понял! В твоё время мой возраст считался старческим, и внешность у стариков была соответствующая. Но теперь совсем другая косметика, пластическая хирургия, да и вообще медицина. Сам все поймешь! Продолжительность жизни тоже выросла, но главное – увеличился активный период.

Они вышли в коридор, точнее, в хрустально сверкающую галерею с прозрачными стенами, за которыми были видны низко нависшие облака. Галерея опоясывала внутренние помещения Центра.

– Формальности улажены, – говорил Энрике, – я могу тебя забрать. Но они хотят, конечно, чтобы ты продолжал ездить на обследования. Бесплатно – ты же научный феномен. Ну, Рей, честно говоря, никто из нас этого не ожидал! Однако мы все очень рады. Вот сюда, налево.

Это была кабинка лифта, обитая мягким серым материалом, зеркала во всю стену, кресла, в воздухе – тончайшие экраны с беззвучно орущими поп-певцами. Энрике уверенно опустился в кресло, Рей тоже сел. Через секунду убедился, что садиться стоило – лифт рвануло вниз и в сторону, словно на русских горках. К горлу подкатил комок невесомости, потом падение прекратилось, и лифт уже только ехал, подобно вагону. Затем створки раскрылись.

– Я на машине, – пояснил Энрике, – конечно, далековато, можно было лететь, но я подумал, что тебе интересно будет таким образом въехать в мир. У меня вилла на Бодензее.

Рей почти не слышал. Перед ним раскинулась гигантская многоэтажная парковка. Автомобили – если эти сверкающие снаряды с темными щелями окон или кокпитами-пузырями, чуть выступающими над металлом, можно назвать автомобилями – были закреплены на невысоких подиумах, носы приподняты вверх. Некоторые машины больше напоминали шаттлы из «Стар Трека». Энрике подошел к серебристой обтекаемой капсуле с непроницаемо черным кокпитом-крышей. На носу автомобиля блестел знакомый символ «Мерседеса». Дверцы распахнулись вверх на манер спортивного болида. Рей нырнул внутрь, на левое сиденье, и кресло удобно изогнулось, принимая пассажира. Стекла крыши-кокпита изнутри оказались прозрачными и даже не затемненными. Окружающее просматривалось так хорошо, словно крыши не было вовсе.

– Ну и машинки, – пробормотал Рей. Энрике провел пальцем по панели управления, состоящей из сенсорных клавиш. Вместо руля у машины был джойстик.

– Да, в ваше время в качестве топлива еще использовалась нефть. Эти, конечно, в основном на водороде, – небрежно уронил Энрике. Рей мельком подумал, что водительские права придется делать заново.

Из-под передних колес «мерса» вылетели вверх две серебристые полосы-направляющие. По этим полосам машина начала стремительный подъем вверх, взлетела над рядами других замерших на старте авто, выскочила наружу. Энрике поймал стальной тонкий проводок, приложил к собственному виску.

Рей ощущал себя героем фантастического фильма.

– Как в Голливуде, – не сдержался он.

– Голливуд? – в затруднении прищурился Энрике. – А, вспомнил! Да, знаменитая киностудия была. Сейчас в основном развлекательную продукцию выпускает Дримгейт. Еще японские есть хорошие студии...

– Дримгейт? Новая киностудия?

– Да нет. Кто сейчас смотрит кино? – сморщился Энрике. Он не вел машину, даже не касался джойстика. Машина мчалась сама. – Сейчас только интерэки.

– Кино вымерло? – удивился Рей.

– Нет, почему. Существует, даже популярно. Как театр. Ты часто в театр ходил?

– Один раз в школе, – вспомнил Рей.

– Вот и тут так же. Для любителей есть и кино. И театр, и книги. Все есть. Но народ смотрит только интерэки.

– А это что? Вроде игры интерактивной?

– Вероятно. Но те игры, что ты помнишь – примитив. Сейчас все намного интереснее. Да сам увидишь.

Рей повернулся к окну. Дух захватило.

Машина неслась на огромной высоте, не касаясь колесами дороги – она парила над гигантским спиральным спуском. Сзади оставались четыре небоскреба, в которых располагался, в частности, Бернский центр; впереди, далеко внизу, спуск переходил в виадук, дугой вскинутый над городскими кварталами. Вид на город с высоты птичьего полета ошеломлял. Слева внизу синело озеро в обрамлении темных лесов. За ним – нечто новое, огромный прозрачный купол, закрывающий лес чуть не до горизонта.

– Это что такое, вон там? – спросил Рей. Энрике глянул.

– А-а, это закрытая зона. Там радиация, вот и поставили купол из графеновых мембран. Хоть ветром воздух оттуда не разносит.

– Почему радиация? – поразился Рей.

– Эпицентр. Берн, собственно, тоже зацепило, здесь километров сто всего. Там была база НАТО, русские бомбу сбросили.

– Так что, – помолчав, спросил Рей, – война была, что ли? Здесь, в Европе?

– Война была мировая, – сурово ответил племянник, – но уже пятьдесят лет прошло. Теперь уже нормально все. Правда, если помнишь, в твоё время на Земле жило семь миллиардов человек... или шесть? Сейчас по приблизительной оценке три миллиарда. Но я бы сократил еще раз в два, прости за цинизм.

– Ничего себе, – выдавил Рей. И по-новому взглянул на молодого старика, сидевшего рядом с ним. – Тебе, выходит, тоже досталось тогда?

– Да ничего, – пожал плечами Энрике, – мы с родителями переехали тогда на Гран-Канария. Ты же помнишь, у нас там вилла. Там было спокойно. После войны вернулись сюда. В общем, на жизнь пожаловаться не могу.

– А чем сейчас занимаешься? – поинтересовался Рей.

– Да все тем же. Унаследовал корпорацию твоего отца, так как других родственников в живых не осталось. Косметика и фармакология Гольденберга. Восемьдесят шесть фабрик в тринадцати странах.

Расстояние от Берна до Бодензее, две сотни километров, они преодолели за сорок минут. Машина неслась с головокружительной скоростью по трассе, проложенной в основном высоко над землей, но иногда спускалась вниз, а временами ныряла под землю, в бесконечные темные туннели. Неподалеку от Констанца «Мерседес» съехал с трассы на обычную вроде бы асфальтовую дорогу. И эта дорога через несколько минут привела к небольшому замку, сверкающему, как сахар на зеленой тарелке парка. Это было причудливое архитектурное сооружение из стекла и белоснежного непонятного материала. Казалось, дом сложен из белой папиросной бумаги. Складки внизу, башенки и переходы наверху. Широкий пруд и парковый ансамбль.

– Неплохо ты устроился, – только и сказал Рей. А ведь, казалось бы, и сам вырос в замке миллиардера.

Энрике усмехнулся. Травяной газон внезапно разъехался перед ними, и машина нырнула под землю. Из подземного гаража, напоминающего парковку в Берне, мужчин поднял домашний лифт.

– Ну а теперь – обедать! – весело воскликнул Энрике. – Комнаты для тебя уже приготовлены, отдохнешь пока. Мои все в разъездах. Но на днях обязательно познакомлю тебя с семьей.

Обед из шести блюд был подан в просторном классическом зале. Дядю и племянника обслуживали вышколенные официанты, чернокожие в белых ливреях. На диванчиках величественно возлежали два породистых дога – мраморный и черный. Звучала тихая, на грани слышимости, классическая музыка.

Рей сожалел лишь о том, что желудок еще недостаточно растянулся и не то что съесть, даже попробовать все невозможно.

Впрочем, это не проблема. Будет еще время все распробовать.

По словам Энрике, виртуальную реальность, пресловутую «Матрицу», потомки так и не изобрели. Но в первый миг, едва Рей шагнул через порог в свои апартаменты, ему показалось, что он выпал из реального мира.

Затейливые радуги вспыхнули над шкафом и стульями, просторная комната ожила, зазвучала голосами, тихими мелодиями, цветное облачко вдруг оторвалось от подоконника и поплыло к Рею. Через комнату пробежал, смешно подбрасывая зад, белый кролик. Рей остолбенел.

– Желаете напитки? – поинтересовалось облачко грудным женским голосом, дублируя эти слова надписью. Рей остолбенело помотал головой. Кресло внезапно сорвалось с места и поехало к нему.

– Пожалуйста, присядьте, – голос, на сей раз более низкий, доносился из спинки кресла. Подлокотники услужливо раздвинулись. Рей плюхнулся на сиденье. Облаков было уже два – розовое и зеленое, – они плясали в воздухе, и там, внутри облачков, шли какие-то непонятные телепрограммы.

– Желаете выйти в интернет? – осведомилось кресло.

– Да! – брякнул Рей. Из подлокотника высунулась змеиная головка – Рей отпрянул. Змея высунула длинный язык и предложила человеческим голосом:

– Трас-кола? Фанта – сто пятьдесят вкусов? Свежий сок? Алкогольные коктейли? Литы? Оргази?

– Ничего не надо! – буркнул Рей. Тем временем на голову ему опустился обруч с затемненной дугой на глазах – пришелец из прошлого разом оказался в мире ином.

Энрике говорил о вирт-костюмах, вирт-кабинах, дескать, для игр и интерэктов – самое то, полное погружение в мир тактильных, ольфакторных и прочих реальных ощущений. Даже болезненных, по желанию, правда, с ограничителями. Но Рею хватало и визуально-слуховых впечатлений. Трехмерная реальность разворачивалась вокруг, и хоть Рей ощущал свое тело, уставшее после непривычного движения, расслабленное в кресле, сознание его было полностью захвачено интернетом.

Все это по-прежнему называлось «интернет», хотя и не имело с его куцей допотопной версией, которую Рей так любил раньше, ничего общего. Разница примерно как между летательным аппаратом братьев Райт и космическим челноком. Конечно, и то и другое летает...

Рей отказался от помощи, да у племянника и времени не было. Теперь было ясно, что самостоятельно в этом пестром, орущем многоголосиим мире не разобраться. Управление было даже не голосовое, а через нейрофон, сенсор на гортани, с которого комп непосредственно считывал колебания.

Но как тут управлять? Рей попробовал запросить поисковую машину. Перед ним возникла белая стена, но справа налетела полуголая певичка с ядовито-розовой прической и пронзительным визгом, за ней нервно дергалась массовая подпевка из таких же идеальных ядовито-розовых девушек. Они пели о какой-то Игре, и тут же возникла таблица, напоминающая о спортивных состязаниях. Слева ревел мотор суперновой «Субару», и сама машина крутилась в искрах на подиуме, звучала тихая музыка под шум прибоя – реклама курорта, впереди радостно кричали дети, увидев сладкие творожки, а потом из творожков вылезли разноцветные человечки (бр-р-р) и затанцевали. Одновременно приглашающе раскрылись несколько дверей и ворот; огромный радужный портал звал к самому массовому рынку в истории «Купить Можно Все!», еще пять или шесть интернет-магазинов наперебой зазывали, сверкая надписями и огнями, в свои заманчивые недра, внизу возбуждающе мерцала алым дверца, за которой мелькали женские попки и груди, предлагая волшебство эротических наслаждений, вверху гремел музыкальный портал... Рей окончательно запутался, махнул рукой и поплыл по воле течения. Его занесло вначале в музыкальный зал (и здесь было трудно удержаться от затягивающих сознание окон эротики, магазинов, других музыкальных порталов), и он попытался оценить здешние стили.

Что сказал бы Сайлас, гениальный гитарист, которого Рей отыскал в мелком клубе Амстердама и который оказался настоящим кладом? Впрочем, группа «Распад сознания», основанная Реем, не добилась особых успехов, и в раскрутке он, несмотря на вложенные папины деньги, тоже оказался не слишком хорош. Сам Рей играл в группе на ударных, иногда заменяя Боба, или на маракасах и прочей ерунде.

Но здесь никто не дотягивал до уровня Сайласа, или Рею просто не удалось вот так, с лету, найти что-то приличное. Попса за прошедшие восемьдесят лет стала еще примитивнее и давила больше на эротические инстинкты (исполнители были профессионально обнажены), чем на эстетические. Хотя, утешал себя Рей, если в наше время зайти на любой музыкальный портал, что ты встретишь в первую очередь? Уж явно не элитарную музыку на ценителя. Потом его буквально затянуло в двери гигантского магазина, в коем он не без удивления узнал старый добрый Гамазон.

Понять здесь было ничего невозможно! Какие-то красотки сновали вокруг, швыряли товары, казалось, прямо ему в руки и наперебой рассказывали о чудесных свойствах плазмеров, каддеров, ку-фаев, чивандайзеров, кухонных приставок, финатовых ширм и прочих совершенно необходимых в жизни вещей. Рей совершенно случайно едва не купил какую-то помесь кофемолки с электронным справочником и теплоизлучателем, и сделка сорвалась лишь потому, что очередная красавица-продащица, схватив его за руку и приставив палец к темной дощечке, разочарованно произнесла: «Ваша кредитоспособность не поддается оценке, проверьте, пожалуйста, настройки вашего компьютера!» – и мгновенно испарилась. Мысленно

вытирая пот, Рей нашел выход из Гамазона и поклялся себе впредь не заходить в такие места без предварительного интернет-курса. Единственное, что его спасло, – отсутствие (пока что) его чипа в общей банковской системе.

В конце концов Рею удалось как-то разобраться в поисковом портале, и он принялся с интересом изучать современные трехмерные видео и даже поучаствовал в одном интерэке – музыкальном клипе. Этим он занимался до вечера, пока Энрике не возник в одном из интернет-окон и не пригласил его на ужин.

На ужине присутствовала супруга Энрике – директор исследовательского фармацевтического института концерна Гольденберг, очаровательная Наоми Гольденберг. Этой тщательно моделированной брюнетке на вид было лет тридцать, хотя по факту исполнилось семьдесят два. Наоми улыбалась и непрерывно щебетала.

– Попробуй еще вот тропикану, эти фрукты нам доставляют свежими из Танзании самолетом, а наш повар делает великолепные десерты... Жюль, – она щелкнула пальцами, и чернокожий слуга немедленно поставил перед Реем блюдо. Размороженному стало не по себе, в его времена порядка даже в лучших домах Европы были более демократическими.

Кстати, в столовой и во всем остальном доме мебель не прыгала как сумасшедшая и не решала за Рея, чем ему заняться.

– Наш старший сын сейчас, к сожалению, не может – проходит курс омоложения на Гавайях. А младший, Гарри, на совещании топ-менеджмента, он много занимается делами, труженик, но обещал непременно приехать познакомиться с тобой! И Марго привезет, Марго – это наша младшая внучка. Она еще студентка.

– А сколько всего у вас внуков? – спросил Рей, чтобы не выглядеть невежливым.

– Твоих внучатых праплемянников, – ухмыльнулся Энрике, – ну, кроме Марго, еще Елена, она занимается модой, сейчас на показе в Париже, но обязательно явится. И Леон...

– Наш старшенький внук! Он у нас геймер, – с гордостью вступила Наоми. Рей неловко кивнул. Он не понял, почему надо гордиться тем, что взрослый, по всей видимости, мужик проводит массу времени за компьютерными играми, но кто их тут знает.

– Как тебе нравится у нас? – сменила тему Наоми. – Ведь правда, интересно?

– Да уж конечно! – Рей вспомнил свои приключения в интернете и со смехом рассказал о попытке зайти в Гамазон.

– Да, это не так-то просто! Чтобы успеть за современным темпом, тебе надо будет позаниматься!

– А кстати, я получу этот... чип? Как я понимаю, это у вас вместо денег?

– Не торопись, дядя, – кивнул Энрике, – на завтра я вызвал нашего управляющего Ахима Перейру. Он занимается и твоими делами. С утра мы на свежую голову спокойно все это обсудим.

Рей открыл глаза.

Несколько секунд он не понимал, где находится. Потом нахлынула эйфория.

Он выжил. Он умирал от лимфосаркомы, ему было так хреново, как никто даже представить себе не может: боль, тошнота, нечеловеческий ужас – и все это в двадцать восемь лет! Рей, росший в баварском роскошном поместье, учившийся в частной школе, Рей, в жизни не знавший затруднений с оплатой любого каприза, никак он был не готов к тому, чтобы умереть, не дожив до тридцати. И все же умер.

Но – ожил снова. Да ведь это самое сногшибательное, самое потрясающее приключение, такого никто из его друзей не мог даже представить. Жаль, что им уже этого не рассказать. Но главное – он жив. Ему снова двадцать восемь. У него впереди вся жизнь, причем жизнь куда интереснее и полнее, чем та, которую он прожил бы в свое время. Дримгейт, собственный вертолет, интерэки, роботы, «интерактивная реальность» – вся эта живая мебель...

Рей спустил ноги с постели. Племянник выделил ему апартаменты из четырех комнат. Если эти залы можно назвать комнатами. Теперь Энрике объяснил, как отключить интерактивные функции, оставил лишь несколько необходимых – и комнаты остепенились. Здесь было просторно и просто: деревянная мебель, паркетный пол. А вот стены необычные – матово-тусклые, похожие на экраны, и совершенно прозрачная стена в сад, как будто ее и нет, и в спальню ломятся тяжелые зеленые ветви с незрелыми яблоками. Пение птиц оглашало комнаты, пахло свежестью и цветами, но ничего общего с какими-нибудь освежителями воздуха. Самые настоящие ароматы, природные.

Рей прошлепал в душ – пол был приятно прохладен. С минуту разбирался в системе кранов, сенсоров и душевых трубок, ругался с интерактивной системой. Наконец сумел более или менее успешно вымыться, промыть голову шампунем, а потом даже отыскать манипулятор, игравший роль фена, и высушиться. По ходу действий душ пытался продать ему какой-то новейший набор для мытья и эпиляторный крем, но Рей нахамил искусственному интеллекту и сообщил, что чипа у него до сих пор нет.

Шкаф, распахнув дверки, выдал набор одежды: светло-серые брюки, черная шелковая рубашка, натуральное белье и носки. На столе оказался поднос с завтраком. Рей взглянул на часы и устыдился – продрых до одиннадцати, надо же.

Он быстро оделся, покидал в себя завтрак – булочки, свежий джем, масло, нарезка, хороший крепкий кофе. Как приятно вновь ощутить себя живым и здоровым! На стене возникла физиономия племянника, Рей вздрогнул.

– С добрым утром, Рей! Встретимся через полчаса в моем кабинете, ОК?

Пошатываясь, он вышел в коридор. Хорошенькая прислуга наводила порядок – снимала со стены тонкие стеклянные рамки, продувала их неким приборчиком, устанавливала на место. Девушка обернулась к Рею, приветливо улыбнулась и сказала по-немецки:

– Доброе утро!

Она была натуральной блондинкой – пышные мягкие волосы до плеч, серые глаза, заметные крепкие груди под синим комбинезоном, тонкая талия перетянута фартучком с оборками. Безупречные бедра и, к сожалению, скрытые брюками ножки. Зато руки обнажены почти до плеча, на них выделялись мышцы, немного слишком развитые, но под мягкой и нежной кожей – так и хочется погладить.

– Доброе, доброе! – ответно улыбнулся Рей. – Вы откуда, добрая фея?

– Я работаю у вашего племянника, – пояснила девушка, – меня зовут Леа. Моя специальность – семейная помощница, или, по-старинному, экономка.

По-немецки девушка говорила свободно, но с легким акцентом. Славянка?

– Откуда вы приехали, Леа? – поинтересовался Рей. – Если не секрет?

– Нет, конечно. Я из Польши, город Львов.

И она снова ослепительно улыбнулась. Рей подмигнул красотке, бросил еще раз взгляд на крепкие грудки под синей тканью и подошел к мраморной лестнице, ведущей на третий этаж.

Кабинет Энрике пока был пуст. Рей оценил изысканный дизайн помещения – белые кресла, словно растущие из перламутрового пола, непонятные серебристые приборы у стен, за перегородкой угадывались очертания письменного стола, мониторов. Здесь не было окон, но свет лился, казалось, отовсюду. На перегородке, делящей кабинет на две части, мерцала разноцветная гигантская карта мира.

Вот только очень странная карта.

Рей сел в одно из кресел и принялся изучать нынешнее мировое устройство. Что там Энрике говорил, теперь на планете живут только три миллиарда?

Цветной была меньшая часть мира – почти вся Северная Америка, Австралия, Африка, часть Европы, некоторые острова. Японии на карте вообще не было! Зато увеличена и выделя-

лась бордовым пятном Гренландия. Эта раскрашенная часть мира была разделена на страны, хоть и не совсем так, как смутно вспоминалось Рею.

А вся остальная гигантская часть суши, в том числе вся Россия, Китай, Индия, да и вся, собственно, Азия и еще Южная Америка – все это оставалось на карте девственно белым. И черным по белому – единственное обозначение: Cold Zone.

Европа была нарезана причудливо. «Холодная» белая зона проходила, оказывается, не так далеко отсюда, начинаясь от северной границы Баварии и Баден-Вюртемберга. Она занимала всю оставшуюся часть Германии, Данию, Скандинавию, переходя на востоке в необъятные просторы бывшей России. Внизу белой была Греция и какие-то еще страны рядом, белая зона проходила по берегу Черного моря и опять же впадала в гигантские российские просторы. Остальная Европа была цветной – от Англии, Франции и Бенилюкса, через Швейцарию и Австрию, Чехию, Польша была белой на севере и цветной к югу. Кстати, что там сказала эта девочка? Она полька из Львова. Но разве Львов – польский, а не русский город? Впрочем, кто его знает, Рей никогда не был силен в географии.

Рей так увлекся рассматриванием карты, что вздрогнул от толчка двери. Вошли Энрике и управляющий Ахим Перейра, стройный, с благородными бакенбардами.

– Прости, дядя, мы слегка задержались, – улыбнулся племянник, – надеюсь, ты не скучал.

– Я тут карту разглядывал. Что это случилось с Россией и Китаем? – поинтересовался Рей. Энрике развел руками.

– Я ведь говорил тебе, что была большая война. К сожалению, на этих территориях практически ничего не осталось. По большей части они заражены, все разрушено, сожжено, зона бедствия. Нет, там кто-то живет, конечно. Но... цивилизации там нет, и для инвестиций эти земли больше не представляют никакого интереса. Пока, во всяком случае.

– Ничего себе, – поразился Рей, глядя на уничтоженную половину мира.

– Могло быть хуже, – заметил Энрике. Мужчины заняли кресла, перед ними развернулся серебристый пленочный экран, непонятно каким образом повисший в воздухе.

– Да, счастье еще, что во время войны уцелело так много нормальных, цивилизованных стран, – подтвердил Перейра.

– И Германия наполовину...

– Больше, больше, чем наполовину, – скорбно подтвердил Энрике, – Однако будем радоваться тому, что пока еще есть. И перейдем к делу. Ахим?

– Да, пожалуйста! – Перейра слегка поиграл на консоли, и на серебристом экране стали разворачиваться графики.

Рей слушал внимательно. Вначале он ничего не понимал, но Перейра настойчиво повторял одно и то же. Холодный пот покатился по загривку. Перейра говорил и говорил, словно гвозди вбивал в крышку гроба, чтобы уже запереть покойника понадежнее.

По его словам выходило, что у Рея нет денег. Совсем.

Мать, отправляя его в рискованное путешествие в будущее, позаботилась о дальнейшей оплате крионической фирмы. Фактически она потратила на это все свое состояние, и остаток после своей смерти завещала только ему – его телу, беспомощно погруженному в жидкий азот.

Эта фирма забрала абсолютно все. И хотя отец тоже завещал ему когда-то небольшой капитал, весь этот капитал был целиком уничтожен во время войны. Потеряны все фабрики Индии, Пакистана, Бангладеш. Именно часть наследства Рея была уничтожена.

Клаудиа и Энрике сумели возместить свои потери, быстро развернув производство инновативных фармакологических средств. Но частью капитала Рея никто не занимался – было просто не до того. Да никто и не верил в возможность оживления.

И теперь никаких денег у Рея не было. В последние годы его труп содержали бесплатно, за какой-то грант, так как он считался научным феноменом, по этой же причине его бесплатно обслужили в клинике. В данный момент Рейнольд Фридрих Гольденберг – полностью

нищий человек, ему даже нечем заплатить за оформление чипа и документов. У него нет дома; подобно Сыну Божьему, ему негде преклонить голову, нет капитала, нет образования. Нет ничего.

– Вот как, – только и произнес Рей, когда Перейра окончил разъяснения. Его била дрожь, сильнейшее беспокойство, он никогда еще такого не испытывал – чтобы нигде, даже вдалеке и в виде надежды, не маячила тень всемогущего отца с неисчерпаемым счетом. Чтобы не носить кредитку в кармане и не иметь возможности по любому случаю небрежно кинуть ее на прилавок.

Это было совсем новое и очень, очень неприятное ощущение. Он сжал зубы, чтобы сдерживать панику.

«Зато я жив. Черт возьми, я жив, и у меня нет лимфосаркомы. А с деньгами как-нибудь, да уладится!»

– Однако, Рей, тебе не следует беспокоиться, – любезно заметил племянник, – у тебя есть родня. Мы с радостью тебе поможем, наша семья по-прежнему состоятельна. Пока не думай ни о чем, спокойно живи в моем доме, изучай новую реальность. Со временем мы найдем тебе какую-нибудь работу. Конечно, ты должен знать правду. Но не беспокойся, Рей! Само собой разумеется, я тебя не оставлю.

Слова племянника о «какой-нибудь работе» зацепили Рея больше, чем он сам мог предположить. Но через несколько дней он совершенно успокоился и забыл эту фразу. Отец тоже постоянно бурчал на тему: «надо-учиться-надо-работать», но, тем не менее, башлял, и башлял столько, что хватало на все.

Теперь племянничек в три раза старше его. Это старпер, как они любят говорить, «всего добившийся» (хотя чего он добился? Ему ведь все падало в рот). Он просто физически не может не нудить. Однако семейные связи остаются семейными связями – своих не бросают. Да Рей на одних воспоминаниях о прошлом может состояние сделать!

Так что стресс быстро улегся. Энрике распорядился оформить Рею чип (чип вводился, как собаке, банально, под кожу). Отдельного счета ему не завели, но он мог пользоваться семейным потребительским счетом – неиссякаемым.

Сначала он летал в клинику раз в два дня, затем ему разрешили являться раз в неделю. Здоровье не вызывало никаких нареканий.

Рей научился ориентироваться в интернете и отключать хотя бы часть рекламы. Он просмотрел последние хиты интерэков. Спецэффекты были великолепными. Например, в «Убийстве с клубникой» можно было самому выстрелить в убегающего маньяка и ощутить запах горелой человеческой плоти. В космическом боевике «Опасная звезда» тело плавало в невесомости среди звезд, так что даже комок к горлу подкатывал.

Распространены были в основном сюжеты боевиков и детективов, отдельной статьей шла эротика. Собственно говоря, в нормальном сексе уже практически не было нужды, так как спецнасадки и вирткостюм обеспечивали полную гамму тактильных ощущений, а интерэки – любую, самую немыслимую обстановку.

Ему очень хотелось посмотреть мир: что в нем изменилось? Пощупать собственными руками новую ткань этого мира, ощутить его запах. Рей просмотрел туристические порталы. На южных курортах, не перешедших в Холодную зону, мало что изменилось. Но ему хотелось не пляжей и мулаток – секс, море и солнце вряд ли сильно изменились за полвека. Интересно увидеть нынешние города.

С Нидерландами вышел полный облом. Оказывается, за это время уровень Мирового океана значительно повысился. И с климатом произошла ерунда, которую еще тогда предсказывали, и к тому же во время войны применяли какое-то новое оружие, так что земная кора взбесилась, было много цунами и землетрясений. Часть голландской территории ушла под

воду, на другой части шла мощная стройка – наращивали гигантскую стену для защиты от океана. Та же история творилась и в Англии. Что касается Японии, она прекратила свое существование; вернее, перенесла его на территорию Австралии, где им выделили значительный кусок местности, почти равный прежним островам. Там теперь располагались старые японские корпорации – Мицубиси, Тойота, Тошиба, Сони, Хитахи, по-видимому, сохранившие богатство и влияние. Однако ехать в такую «Японию» не имело смысла. Вообще прежние туристические цели как-то утратили лоск, вместо этого компании активно предлагали, например, Карлсруэ – уж что там такого интересного, в этом затрапезном немецком городе? Много увлекательного обещали США, но в Америку Рей пока не хотелось лететь.

На собственный страх и риск Рей в одиночку полетел в Люксембург. То есть, конечно, его сопровождал семейный пилот – все-таки на автоматику целиком положиться нельзя.

Столицу карликового герцогства было не узнать. Древние замки и ажурные мосты над каньонами были лишь декорациями – в них творилась мистерия. Цвели неземные растения, порхали гигантские бабочки, вспыхивали фейерверки, из каньонов поднимались мерцающие облака, дивные существа танцевали в воздухе.

Рей помнил, что в прежние времена здесь ходили какие-то экскурсии из пенсионеров в шортах и с фотоаппаратами и жадно глазающих на все восточноевропейцев. Сейчас не было ни экскурсионных автобусов, ни деловитых гидов, ни туристов. По городу свободно разгуливали дамы и кавалеры в пышных средневековых нарядах, в каретах проезжали важные лица, гарцевали отряды мушкетеров на выхоленных конях. Входы охраняли гвардейцы – в основном почему-то чернокожие. Впрочем, многие были одеты обыкновенно, как Рей, видимо, приезжие. Замки и здания перемигивались фантастической иллюминацией, повсюду то и дело разыгрывались ролевые сцены – Рей не знал этих фильмов и интерэктов, но остальные, по-видимому, были в курсе. Разные эпохи и миры пересекались в Люксембурге. В каньон плавно спускались на дельтапланах юные девушки в сверкающих платьях – словно стайка летучих эльфов. У самого дворца Рея едва не сбила с ног группа гогочущих офицеров в форме Третьего Рейха.

На фасаде ресторана переливалась трехмерная видеореклама – Флаг-Турнир Люксембурга, 5 апреля, 10.00, какие-то вооруженные мускулистые парни с флагами. Рей вошел в ресторан и с облегчением уселся. Смуглый официант немедленно подскочил с меню. Рей заказал, почти не глядя. Обслуга здесь работала бесшумно и ловко. В основном иностранцы, конечно – из Африки или откуда их там несет. В этом смысле в Европе ничего не изменилось, разве что иностранцы ведут себя не так нагло. Наверное, отменили пособия, подумал Рей. Не то что пособия и иностранцы его раздражали, но в глубине души он не мог не признавать правоту окружающих: все же ненормально, когда эти голодранцы толпами едут в Европу паразитировать на социальных пособиях.

Здесь они в основном работали, и работали старательно. Внезапно рядом с Реем появился какой-то тип с фиолетовыми глазами и коротко стриженной шевелюрой того же цвета.

– Извините, все столики заняты. Вы не будете против, если я...

Рей пожал плечами. Тип плюхнулся напротив него и углубился в изучение электронного меню. Официант тихо поставил перед Реем блюдо с жареным мясом и капустой.

Сосед оторвался от меню, сделав заказ. Затем взглянул на Рея, улыбнулся.

– Кстати, раз уж я здесь сижу, то, видимо, надо представиться. Меня зовут Шон Уэсли. Я журналист, сотрудник «Риаллайф». Вы ведь знаете наш портал?

– Э... не очень, – признался Рей, – дело в том, что я...

Журналист протестующе выставил ладонь.

– Нет, нет, не надо оправданий! Я все понимаю. И вам представляться не нужно – я знаю, кто вы такой.

– Гм, – произнес Рей, начиная понимать, что его обвели вокруг пальца. Но уйти сейчас было бы странно – бросить только начатый обед...

Посоветовавшись с Энрике, он отказал всем журналистам, хотя уже в первый день получил с десятков запросов на интервью. Как и у большинства здесь, лицо Уэсли было полностью смоделированным и казалось лицом киборга – неестественно ровная кожа приятного оттенка, идеальные черты и декоративная печать «Риаллайф» на виске. Это Рея уже не удивляло. Он и сам планировал в ближайшее время отправиться в модель-салон, вот только надо было выбрать свой имидж.

– Не обижайтесь, – улыбнулся Уэсли, – если вы не хотите интервью, я прекрасно могу это понять. Право на частную жизнь! Это важнее всего. Но я очень любопытен, это не только профессиональное, это личное. Вы можете поговорить со мной просто как с человеком?

– А завтра все это появится на первой полосе... или как это у вас называется?

– Ну что вы! – воскликнул Уэсли. – Да если я посмею хоть слово опубликовать без вашего согласия, вы сможете разорить меня начисто! Вы знаете, какая сейчас юриспруденция? Всего несколько вопросов, Рей! Вы меня так обяжете!

– Ну хорошо, – сдался пришелец из прошлого, – валяйте, спрашивайте.

Уэсли подобрался.

– Вопрос самый простой: вот вы видите наш мир... Что в нем изменилось по сравнению с прошлым? Что особенно поразило вас?

– Ну, конечно, интернет, – не колеблясь, ответил Рей, – техника вообще. Машины все эти, вертолеты. Интерактивные системы, – он чуть не сказал «интерактивный секс». – То есть можно было представить и большие изменения, но и это все равно поражает. Система торговли, реклама – раньше она все-таки не была такой... навязчивой.

Официант принес Уэсли заказ – судя по обилию макарон, какое-то итальянское блюдо. Уэсли аккуратно вооружился ложкой и вилок.

– Так, – подбодрил он Рея, – ну техника – это самое очевидное. А общество, люди? Что-нибудь изменилось для вас?

– Для меня – конечно, – медленно сказал Рей, – мои близкие и друзья давно мертвы.

Уэсли даже перестал жевать, сочувственно глядя на него.

– Но вы живы, – сказал он ободряюще.

– Да, я жив, хотя тоже должен бы сейчас лежать в виде горстки пепла, – согласился Рей, – и это позитивно.

– А наше общество?..

– Я не вижу особых изменений, – осторожно сказал Рей, – все, как и раньше.

– Но ведь была война! – воскликнул журналист. – Это-то вы должны были заметить!

– Конечно, да. Все эти зоны, купола. Опять же, Япония затонула, часть Нидерландов, – Рей вдруг разозлился. Похоже, Уэсли хочет выставить его недалеким идиотом, – но вы знаете, в целом и у нас все было так же. США и Европа пляшут, отдыхают и нюхают кокаин. Негры, арабы и всякие югославы всеми правдами и неправдами ломаются в Европу и согласны на любую работу. Что, сейчас не так, скажете? Ну а большая часть мира – «холодная зона», потому что ни Россию, ни Китай мы не понимаем и боимся. Так в чем разница, что изменилось?

– Ни России, ни Китая больше не существует, – медленно сказал журналист и вдруг улыбнулся, – а вы интересно мыслите. Нестандартно! Пожалуй, ведь и правда – в этом смысле ничего не изменилось.

Он кинул взгляд на пробегающего мимо чернокожего парнишку-официанта.

– Зона Развития... Не дай бог там жить, это правда. Неудивительно, что бедняги стремятся к нам всеми силами. Но давайте поговорим о чем-нибудь более интересном! Ведь вы, можно сказать, пришелец из прошлого! Расскажите, как оно было там, в 2012 году от Рождества Христова?

– Да обычно, – Рей пожал плечами, – даже не знаю, что вам рассказать. Многого не было из того, к чему вы тут привыкли. Фильмы были обыкновенные, трехмерные только появля-

лись, и это было совсем не так, как здесь – только отдельные спецэффекты. Кстати, в 2012 году все ждали конца света. Даже фильм был такой, «2012». По какому-то календарю Майя рассчитали...

По выражению лица журналиста Рей понял, что тот ничего не слышал о конце света в 2012 году и о календаре Майя. И что с тех пор в апокалиптическом смысле случились куда более интересные события, о которых он, Рей, ничего рассказать не может.

Он торопливо заговорил о компьютерных играх. В принципе, он не был геймером, но кое-что порассказать мог. Уэсли кивал, но наибольшее внимание уделял своей тарелке. Рей, впрочем, тоже успевал в перерывах пожевать мясо. С игр он перешел на музыку, и тут уже дал себе волю, поругав одних, мимоходом похвалив других, выразив сожаление, что такие-то перспективные направления полностью потерялись за эти годы.

– Ну а политика, экономика? – спросил журналист. – Что можете сказать на эту тему?

Рей пожал плечами.

– Не помню уже. Была война в Сирии, кажется. Еще Ирак. Афганистан – это раньше... Вы про 11 сентября-то знаете?

– Как же! – оживился журналист. – Эта траурная дата положила начало новой эпохе в истории человечества. Правда, если откровенно, Рей, с тех пор взорвали столько небоскребов!

– Не знаю, – вздохнул Рей, – я политикой не особенно интересовался.

– А по поводу обычной жизни в Европе? Кажется, тогда впервые поставили вопрос о БОДе?

– О чем – о чем? – удивился Рей.

– А, или я ошибся, и это было позже. Безусловный основной доход. То, что сейчас у нас называется базисом. Каждый человек имеет право на базис – на обеспечение основных минимальных потребностей. Конечно, это относится только к гражданам и гостям Демократической Федерации.

– А я думал, у вас пособия отменили. Нет, я по этому поводу не могу ничего сказать, – признался Рей, – никогда не интересовался.

Уэсли отодвинул тарелку. Прижал предплечье к сенсору оплаты.

– Рей, – проникновенно сказал он, – а может, все-таки дадите разрешение на публикацию? Я бы вам пообещал половину гонорара, но у вас и так денег куры не клюют. Понимаете, Рей, сейчас публику заинтересовать трудно. Знаете почему? Реальная жизнь полностью уравнена в правах с выдуманной. Посмотрите на Люксембург. Что это – древнее европейское герцогство с тысячелетней историей или обиталище эльфов, гномов, вулканцев, трутов с планеты Вирин? То же самое творится в журналистике. Вы же читали новостные порталы?

– Я не очень интересуюсь такими вещами, – небрежно ответил Рей. Журналист ему уже поднадоел.

– Надо искать что-нибудь, что поразит воображение публики. Что купят. Понимаете? Что купят. Это можно найти – но можно и придумать. Искать – это труд, придумывать – удовольствие. Я могу сесть и из пальца высосать интервью с придворным Людовика XV, прилетевшим на машине времени. А могу преследовать вас, как детектив, умолять, уговаривать, даже унижаться – и написать интервью с настоящим, а не выдуманным пришельцем из прошлого. Для публики это одно и то же. И по деньгам для меня – то же самое. Но придумывать проще. И придумать я могу куда похлеще. Сейчас никого не интересует правда. Вообще, что это такое – правда? Она ведь всегда относительна. Хотя вы в чем-то правы – уже в ваше время правда перестала иметь какое-то значение. Важно лишь то, что напишут в газетах. Сейчас все это только расширилось и углубилось. Никто не ждет от журналистов сведений о мире. Все знают, что достоверных сведений о мире нет и быть не может. Мы все живем в фантастическом портале, где каждую минуту может случиться что угодно: обрушится цунами или метеорит, прилетят пришельцы, королева Виктория войдет в комнату, богатый дядюшка подарит нам мил-

лиард, коммунисты бросят нас в концлагерь. Это гораздо интереснее, чем какая-то правда и какие-то сведения о жизни...

Он замолчал, допивая колу. Рей выжидательно смотрел на него.

– Поэтому, если сказать откровенно, вы не так уж интересны, герр Гольденберг. Именно поэтому сотрудники инфопорталов ограничились стандартными запросами на интервью и, получив отказ, сразу смирились.

Это было как удар под ложечку. Рей раскрыл рот.

– А зачем же вы тогда...

– А мне действительно интересно самому, – признался Уэсли, – но раз уж я работал, то могу рассчитывать на вознаграждение, как вы считаете? И потом, среди наших читателей могут найтись и те... кому небезразлично. Для кого есть некоторая разница между реальным человеком, жившим в начале века, – и выдуманным героем.

Журналист подался вперед.

– Я собираю информацию, – произнес он, глядя Рею в глаза, – меня интересует правда. У меня в записниках столько мелких любопытных фактов, столько сведений о нашем реальном мире, что, возможно, если бы я опубликовал всю свою коллекцию, кто-нибудь заметил бы между ними такие взаимосвязи, которые взорвали бы наш мир. Вы – часть этой правды.

Рей оплатил еду нажатием на сенсор, тупо глядя в столешницу, сверкающую немой подвижной рекламой.

– Вы же видите, – буркнул он, – я ничего не могу вам рассказать. Я сам ничего не знаю о мире. О музыке разве что. Да и то это только мое мнение. Все сведения о музыке нашего времени вы и так можете найти в интернете. А так... Я принадлежал к небедной семье. Мы жили, в общем-то, так же, как моя семья живет и сейчас. Ну, хайтека было поменьше. Что я могу вам рассказать?

– Я уже понял, – мрачно сказал Уэсли, – но разрешите опубликовать то, что вы уже сказали?

– Да публикуйте, – пожал плечами Рей, – что нужно – подписать что-нибудь?

– Достаточно устного согласия, – обрадовался журналист, – я все зафиксировал! Спасибо большое!

Рей молча проводил его взглядом. Возможно, следовало поговорить подольше. Он собирает сведения о мире. А Рею тоже пригодились бы сведения об этом мире и о том, как жить в нем.

Хотя, с другой стороны, – зачем? Он вроде бы и так неплохо устроился.

Рей мрачно поднялся из-за стола и двинулся в сторону замка. Настроение отчего-то было испорчено.

Глава 2. Школа-коммуна

Когда Лийе было восемь лет, ее однажды вызвали в школьный медкабинет. Тогда Лийя училась в сорок шестой городской школе, а жила дома, с родителями и старшим братом, который собирался ехать учиться в Ленинград.

В кабинете была не школьная медсестра Надежда, а тетенька из Детконтроля, психолог. Лийя с ней уже познакомилась, тетеньку звали Александра. или просто Сандра, она проводила тесты во всех классах. Сандра была худая и высокая, носила, как многие воевавшие, старую форму со споротыми знаками различия, перетянутую ремнем в тонкой талии, высокие ботинки, партийный значок на отвороте. Она улыбалась широко и открыто, и с ней Лийя как-то меньше боялась. Вообще-то со взрослыми лучше помалкивать, но Сандре хотелось доверять.

– Привет, Лийя, – Сандра пожала ей руку, как взрослой, – садись. Давай поговорим. Чаю хочешь?

Лийя покачала головой.

– Ну тогда вот конфеты бери, – Сандра придвинула вазочку с конфетами. Лийя несмело потянула «Мишку на Севере», стала разворачивать. Честно говоря, есть не хотелось. Но если конфеты предлагают, странно отказываться. Лучше бы напихать их в карман, но неудобно.

– Лийя, я просмотрела тесты, помнишь, вы делали на днях? Там рисунки были, подписи... помнишь?

Девочка кивнула.

– У меня к тебе несколько вопросов. Если не хочешь отвечать, просто молчи. Скажи, тебя когда-нибудь дома били?

Глаза Лийи слегка расширились. Она покачала головой с заминкой.

– Нет.

Сандра задумчиво кивнула.

– А у тебя бывают какие-то проблемы... ну, с мамой, например? С папой? Конфликты? Тебя ругают за что-нибудь?

– Ну... бывает, – Лийя говорила очень тихо, – это же нормально. Всех же ругают.

– Ты не хочешь об этом говорить? – уточнила Сандра. Лийя покачала головой.

– А где работают твои мама и папа?

– Мама, – девочка говорила по-прежнему тихо, будто с усилием, – она дизайнер одежды, но она не работает на предприятии, у нее есть своя фирма. Папа работает вместе с ней, он бумаги всякие заполняет, документы.

– И большая фирма у родителей? Кто-нибудь работает на ней еще?

– Да, еще Мила и Женя работают. Маме же самой некогда все шить, – как бы извиняясь, произнесла Лийя, – это фирма еще от бабушки, у нее после войны была фирма, тогда она была большая, а теперь маленькая.

– Понятно. А как ты считаешь, у тебя хорошие родители? Что бы ты могла о них сказать? – спросила психолог. Тонкие плечики вздрогнули.

– Да, конечно, – напряженно ответила Лийя, – у нас очень хорошая семья. Вы спросите учителей, так все говорят. Мы ходим на лыжах. И вообще. У нас все хорошо. Вот, например, у Тайки, мама и папа ругаются все время. А мои нет. Костика бьют ремнем, а у нас...

– Хорошо, хорошо, я поняла, – Сандра задумалась, – вот что, Лийя. Ты не против, если я проверю тебя на аппарате? Ты примешь лекарство, заснешь и ничего не почувствуешь. Это не больно, как... ну как ультразвук. Тебе УЗИ делали? Вот так же.

– Хорошо, – бесцветно ответила Лийя, – да, конечно.

Аппарат, названный по лекалам фантастов прошлого века ментоскопом, был изобретен во время войны. Для допросов. Правда, выяснилось, что тренированный человек успешно может сопротивляться его действию. Но зато с помощью ментоскопа можно было собирать забытую информацию у тех, кто и рад бы помочь, да не в состоянии. Даже у ребенка или у психиатрического больного.

Ментоскоп оказался бесценным диагностическим средством, притом он был безвреден, применение его не слишком сложно. Но Кирилл видел его действие в первый раз. Его ученица Лийя, бледненькая девочка с пепельными косичками, спала на кресле, под простым средством из группы бензодиазепинов – оно и нужно-то было лишь для расслабления. Сандра нацепила контактные сенсоры на голову девочки и с интересом глядела в экран.

Ментограммы выглядят совсем не как фильм, хотя в каком-то древнем фантастическом романе ментограммы использовались для увеселения публики. В настоящих картинах мозга мало интересного, непросто догадаться, что они означают вообще. Подсветкой обозначалась эмоциональная окраска.

– И что все это значит? – поинтересовался классный руководитель.

Сандра наклонилась к уху девочки и произнесла:

– Мама.

Картина на экране изменилась. Но понятнее не стала. Мелькали огромные пятна, белые и почему-то мокро блестящие. В тревожном темно-розовом, бордовом, оранжевом цвете.

– Это что вообще? – Кирилл ткнул в экран пальцем.

– Это ее мать. То, как она запечатлена в мозгу, – пояснила Сандра, – видишь, вот это – руки...

– А-а, да, понял. Но почему такие большие? Больше головы.

– Это восприятие. Расшифровывать ментограммы не так просто. Мы учились различать, где человек, где предмет. Но интересно здесь другое – эмоциональная окраска. Она обозначается цветом. Здесь тревожные, напряженные цвета. Но Лийя утверждает, что у нее в семье все хорошо. Однако если все так хорошо, то почему у нее выраженная социальная фобия, почему в классе она аутсайдер? Тихий голос, напряженная поза. И еще, что характерно, скованность движений и проблемы с физкультурой.

– Как говорил дедушка Фрейд, – вздохнул Кирилл, – бывают, внученька, и просто сны. Бывают же застенчивые дети. Она много болела.

– Ты считаешь, действительно прекрасная семья? – скептически покосилась на него Сандра.

– Не могу представить ничего другого. Вот у Костика Штейна, там в самом деле семейное насилие, отец напивается, с ним надо решать вопрос, он на очереди. У нескольких ребят в классе родители на грани развода. А здесь крепкая дружная семья, родители активно участвуют в жизни школы, мать в родительском комитете, дали средства на ремонт, кстати, добровольно. Очень милая, коммуникабельная женщина, безумно любит дочь. Интеллигентные люди. Да ведь вообще в классе полная семья, с матерью и отцом, – это редкость. Я бы сказал, девочке повезло.

– Да, это я уже слышала. Хорошо учится, занимается музыкой, дисциплина. Так, здесь мы больше ничего не найдем. Обрати внимание – ни одного голубого или зеленого оттенка. Папа! – это она сказала уже над ухом подопечной. Картина сменилась, но Кирилл так ничего и не понял – одни пятна заменились на другие, но вот цветовые оттенки потемнели, сдвинулись в багровую область, появились черные и коричневые проблески.

– Страх, – пояснила Сандра, – она боится отца.

– Да она вообще всего боится, – досадливо прокомментировал Кирилл, – темноты, высоты, мышей. Нормальная девчонка.

Сандра внимательно, в упор посмотрела на классрука. Мужчина смутился.

– Я не хочу сказать, что женщины вообще...

– Понятно, – тоном, не предвещающим блага, прервала его психологиня, – поехали дальше. Сейчас мы попробуем ее разговорить.

Она коснулась сенсоров на лобной части головы.

– Здесь примерно моторный центр речи. Сама она говорить не будет, ее мышцы расслаблены, но здесь рождается осмысленная речь. Произносить за нее будет компьютер.

Она наклонилась к уху девочки и тоном исследователя произнесла:

– Сволочь.

Из динамика донесся голос, похожий на девчоночий, но монотонный и сильно искаженный.

– Сволочь, скотина, ты мне все нервы вымотала! Я тебе так покажу, в жизни не забудешь! Тебя надо выдрать как сидорову козу, тогда будешь знать!

– Понятно? – спросила Сандра. – Все это реальные фразы. Как правило, их запоминают хорошо. Смотри на эмоции!

Экран был багрово-черным.

– Еще хочешь? – Сандра снова произнесла ребенку в ухо. – Гадина!

Кирилл вздрогнул – на экране возникли четкие очертания – хлещущая рука. Огромная, нарочно так не снимешь, пугающая, как в ужастике. Гигантские пальцы хлестали по чему-то невнятному, волны коричневых и черных эмоций заливали экран, в них вкраплялись алые просверки. Рука на этом фоне казалась молнией. Динамик между тем захлебывался, выдавая ругательства.

– Гадина такая, мы тебя кормим, поим, одеваем как куклу, ни у кого такой одежды нет, игрушек полная комната, а ты, скотина, как к нам относишься? Тварь неблагодарная! А ну проси прощения сейчас же!

Сандра приглушила динамик и произнесла тоном исследователя.

– Интересно, что ни разу не всплыл предмет конфликта – за что ее, собственно, ругают. Это, конечно, неважно. Восемилетняя девочка не может сделать ничего, что вызвало бы у нормального среднего человека неконтролируемую реакцию ярости. Это патологическая реакция матери.

– Но ведь получается, что ее все-таки бьют, я правильно понял? А она говорила, что нет, никогда. С полной уверенностью. Выгораживает родителей?

Сандра выключила динамик.

– Она не воспринимает то, что происходит с ней, как побои. Та вербальная агрессия, которую мы слышали – вполне реальна, и она сопровождается, конечно, побоями – пощечины, оплеухи, хлестнуть полотенцем, толкнуть, швырнуть на пол, побить головой об стенку. Конечно, отшлепать рукой. Но девочка не воспринимает это в качестве побоев. Многие бьющие родители сами не отдают себе отчет в своих действиях, для этого в языке существует много эвфемизмов – отшлепать, врезать, дать по морде, или, как говорят, прилетело по попе. Даже классическая порка ремнем может обозначаться эвфемизмами, и ребенок сам воспринимает это именно так, не «меня избили», а «мне прилетело по попе» или «папа мне врезал». Таким образом, насилие воспринимается как норма отношений. Ребенок убежден, что в целом заслуживает такого обращения, даже если не знает, в чем конкретно его вина. А здесь мать еще, как ты слышал, постаралась внушить, что происходящее с девочкой – милые, безобидные домашние сцены, ведь другие родители гораздо хуже. Вероятно, ребенку постоянно внушают страх перед окружающими и объясняют, что в этой семье еще относительно безопасно, все другие люди намного более жестоки. Психика воспринимает это буквально – «раз здесь мне так плохо и страшно, но это моя родная семья, где меня любят, если вот это любовь – то какой же кошмар ожидает меня снаружи, где меня еще и не любят?» Социальная фобия как следствие. Другие типы характера отвечают на это развитием собственной агрессивности. Подожди, я сейчас

сниму эти ассоциации, иначе нам гарантирована субдепрессия. Надо подобрать что-то хорошее. Что она любит?

– Да не знаю... что все девочки любят?

Сандра укоризненно покачала головой. Произнесла на ухо ребенку:

– Играть!

Она не ошиблась. Бурая круговерть на экране сменилась нейтральными цветами, а затем стала голубой, появились крошечные фигурки. Кириллу показалось, что мелькнула добродушная морда плюшевой собаки.

Сандра отодвинулась от экрана.

– Ей нужно время, чтобы болезненные воспоминания улеглись. В общем, вот так, Кирилл. Для этого я и работаю в Детконтроле. Очень часто окружающие не замечают вот таких следов насилия. Девочка ведь даже пожаловаться не может. Бьют ее, не оставляя следов, – насильники ведут себя осторожно. Но они даже в ее психике следы замечают. Она не может пожаловаться даже подруге. Что она скажет – «мама меня отругала»? Но ведь без конфликтов не бывает никогда, кто увидит здесь проблему? Побои она таковыми не считает. Родителей боится и не любит, но защищает семью всеми силами, так как в ее представлении окружающий мир еще ужаснее.

Кирилл вздохнул.

– Конечно, выглядит все это мерзко. Но что ты предлагаешь? В конце концов, в чем-то ее мать права: действительно, бывает и более жестокое насилие. У нас в городе был случай. Мальчика забили насмерть. Или семьи алкоголиков, нарков. А тут... в целом же семья хорошая. Ну бывают такие эпизоды. Ты извини, Сандра, но ведь раньше это все вообще считалось нормой. И ничего. Все как-то росли, на протяжении всей человеческой истории.

– Ну да, ну да, – кивнула Сандра, – и поэтому у нас была такая разумная, прекрасная история, без всяких войн, без угнетения, без пыток, казней и жестокостей. И так мы будем жить и дальше.

– Понимаю твой сарказм, – вздохнул учитель, – но время благорастворения воздухов еще и вправду не настало. Я же говорю – у большинства в классе семьи неполные вообще, у некоторых родители – инвалиды...

– Ну и что? – удивилась Сандра. – Чем мешает отсутствие отца, если мать адекватна и уважает ребенка? А инвалиды могут воспитывать ничуть не хуже здоровых людей. Материальное положение у них сейчас тоже не хуже остальных. Кстати, вот это отношение к Лийе – «тебе повезло, ты так счастлива в замечательной полной семье» – сильно усугубляет ее страдания. Это в психиатрии называется двойной узел и в принципе считается фактором развития шизофрении. Я бы это назвала двоемыслие. Ее ощущения говорят о том, что ей очень плохо, над ней совершается постоянное насилие, она постоянно унижена – но при этом она вынуждена искренне верить, что ей очень хорошо и даже лучше всех. Кирилл, я не гадаю на кофейной гуще. Тесты, которые я провела, надежно выявляют высокую тревожность, невротичность и ситуацию насилия. Возможно, у других тоже есть проблемы в семьях, уж конечно, они есть у Кости Штейна, но все другие с этими проблемами справляются. Эта девочка – нет. Ты же видишь ее на уроках. Она искалечена внутренне, и если мы ничего не изменим, это выльется в жизненную трагедию.

– Ну ладно, – учитель махнул рукой, покосившись на нежное личико ребенка, подрагивающие ресницы, – что ты предлагаешь? Начать процесс?

Сандра покачала головой.

– Это невозможно. Данные ментоскопии юридически не являются доказательством. Девочку допрашивать нельзя, родители ничего не скажут. Соседи, скорее всего, ничего не знают. Да и за подобное обращение с ребенком серьезных наказаний не бывает. Но выход есть, я с таким работала. Мы попробуем что-то придумать.

Голубые глаза распахнулись. Лийя приподнялась, недоуменно глядя на взрослых.

– Тебе сон приснился? – ласково спросила Сандра. Лийя покачала головой.

– Мне ничего не снилось.

– Как настроение?

– Хорошее, – послушно ответила девочка. Сандра досадливо поморщилась.

– Слезай с кресла, сядь сюда. Лимонада хочешь?

Девочка с удовольствием выпила лимонада. Сандра молчала, глядя на нее, пальцы отбивали ритм на столешнице.

– Знаешь что, Лийя? – начала психологиня. – У меня к тебе такое предложение. Тебе бы не хотелось в школьную коммуну?

Глаза девочки широко распахнулись. В них можно было прочесть, как в ментоскопе, – колебания, страх, и под этой коркой разгорающуюся невозможную радость.

– Да, – сдавленно выразила Лийя все свои эмоции, – я бы хотела.

– Ты не бойся, – уточнила Сандра, – там хорошо. У тебя будет отдельная комната. Там интересно, ребята хорошие, учителя.

– Я не знаю, что мама скажет, – засомневалась девочка.

– Мама согласится, я думаю. Все знают, что в коммуне образование хорошее дают, после нее проще в любой вуз поступить. Престижно. Ну как?

– Не знаю. Я-то хочу, – призналась Лийя, – но не знаю, смогу ли я. Мама говорила... ну я очень нервная и не могу уживаться с людьми. Может, я вообще не смогу.

Она умолкла и отвернулась. В глазах заблестели слезы.

– Когда-то тебе ведь надо будет уехать от мамы и научиться жить с другими людьми, – уточнила психологиня, – лучше это сделать прямо сейчас. И не бойся. Ты нормальная. Не нервная и прекрасно сможешь со всеми ужитья. Ты добрая и любишь помогать другим. В коммуне как раз такие нужны.

Лицо девочки менялось прямо на глазах, напряженность уходила, на губах возникла легкая, мечтательная улыбка.

– Ну, иди на занятия, – Сандра пожала девочке руку, – иди. Немножко сложно будет договориться с очередью, но, я думаю, мы все уладим.

Лийя послушно слезла со стула и пошла к двери. Кирилл проводил ее взглядом.

– Да, кто бы мог подумать, – пробормотал он, – такая образцовая девочка, образцовая семья.

– Вот самые-то скелеты в таких образцовых шкафах и водятся, – вздохнула Сандра, – это страшнее бывает, чем обычное, стандартное насилие. Страшнее и хуже действует на психику. Я бы ее ни одного дня в семье не оставила. Да теперь придется битву устраивать.

– Да как же ты ее устроишь в коммуну? Ведь туда очередь на два года, сколько туда хочет народу – больше тысячи уже?

– В следующем году вторую начнут строить у Синеозера, – кивнула Сандра, – спрос огромный на этот тип школ.

– Штейн тоже на очереди, а ты хочешь эту девочку вне очереди туда пристроить?

– Штейн стабилен психически. Кроме того, я не понимаю, почему вы не начнете судебное преследование, там папашу за побои можно и подальше отправить.

– Все сложно там, – уныло произнес Кирилл, – семья в целом стабильная. У отца военные травмы, алкоголизм, он периодически начинает лечиться.

– Ну вот видишь. Мальчик совершенно иначе воспринимает ситуацию насилия – он отца побаивается, но как большой кусачей собаки. Отец в его глазах слабый, больной человек, которого где-то можно понять. Мать он не бьет. Конечно, и такое насилие не должно продолжаться, но подождать с этим можно. А эта девочка... все это очень опасно, Кирилл. Чаю налить?

– Давай. Нет, извини, но все-таки вы, Детконтроль, делаете из мухи слона. Ну я понимаю все. Но после такой войны... Я в Днепропетровске жил, когда бомбу кинули, у приятеля гостил на окраине. Вспышка, удар, в себя пришел – а вокруг груды обломков. Все насмерть. Мне повезло. Потом лучевая была, конечно, волосы вылезли, с трудом выжил. От города – одна воронка. Мать, бабка, все...

Учитель махнул рукой, взял осторожно чашечку, отхлебнул.

– После такого, – сказал он, – хочется просто жить. Понимаешь? Не придирайтесь к людям, пусть живут как хотят, как могут, лишь бы все спокойно было. Дети сыты, одеты, ходят в школу – и хорошо. В наше время это было бы уже счастьем. А вам чего-то сверхъестественного надо. Ну вот нормальная же девочка, ну тихая, ну, бывает, мать сорвется на нее. Что тут особенного? Да, я все понимаю, учился, знаю. Но...

Сандра смотрела на него долгим внимательным взглядом.

– Если люди и дальше будут жить как хотят, как могут, и детей так же воспитывать, то с нами произойдет то же, что с Первым Союзом, – ответила она, – и снова будет реакция. И снова капитализм, только теперь мы его точно не переживем.

Психологиня помолчала, помешивая ложечкой чай.

– А что до войны... Мне уже много лет, Кирилл. Я в пехоте была, в Таджикистане. Освобождаем мы деревню от белых, а там жителей нет – в центре мечеть обгорелая, а в ней такие чурбачки, знаешь ведь, как обгоревшие трупы выглядят. Много, много таких. И мечеть заперта. Вот так. Я такого много могу рассказать, да не стоит. Лучевой я тоже переболела, к примеру. Детей у меня уже не будет.

Учитель молчал, неловко глядя в сторону.

– А ты думал, я нервная интеллигентка, которая всю войну в Томске просидела? Нет. Я себе потом слово дала – все сделать, чтобы вот этого больше не было. Чтобы никаких белых. Никаких господ, ни фирм, ни корпораций, ни войны. Только это одним махом не сделаешь, надо каждый день работать, за каждого ребенка биться. Я на этой войне – опять простой солдат, Кирилл. Сколько смогу – столько и сделаю.

Кирилл звякнул чашкой о стол.

– Знаешь, – сказал он, – проблемы с пристроением в коммуны у тебя все равно будут. Потому что тебе кто угодно скажет то же самое. Брутального насилия, наркотиков, алкоголя нет? Изнасилований нет? Даже следов на теле нет? Тогда не удастся срочное направление выписать. Не возьмут ее вот так в коммуну.

– Удастся, – Сандра махнула рукой, – я психолог, мое заключение многого стоит. И в коммуне люди понимающие сидят, если я напишу, что опасность психического заболевания есть – возьмут. Никуда не денутся.

Школы-коммуны появились сразу после революции, лет двадцать назад, и очень быстро завоевали авторитет.

Основанные на принципах, заложенных великим педагогом прошлого Антоном Макаренко, поначалу они отпугивали родителей, особенно далеких от партии и не слишком пострадавших от войны. Представлялись военизированные колонии, где дети ходят строем, полдня работают на производстве и крутятся, как роботы, наводя порядок в убогих спальнях.

Но по решению партии в ШК были вложены немалые средства. Вначале этих школ было совсем немного – но они были хорошими. А то, что дети сами выращивали для себя пищу на мини-фабриках, да еще и что-то производили в школьных цехах, – еще и упростило проблему, содержание ребенка в такой школе было лучшим, но обходилось государству дешевле, чем простое обучение в обычной городской школе.

С самого начала было решено отказаться от общих спален, каждому ребенку полагалась отдельная комната (иногда для младших делали спальни на двоих). В ШК были направлены

лучшие педагогические кадры, часто не из обычных учителей, а скажем, вузовских преподавателей-исследователей. Среди них преобладали коммунисты.

Методика обучения для ШК была уже заложена давними педагогическими работами, сделанными еще в СССР; теперь она была отшлифована, а за десятилетия достигла высот и успехов. Эта методика была индивидуализирована до предела, большую часть материала каждый ребенок изучал самостоятельно. Коллективному труду и принятию решений дети учились во второй половине дня. Но для родителей главным оказалось то, что выпускники ШК были образованы лучше обычных школьников, в среднем – значительно лучше, что после ШК легко принимали в любые крупные профшколы, иногда без экзаменов, по результатам конкурсов и тестов, проведенных еще в школе.

Также и здоровье, и коммуникативные качества, и то неуловимое свойство характера, которое можно назвать социализацией – приспособленность, готовность к жизни именно вот в этом новом обществе, – всем этим выпускники ШК выгодно отличались от других.

Они становились космонавтами, весьма неплохими учеными, психологами, педагогами, врачами, прекрасными инженерами и легко оказывались на руководящих постах...

В первых ШК учились в основном сироты, брошенные дети, бывшие беспризорники. Но со временем многие родители стали стремиться пристроить детей именно в школу-коммуну. Сами дети, как правило, тоже мечтали попасть туда. Там было романтично, интересно, коммунары ходили в походы, учились стрелять и прыгать с парашютом, вели научную работу, трудились на настоящем производстве, сами принимали все решения.

Образовались гигантские очереди, обычно ребенок начинал учиться в городской школе, и лишь к пятому, шестому классу получал место в коммуне. И то если родители сами заранее поставили его на очередь.

Можно и нужно было строить новые ШК, и у Союза хватило бы на это средств. Последняя НТР сделала возможным очень многое. Но пока не хватало хороших педагогических кадров, а без них открывать такую школу бессмысленно.

Лишь в случаях экстренных направлений для сирот, для детей, чьи родители оказывались лишены родительских прав или же сосланы, двери ШК открывались сразу и без очереди. На этот случай всегда имелся небольшой, тщательно охраняемый резерв мест.

Именно такое место ожидало Лию Морозову. Психолог Александра, во всяком случае, обещала это место пробить. Но мама снова оказалась – неожиданно – другого мнения.

– Глупости какие! – говорила она, энергично протирая вышитым полотенцем бокалы. Посудомоечной машине хрусталь не доверялся. – Не понимаю, что они выдумали! Какая тебе коммуна! Ты же заболешь на второй день! Ты в садик нормально ходить не могла!

– Там есть больница, – робко вставила Лия.

– Ты что, хочешь в больницу?!

Мать стала расставлять бокалы в серванте. Солнце сверкнуло радугой на кристалльных гранях.

– Давай, давай, валяй в коммуну! Будешь на производстве пахать, на станках. Передовик труда! Попашешь денек, узнаешь, что такое жизнь! Да поздно будет! Уже оттуда просто так не уйдешь! Ты посмотри на себя! Ты комнату свою убрать не можешь! А ты думаешь, там с тобой будут нянчиться, как мы здесь? Ха! – Она картинно вскинула руки. – Посмотрите на нее! Да там тебя замордуют, если ты кровать не по струночке заправишь! Запомни – замордуют! Тебе темную устроят! Кому ты нужна? Ты думаешь, ты хоть кому-то, кроме нас, нужна? Дрянь такая! Разлетелась она – в комму-у-уну хочу! – Мать скорчила рожу, передразнивая воображаемую дочь. – Да там такую лентяйку, как ты, быстро выкинут. Давай-давай, иди, все равно через неделю вернут. Увидят, какую ты грязь разводишь, и вернут.

Лийя сидела с застывшим лицом. Она была себе глубоко омерзительна в этот момент. Она ненавидела в себе все – от толстой (как она думала) попы, впечатанной в табуретку, до кончика носа, от тапок до синих противных резинок на косах. Она представлялась себе огромной, мерзкой вонючей глыбой, и больше всего ей хотелось бы раствориться, исчезнуть, никогда не существовать больше.

Но плакать нельзя. Ничего же особенного не происходит. Она опять разобиделась на пустяки, истеричка, нервная дура. На днях она читала книжку про Карину Тищенко, та была партизанкой в годы войны, ее поймали белые и пытали, а Карина все выдержала. Лийе очень нравилось читать про таких мужественных, волевых людей – тем более если это девочки, пусть старше нее. Но самой ей до таких людей как до неба. Она не то что пытки не сможет выдерживать – она от каждого слова разнюнивается, ничего ей сказать нельзя.

Нет, она не будет рыдать! Она взрослый спокойный человек и вполне может разговаривать разумно.

– Но там же дают хорошее образование, – солидно сказала Лийя. Где-то она об этом слышала.

– Образование ты получишь и в школе, – отрезал папа. Паника накатила, Лийя замерла, вцепившись руками в табуретку. Она всегда так боялась, когда отец начинал говорить строго, мужским внушительным голосом.

– Нечего выпендриваться, – строго продолжил отец, – мы тебе сказали, будешь жить в семье, значит, будешь жить в семье.

Мать удовлетворенно кивнула. Поправила пышную светлую прическу. Села за стол. Лийя отстраненно подумала, что новый костюм матери очень удался. Всю одежду она проектировала сама и отдавала пошить девочкам. Не покупать же у других, когда у тебя собственное ателье. Синий жакет и юбка модных ломаных линий, большой вырез, в котором хорошо видны пышные груди и промежутки между ними.

Для Лийи вся одежда также шилась в ателье. А в коммуне, говорят, носят форму.

Лийя подумала, что ей удалось все-таки не разрыдаться. Может, она научится наконец владеть своими нервами.

– А мне интересно, – начала мать, – с каких это шей тебя решили направить в коммуну? Кто вообще это решил?

– У нас психолог была, из Детконтроля, – ответила Лийя, – она предложила.

– Ты что? – мать подозрительно сощурилась. – Рассказывала о нас с папой какие-то гадости?

– Нет! – оскорбилась девочка. – Нет, конечно...

– Я пойду, Верусь. – Отец поставил чашку в посудомоечную машину. – Мне уже одеваться надо.

Он чмокнул жену в щеку, бросил строгий взгляд на дочь и вышел. Лийя слезла с табуретки и шмыгнула было к двери, но окрик матери остановил ее.

– Куда?! Я еще с тобой не закончила. Ты, дрянь, выдумываешь о нас с папой всякие фантазии! Да тебе все завидуют! Мы вокруг тебя бегали с тех пор, как ты родилась! Ты даже в садик всего два года ходила! Мы тебя кормим, все лучшее тебе даем! Посмотри, какой у тебя велосипед! Одевают тебя, как королеву! Твоя Тая, между прочим, тебе завидует! Вот у нее родители – не дай бог! Вот ее родители тебя бы ремнем так драли, что задница синяя бы была!

– Ее ремнем не дерут, – попыталась вставить Лийя, но мать не услышала.

– Все тебе, все тебе, все для тебя! Старший брат уже большой, ты тут разнежилась, эгоистка, инда, думаешь, что все тебе должны! Избаловали мы тебя, сволочь такую!

Лийя ощутила нарастающий твердый ком в груди. Нет, она не будет рыдать, постарается быть такой, как Карина Тищенко. Твердой, спокойной, взрослой.

– Мы с папой днями и ночами пашем, лишь бы тебе было хорошо!

– Ладно, мам, я пойду, – пробормотала Лийя и проскользнула мимо матери в комнату. Побежала к себе. Закрыла дверь. Бросилась к своим игрушкам, в угол, где были рассажены пудель Артоша, заяц Петя, два мишки, куклы – Аля, Зоя, Нина... Но дверь снова распахнулась. Лицо матери раскраснелось и не предвещало ничего хорошего.

– Дрянь такая, ты куда! Ушла! Закрыла дверь! Ты думаешь, это твоя комната, она тебе принадлежит? Да тут ничего твоего нет! Ты еще ни копейки в жизни не заработала! Инда! Гадина такая!

Она подскочила к дочери и хлестнула ее наотмашь по щеке, по другой. Потом схватила за косы и швырнула на пол изо всех сил. Лийя ударилась виском о кровать, потеряла больное место, отползая подальше, в угол, чтобы матери было сложнее достать. Боли она не чувствовала, так разрывалось сердце. Слезы уже почти прорвались, Лийя сдерживалась из последних сил. Но слезы так трудно сдержать! Они выкатываются сами. Интересно, когда Карину пытали белые, она плакала или нет? Наверное, нет, ведь она очень мужественная. Но как ей удавалось сделать, чтобы слезы сами не выкатывались из глаз?

– Стоит тут как немочь бледная, хоть бы слово сказала! – бушевала мать. – Ты хоть понимаешь, какая ты эгоистка! Инда неблагодарная! Конечно, рассказала про нас какие-то гадости!

Еще минут пять мать вещала о том, что сделали бы с Лийей другие родители. Это было привычно, хоть и тяжело. Но Лийе давно уже и самой казалось, что все, чего она заслуживает – это быть убитой. Не только выпоротой «до синего и красного», не только мордой засунутой в унитаз, но просто перестать существовать. То, что она вообще живет, ест, одевается, ходит в школу, – это недоразумение и делается только по милости очень добрых родителей.

Мать осмотрелась в комнате. Увидела книжку на столе.

– Вот! Читаешь про героев, а сама! Зачиталась тут, а я за тобой должна говно убирать! А ты еще про меня потом психологам гадости рассказываешь! Доносишь! Доносы на мать пишешь, сука! Змея подколотная!

Мать взяла книжку и швырнула в Лийю, попав ей в голову. Девочка схватила книжку – от удара переплет потрескался. Это был подарок от Тайки на день рождения.

– Читает она! Умная выискалась! Книгами обложилась! И теперь она еще и от родителей решила уйти! Самостоятельная! Дрянь такая, еще говно за собой не умеет убирать, вся заросла грязью, все за нее делают, скотина, корова! Я ночей из-за тебя не сплю, инда проклятая! Ты бы хоть раз подумала обо мне! Твой эгоизм беспределен! Хоть бы что-нибудь дома сделала! Я в твоём возрасте матери помогала! Вот что, что ты сделала сегодня полезного?

Лийя припомнила и неожиданно для себя сказала спокойно.

– Я сегодня пол подмела. И посуду убрала после завтрака.

Это было ошибкой. Мать побагровела и подступила к ней.

– И это все?! И это ты считаешь помощью?! Еще расскажи своим психологам, что мы тебя тут работать заставляем, пахать, как каторжную! Посуду она убрала! Две тарелки в машину поставила! Да ты гадина! Ты знаешь, что я с тобой сделаю! Я при всех сниму с тебя штаны и выпорю как сидорову козу! По голой жопе! Ты у меня это на всю жизнь запомнишь! Потом будешь рассказывать про нас гадости! Да тебя за такое по губам надо!

Она подскочила к Лийе и хлестнула ее по лицу, по губам, на второй раз девочке удалось увернуться. Взгляд матери снова упал на книжку. На обложке была нарисована Карина Тищенко в форме и с автоматом. Мысль матери приняла новое направление.

– Вот, – победно произнесла она (ей показалось, что сейчас-то она нашла уязвимое место у этой сволочи, сейчас-то она скажет то, что наконец проймет дочь, заставит рыдать и просить прощения, заставит понять, какая она, в конце концов, мерзкая тварь!), – вот что ты читаешь! Читаешь про возвышенные подвиги! Витаешь вся в облаках! В мечтах! А матери родной не замечаешь! Ты что, тоже хочешь воевать с автоматом? Говно такое! Ты бы хоть раз вокруг себя посмотрела, хоть бы заметила, какая у тебя грязь под кроватью! Игрушки черт-те как

раскиданы! На полке посмотри что творится! А в мечтах она витеет! Такая вся воздушная! А сама подло, подло! Идет и рассказывает про мать гадости. Придумывает!

Все, больше не могу, подумала Лийя отстраненно. Прости меня, Карина. Я не такая... я не могу.

И она зарыдала, заревела навзрыд, громко, уже не сдерживаясь. Закрывая руками лицо. Мать еще что-то орала – про ее подругу «эту Таю, которая жопой вертит уже в восемь лет, а в двенадцать родит», про психологов, про грязь...

– Замолчи! – закричала Лийя. Ей уже было все равно – будут ее бить, пороть, какая разница, ей хотелось немедленно умереть. Она не выдержала. Она опять не выдержала.

– Я тебе замолчу! Ты как с матерью разговариваешь!

Лийя завизжала оглушительно. Слов не хватало, а сил сдерживаться уже не было. Она визжала, как зверек, рыдала, всхлипывала. Мать оказалась рядом с ней, внезапно переменив тон.

– Ну все, все замолчи! – Мать обхватила ее, прижала к себе. Лийя стала вырываться, но это у нее не получилось. Она всхлипывала, ткнувшись носом в материнский живот. Ей было мерзко и душно. Наконец мать выпустила ее.

– Истеричка, – спокойно и удовлетворенно произнесла Вера Морозова, – тебе слова сказать нельзя! Орешь как резаная! Надо тебя к психиатру отвести, ты ненормальная. Ты же сама видишь. Еще собралась в коммуны жить. Ага! Тебе мама что-то сказала – и ты уже не то что в истерику впала, а орешь, как будто тебя режут. Ну что я тебе сделала?

Лийя всхлипывала. Все было кончено.

– С твоим характером не то что в общежитие – тебя на улицу выпускать нельзя! Как ты собираешься дальше жить, Лийечка? Доча, я ведь тебе добра хочу!

Мягко пропел сигнал. Мать бросила на Лийю подозрительный взгляд и вышла.

Лийя бросилась на кровать.

Конечно, мать орала на нее несправедливо. Ничего о родителях Лийя не рассказывала. И такой уж грязи в ее комнате вовсе нет, это неправда. Она же постоянно убирается. Ну может, и есть, но уж не такая, как мама говорит.

Но ты-то, говорила себе Лийя, ты-то тоже виновата! В конфликтах всегда виноваты двое, вспомнила она какую-то умную статью, случайно прочитанную в мамином Персонале. Обе стороны. Если бы ты не была такой истеричкой, такой нервной, ты бы не разрыдалась и тем более не начала визжать. Ты бы спокойно и выдержанно ответила... ну вообще вела бы себя спокойно и выдержанно. Как Карина, например. Карине было проще, вокруг нее были враги. А это же не враг, это мама. Самый родной и близкий, любимый человек. Так должно быть, во всяком случае. Так пишут во всех книжках.

Лийя сгорала от стыда.

В комнате Вера Морозова беседовала с психологиней по комму.

Сандра теперь была не в привычной военной форме, а в деловом светлом костюме, волосы тщательно уложены, никаких партийных значков. Она ослепительно улыбалась и казалась Вере Морозовой очень приятной женщиной.

– Видите ли, – смущенно говорила Вера, – мы с мужем обсудили... да, Лийя нам сказала. Мы думаем, что ей преждевременно уходить из семьи. Понимаете, Лийя очень болезненная девочка. К тому же, – она понизила голос, – вы знаете, у нее не в порядке нервы. В прошлом году у нее был тик, пришлось проходить лечение.

– Я понимаю ваше беспокойство! – энергично кивнула психологиня. – Если хотите, мы встретимся и обсудим это еще раз все вместе. С вашим мужем, конечно. Вы знаете, учителя рекомендовали мне вашу семью как очень хорошую. Именно поэтому, собственно, у нас возникла такая идея насчет Лийи. Вы знаете, ведь она девочка способная. А в ШК очень хорошее

образование, уж извините, но в городской школе она такого не получит. Как вы считаете, куда Лийя могла бы пойти после школы? Вы ведь хотите, чтобы она получила хорошее образование?

– Конечно, – кивнула мать, – ну, Лийечка интересуется историей. Может быть, куда-то на исторический? Она может потом стать педагогом. Я думаю, это хорошая профессия для женщины. Или дефектолог. Чистая, спокойная работа, сидишь занимаешься с ребенком, красота. И отпуск большой и всегда летом.

– Вот, вы знаете, а ведь мы отсматриваем способных, умных детей. Лийя неплохо учится, но могла бы лучше. В ШК для нее будут созданы все условия. И потом, ведь никто не предлагает вырывать девочку из семьи! Вы думаете, что мы у вас ее отбираем? – психологиня улыбнулась.

– Ну, не то что отбираете, но интернат... она же не сиротка казанская. У нее родители есть.

– Да что вы! Просто от ШК до Кузина ехать далековато. А так – она может хоть каждый день возвращаться домой. Скорее всего, будет приходить на выходные. Там и посещения абсолютно свободные, и вы можете забрать ребенка в любой момент, когда вам удобно. И сама она будет ездить, каждый день маршрутки ходят.

– А, ну если так, – неуверенно произнесла Вера Морозова. Сандра кивнула.

– Давайте как-нибудь договоримся о встрече и все обсудим. Скажем, в пятницу вечером – вас устроит?

Через две недели Лийя переступила порог Кузинской школы-коммуны. Девочку коло-тила мелкая дрожь, но она старалась этого не показывать. Она уже жалела, что мать все-таки отпустила, и даже отчего-то резко переменила свое мнение и все время собирала ее – складывала в чемодан одежду, выкидывала игрушки, которые Лийя хотела взять с собой все. В итоге в чемодане остались только Арто и кукла Нина.

А теперь Лийе было очень тревожно. Как оно все будет? К дому она привыкла. Родители жили своей жизнью, она – своей, в комнате, где брат давно уже не ночевал, переехав в общагу. Там жили ее игрушки, книжки. Можно пойти на улицу, погулять с Тайкой и с девочками. А что будет здесь?

«Но ведь ты сама хотела», – напомнила себе Лийя. Да, хотела. Наверное, глупая была.

Хорошо еще, вожатая Катя, приехавшая за ней на маршрутке, вроде ничего. Катя сама учится в коммуне, но она очень взрослая, красивая в темно-синей форме и с юнкомовским тройным шнурком на шее.

У ворот на посту стоял парень в форме цвета хаки и даже с каким-то ружьем. Он улыбнулся Кате, и электронные створки отъехали в сторону. Вслед за Катей Лийя вошла в ворота, волоча за собой чемодан на колесиках.

На территории коммуны было чистенько, там и тут – клумбы с цветами, вдали на волей-больной площадке кидали мяч. Как в лагере отдыха, куда Лийя ездила летом. И корпуса зданий были красивые – многоэтажные, из белого керата и темного стекла. Но все равно Лийя очень боялась. У нее зуб на зуб не попадал.

– Вот это общежитие. А с другой стороны – школа, – показала Катя, – оранжерея и цех у нас дальше. Ну, пойдем заселяться.

Лийя подумала, что общежитие больше напоминает гостиницу. В такой они жили с родителями, когда ездили отдыхать в Болгарию в позапрошлом году. Просторный холл, зелень, чисто и красиво. Но никакой стойки приема, только девушка с красной повязкой на рукаве и, опять же, в форме и с шокером на поясе. Девушка, впрочем, приветливо улыбалась.

– Дежурная по корпусу Мухина, – сообщила она, – помощь нужна?

– Да мы, я думаю, и сами разберемся, – ответила Катя, – вот новенькая, заселить надо.

– А, ну посмотри в базе, – махнула рукой дежурная. Катя с Лийей подошли к терминалу с большим стеклянным экраном и изогнутой клавиатурой внизу. Катя умело пощелкала на клавиатуре, глядя на монитор, где разворачивались сложные схемы.

– Пятый коридор – это твой, запомнишь? Вот электронный ключ. – Она достала карточку из ящичка в стене и протянула Лийе. – Твоя комната там же, где комнаты твоего отряда, пятого. Знакомиться будешь вечером, на собрании, оно у нас сегодня в семь тридцать, после ужина. В отряде обычно ребята разных возрастов, я тоже в пятом. Мы, как отряд, отвечаем за порядок в коридоре и комнатах. Ну, в комнате будешь убирать сама, а в коридоре дежурство. Пошли наверх?

Комната на пятом этаже была небольшой, но светлой и чистенькой. Катя показала, куда складывать одежду, куда – умывальные принадлежности, выдала расписание дня и схему школы.

– А впрочем, одна не ходи, заблудишься еще. Если что, позвони мне. Номер моего комм у тебя. Пойдем с тобой вместе на ужин и собрание. А там познакомишься и с другими. Да, в общем-то, можешь кого угодно спросить, тебе помогут. Ну пока, обживайся тут!

Катя нравилась Лийе, но все равно, когда закрылась дверь, девочка почувствовала себя свободнее.

Легкая тревога по-прежнему внутри. Как оно будет здесь? Что это за «отряд», как она уживется с ребятами? Как вообще все будет дальше? Лийя уже побывала в детском лагере отдыха и один раз лежала в больнице, но это – другое, здесь она навсегда. Насовсем. Она больше не ребенок и не будет жить дома. По родителям Лийя не скучала нисколько, но... что ждет ее здесь?

Ей представлялись ребята вроде двух бойких девочек-заводит из класса, Наташки и Симы. Вокруг них всегда была толпа мальчишек и девчонок, были они громкие, крикливые, заводные, и Наташка вечно дразнила Лийю и делала так, что и другие над ней смеялись. Лийя ненавидела за это Наташку, но и завидовала ей – вон какая та сильная, смелая, на физкультуре лучше всех, может побить любого мальчишку, красивая к тому же и умеет вязать.

Здесь наверняка все такие. Громкие, бойкие, спортивные, все умеют. Не то что она – бледная, неповоротливая немочь с тихим голосом. Катя к ней была добра, но Катя – старшая и к тому же вожатая. А что будет в этом «отряде»?

Но комната была хорошая, пусть и маленькая. Зато своя! Даже дома у Лийи была все-таки одна комната с братом.

Лийя стала разбирать чемодан. Одежду надо убрать в шкаф, спрятанный в стене. Мама надавала ей целую кучу одежды, а зачем? Здесь можно иногда носить и домашнее, но в основном все ходят в форме разных комплектов – синей для школы, цвета хаки для работы и всяких там дежурств, и еще есть спортивная. Лийе, по правде сказать, было вообще все равно, что носить. Все говорили, что у нее шикарная одежда, а ей было на это плевать. Какая разница, что надевать, она все равно некрасивая. Мама Лийи прекрасно разбиралась в одежде, и Лийя никогда не выбирала, что надеть. Попробовала бы она выразить какие-нибудь желания по этому поводу! Вообще желания опасно иметь – только выскажи что-нибудь, сразу поднимется крик на полдня, а кому это надо?

Лийя в конце концов достала какое-то белье, вынула свои книжки и игрушки, а чемодан с неразобраным барахлом поставила вниз.

Пудель Арто и кукла Нина уселись на кровать, возле подушки. Жалко, что нельзя было взять и других. Может быть, она поедет домой на выходные и заберет еще хотя бы куклу Алю и зайца. И мелкие бы игрушки не помешали, у девчонок тоже наверняка есть пупсики, можно меняться одежками.

Лийя поставила на полочку любимые книги – мама тоже сильно ругалась, что она берет с собой книги, и почти все выкинула. Остались три: про Карину Тищенко, «Загадки Вселенной» – интересная книга про астрономию – и сказки Пушкина.

Потом девочка подошла к окну. Отсюда был виден стадион – там сейчас как раз тренировалось много ребят в белых футболках и синих шортах. Кто-то бегал, кто-то прыгал в высоту, подтягивался, две команды гоняли мяч. А дальше, за обрамленным трибунами футбольным полем, – тайга, темные сосны, сочная зелень подлеска. По тропинке мимо стадиона проскакали двое всадников на красивых конях – гнедом и золотисто-желтом.

Здесь хорошо, подумала Лийя.

В дверь постучали, и девочка резко обернулась. Подошла к двери шаркающей походкой, открыла.

На пороге стояли двое – мальчик и девочка примерно ее возраста. Оба были в темно-синей форме – узкие брючки, высокие отложные воротники и длинные рукава блуз. Ткань формы, казалось, переливалась. На груди у обоих блестели непонятные разнообразные значки.

– Привет! – сказала девочка негромко.

– Привет, – настороженно ответила Лийя.

– Ты в пятом будешь? Мы тоже. Хотим с тобой познакомиться. Я – Таня, он – Ринат.

Ребята вошли в комнату. Ринат сразу уставился на книги, а Таня – на игрушки.

– Ой, какой пудель красивый... Лийя... Лийя, да? Слушай, помоги нам разрешить спор.

– Какой спор? – удивилась девочка.

– А она говорит, – начал Ринат, – что прионы – это вовсе не живые существа. А я говорю, что тогда и вирусы не живые.

– Всему есть предел! – сердито прервала его Таня. – Вирусы ладно! Но если для тебя комочки белка – уже прямо живые существа! Давай вот я плюну... Там тоже белок есть. Он – живое существо?

– Да, живое! – согласился Ринат. – Только не существо. Оно же не целое, не отдельное. Это часть живого существа.

Лийя смотрела на ребят с интересом. Она недавно играла в обучающую игру на тему микробиологии, и хотя в школе всякие прионы и вирусы еще не проходили, но...

– А я читала, – сказала она, и новые знакомые разом повернулись к ней, – что они занимают это... промежуточное положение. Ну как бы не живые и не мертвые. То есть не неживые.

– Ну, это может быть, – сказала Таня.

– А по-моему, они все равно живые. Ведь такие комочки белка сначала на Земле и появились. Ну когда жизнь возникла! – упрямылся Ринат.

– Пошли лучше погуляем! – Таня взяла Лийю за руку. – Мы тебе покажем коммуну.

И она улыбнулась. Лийя почувствовала, как тяжелый ком на сердце тает, исчезает, тревога сходит на нет.

Нормальные ребята. И жить тут, похоже, будет нормально.

Глава 3. Реальная жизнь

На портале «Риаллайф» интервью с Реем Гольденбергом появилось на следующий день. Журналист Уэсли сработал оперативно. Можно просмотреть как трехмерное видео, можно – как текст. Приукрашенный, дополненный. Рей посмотрел видео и не узнал себя – он не мыкал и не экал, как это было в реальности. Уверенным четким голосом, длинными периодами он рассуждал о прошлом и настоящем, приводил какие-то статистические выкладки...

– Я думал, у вас уже отменили пособия, – говорил он, – нет, я не очень интересовался этой темой. Хотя незадолго до моей болезни, в 2004, кажется, году, у нас в Германии ужесточили систему социальных пособий, введя законы Харц-4. Это должно было усилить мотивацию безработных в поиске занятости. Пособия урезали и сделали зависимыми от личных усилий безработного, которые строго контролировались. Это привело к целому ряду как позитивных, так и негативных последствий...

Рей в видео острил, отпускал шуточки, блистал красноречием. Рассуждения про музыку и компьютерные игры журналист сильно сократил. А кое-что переформулировал. Например, так Рей рассуждал о том, что мир не слишком-то изменился:

– Но вы знаете, в целом и у нас все было так же. В США и Европе была демократия, соблюдались права человека, всех граждан обеспечивали хотя бы минимальными средствами для проживания. В других странах демократия была недостаточно развита, наглые и жадные диктаторские верхушки грабили народ, люди жили в нищете и страхе и, естественно, стремились приехать в Европу, чтобы обрести свободу. Что же касается той части мира, которую сейчас называют «холодной зоной», ее тогда в основном занимали государства, далекие от идей демократии и гуманизма. Так в чем разница, что изменилось?

Рей лишь покачал головой, прослушав это интервью с самим собой. Даже возмущения не было. Наверное, спорить бесполезно, да и зачем? Ведь он ничего путного не сказал. Если бы Уэсли не отредактировал его, это звучало бы и вовсе по-идиотски.

Он закрыл интервью. Кстати, и разместили его где-то в глубине портала, на вторичном линке. Огляделся вокруг. И вправду, «Риаллайф» о чем только не рассказывал! Среди актуальных новостей сверкала сенсация «В Антарктиде обнаружен древний космический корабль» – если выглянуть в окно этой новости, можно увидеть сияющие белые снега, торосы, цепочку семенящих пингвинов. Даже будто холодным ветром повеяло оттуда. А в соседнем окне короновалась какая-то герцогиня. Как и раньше, новости уделяли очень много внимания разным герцогам, королям и прочей элите общества. Все это притягивало взгляд, как яркая конфетная обертка. «В Японии генетикам удалось создать говорящую собаку». Правда это – или опять вранье? Какая, собственно, разница? Очаровательный фокстерьер задорно вилял хвостом, стоя на лабораторном столе. «В Мексиканском заливе коммунистические террористы из Венесуэлы атаковали мирное прогулочное судно».

Так, стоп! Венесуэла. Это же в Южной Америке вроде, а вся Южная Америка теперь – холодная зона. По словам Энрике, там никаких стран уже давно нет. Рей с интересом повернулся к окну.

Получается, что есть Венесуэла, есть террористы, да еще не просто какие-нибудь, а коммунистические.

Рей стоял на небольшой площадке, а вокруг плескался бескрайний синий океан. Далекий зеленый берег с пальмами. Видимо, Мексиканский залив. Неподалеку терпела бедствие белая прогулочная яхта – она была до половины погружена в воду, часть палубы разбита, видимо, снарядом, оттуда шел черный дым, бакборт забрызган кровью. Вокруг тонущего судна сновали маленькие лодочки спасателей с красными крестами. Вот спасатели осторожно спустили

с борта яхты на носилках раненую белокурую девушку, о ужас! Мертвенно-бледное лицо, простыня пропитана кровью. Какие изверги могли такое сотворить?!

Рей бросил взгляд на меню, выбрал «Реконструкция событий – визуальная». Яхта теперь качалась на волне целехонькая и прекрасная, внезапно со стороны открытого моря возник серенький неприметный кораблик, не то военный (борта оцетинились орудиями), не то пиратский (слишком уж обшарпанным выглядел катерок). Над катерком зловеще вился красный флаг.

Дальше все было, как в приключенческом фильме. С пиратского катера потребовали остановиться и взять на борт контрольную комиссию. Яхта немедленно двинулась в сторону берега – спастись. Террористы начали обстрел. Вскоре яхта начала тонуть, дымась. Катер пришвартовался к борту прогулочного судна, оттуда на палубу попрыгали люди в серой униформе и черных балаклавах до глаз (такие штучки Рею были знакомы еще из прошлого). Они быстро и деловито начали выносить с яхты чемоданы, сундучки, сейфы. Двое мужчин в балаклавах вытащили на палубу визжащую девушку и начали ее торопливо и грубо раздевать и насиловать. Мальчик в белой матроске вскарабкался на борт – прыгать в воду, и свалился на палубу, сраженный выстрелом пьяного террориста. Трещали автоматные очереди.

– Рей! – В окне слева возникло лицо Энрике. – Леон уже здесь, мы ждем тебя к обеду!

Ах да! Рей выключил новостной портал. Очередной внук Энрике собирался сегодня с ним познакомиться.

Леон производил впечатление – рослый, черноволосый, с декоративными буграми мышц, подчеркнутыми обтягивающим тонким пуловером. Рукопожатие крепкое, как захват удава.

– Привет, дедуля! – жизнерадостно вступил он. – Это сколько же тебе лет сейчас?

– Двадцать восемь, – признал Рей свою незрелость.

– Удивительно. Мне тоже!

Наоми, уже сидя за накрытым столом, строго выговаривала польке-экономке.

– Так салфетки не кладут! Вы что, не видите: они совершенно не сочетаются с подсвечниками!

Девушка растерянно открывала рот, словно пытаясь что-то сказать.

– Да, фрау Гольденберг, – наконец выговорила она, – я заменю.

– Садитесь, садитесь, мальчики! – весело позвала Наоми. – Суп остынет!

Ловкие руки домашней помощницы поспешно меняли салфетки. Рей коротко взглянул на Энрике, закладывающего полотенце за ворот.

– Кстати, я только что был на новостном портале.

– Да? И что творится в мире? – поинтересовался племянник.

– Ничего особенного. Но вот что интересно – там передали, что венесуэльский корабль коммунистических террористов напал на мирную яхту. Но ведь ты говорил, что в Колд-зоне ничего не осталось!

Племянник поморщился.

– Ну конечно, что-то там осталось! Я не собирался читать тебе лекцию, сказал вкратце. Нормальной жизни там уже нет. Но там есть одичавшие люди, формирования. Никто толком ничего не знает! Банды. В одном месте так, в другом – этак. Там кое-где возникли целые анклав, вроде как в ваше время в Северной Корее, террористические формирования. Там строят концлагеря, непонятные страшные зоны – они называются ЗИНЫ. Расстреливают людей. Там у них голод, нищета, радиация. Казармы, военное воспитание, детей отбирают у родителей. Это страшно!

– У них там какой-то этот... а, Союз Трудовых Коммун, – уточнил Леон.

– Понятно, – кивнул Рей, – в общем, коммунисты.

Крабовый суп был очень недурен. Наоми тихо говорила с кем-то по мобильной связи, едва шевеля губами. Энрике отодвинул тарелку, немедленно принятую официантом. Вытер губы салфеткой.

– Как тебе понравилось в Люксе?

– Ничего, – пробормотал Рей, склоняясь над тарелкой, – как-то шумно.

– Говорят, следующая Игра будет в Люксе, – вскользь заметил Леон.

– Какая игра?

– Европейская, – пояснил Леон, – я ведь геймер, так что немного в курсе дела.

Рей понял, что значение слова «геймер» за последние семьдесят лет несколько изменилось.

Официанты начали перемену блюд. На второе подали говяжьи рулеты с картофелем и кислой капустой.

– В наше время, – сказал Рей, – геймерами называли людей, увлекающихся компьютерными играми... Что за игру вы имеете в виду?

Энрике и Леон расхохотались одновременно, и даже Наоми подняла взгляд от экранчика.

– Леон пошел в прадеда. Ты ведь знаешь, что мой отец был футболистом? – Энрике повернулся к Рею.

– Так это футбол?

– Нет, конечно, – оскорбилась Наоми.

– Ну ты даешь, дедуля! – Леон хлопнул его по плечу. – Ты уже сколько здесь? Две недели? И до сих пор даже не выяснил ничего о нашей политической системе?

– Честно говоря, – чистосердечно высказался Рей, – политика всегда была мне глубоко по барабану.

– Уважаю, дед! – Леон смачно разрезал рулет. – Но! – он предупреждающе поднял руку. – Есть вещи, которые знать необходимо. Иначе тебя примут за дикаря.

– Леон! – воскликнула бабушка.

– Ничего-ничего, – нахальная манера Леона нравилась Рею, – продолжай. Мне действительно становится интересно. Игра... что за игра? И при чем тут политика?

– Я флаг-геймер, – отрезал Леон, – игра называется флаг-турнир. Я офицер флаг-турнира.

– Что-то военное?

– Упаси Сверхразум! Офицер – единственное слово, позаимствованное у военных. Чтобы отличать настоящих игроков от обслуги и кандидатов. Вот что, дед! Давай заканчивай с обедом, пойдем в комнату, я покажу тебе настоящий турнир! На самом деле все просто – есть полигон, есть две команды по двенадцать человек, у каждой своя территория. Полигон большой – леса, горы, в общем, нормальная местность. Сражение идет за флаг. Цель игры – установить свой флаг на территории противника, то есть занять ее. И не дать противнику занять свою территорию.

– Ясно. – Рей покосился на бицепсы родственника, прутья из-под рукавов. В голову ему пришли смутные воспоминания о старых фантастических фильмах, в которых специальные люди тожесражались, как гладиаторы, гибли на арене. – И что, много народу гибнет?

– Да ты что, старик, – Леон снова хлопнул его по плечу, – посмотрелся антиутопий? Мы же не изверги, людей на арене убивать. Никто не гибнет. Это игра. Ну если честно, то каждый сезон один-два человека того... несчастные случаи. Ведь у нас и малая авиация там есть, и скалолазание, и по рекам сплавляемся.

– Но это лишь придает остроты и романтизма происходящему, – пробурчал Энрике. Наоми побледнела.

– Ненавижу, – проскрипела она, – мальчишки гибнут. Молодые, здоровые парни. И потом – наши герои! Мужество! Честь! За что все это?

– Ну ба, перестань, – прогудел Леон, – сколько же можно? Иначе эти парни умерли бы от передоза. Смертность у нас не выше, чем в любом экстремальном виде спорта. Шума только больше, когда кто-нибудь гибнет, – ах, герои, патриоты... Могли бы точно так же гикнуться, катаясь на водных лыжах – никто бы слова не сказал.

– Ну хорошо. – Рею расхотелось есть. – А при чем здесь политика?

– Флаг-турнир – основа нашей политической системы, – непонятно высказался Энрике. Леон перебил его.

– Подождите, деды! Я сейчас все объясню. Вот смотри, Рей, – ничего, что я тебя так называю? У вас там была политика, правильно? Партии, выборы, парламент. Это демократия. Ты сам за кого голосовал?

– За христианских демократов, конечно. Наша семья была целиком связана с ХДС, – вспомнил Рей.

– Ну и что, ты был в курсе их программы, знал, чего они вообще хотят?

– Ну... в общих чертах, – промямлил Рей.

– И вот так голосовало большинство. Потому что имидж у канцлера или президента интересный. Потому что он клевый чувак, на горных лыжах катается – или она такая заботливая мамаша на вид. Или потому что вся семья голосует за эту партию. Дальше поехали. Еще тогда у вас был футбол. Вот скажи, Рей, что народ больше возбуждало – футбол или выборы?

– Конечно, футбол! – Рей словно воочию увидел улицы и машины, увешанные национальными флагами – или флагами играющей команды. Забитые людьми кабаки, где яблоку негде упасть, – и все взгляды на маленький экран наверху, где идет заветный матч. Толпы фанатов.

– Но ведь футбол – это развлечение...

– Не совсем, старик! Когда эти толпы орали «Германия! Германия!» – они же чувствовали, что им наконец-то разрешено! Они были силой. Им казалось, что они – народ. Это был дозволенный выход активности и патриотизма. Причем смысла в этом ничуть не меньше, чем в пресловутых выборах. Согласись, выборы были лишь формальностью, демонстрацией твоей принадлежности этому государству.

– Ну это ты загнул! – буркнул Рей. – У нас же демократия! Чем это тогда отличается от тоталитаризма?

– Отличие есть, но другое – оно в соревновательности! Само существование разных конкурирующих партий дает простор для общественных изменений. При тоталитаризме партия только одна, в этом разница.

Официанты подали десерт, капучино-крем со взбитыми сливками. Рей подумал, что немецкая кухня за семьдесят лет практически не изменилась. А впрочем, зачем менять хорошие стороны жизни – крахмальные салфетки, вышколенную прислугу, веками выверенную кухню? Все это, как ни крути, приятно. Дает ощущение дома и надежности.

Грязные тарелки бесшумно исчезли со стола.

– После войны, – продолжал Леон, – была введена другая система. Она удачно комбинирует достоинства демократических выборов и массового зрелища. Более того, это такое зрелище, по сравнению с которым футбол ушел далеко на задний план.

– Да ведь уже и Олимпийские игры в прошлом были предметом политического престижа, – неожиданно вставила Наоми.

Дальше Рей узнал потрясающие вещи.

Никаких выборов в парламенты больше не проводилось. Ни на местном уровне, ни на государственном, ни на общеевропейском.

Вместо выборов проводился флаг-турнир. Каждая партияставляла на выборы свою команду. Парламентская победа зависела от победы команды в игре и набранных ею очков.

Например, при пятидесяти очках в Бундестаге оказывались 10 депутатов соответствующей партии и так далее.

Случалось, игроки сами и были депутатами, но в основном депутаты не играли. Они вообще держались в тени.

Рей попробовал возмутиться – какое это отношение имеет к демократии? Но Леон объяснил все исчерпывающе.

Победа команды фактически напрямую зависит от поддержки избирателей. Денежные взносы, пожертвования. Покупка символики этой команды – а значит, поддержка фирм, которые ее обслуживают и содержат. Вместо того, чтобы тупо ставить крестик в избирательном бюллетене, – купи трехцветный шарфик, купи флаг и повесь его на балконе, купи фигурки любимых игроков – мужественных парней, которые сражаются за добро против зла. Разве это не интереснее? Разве не больше открывается возможностей поддержать идеи, которые тебе дороги?

Идеи тоже есть. Составляется программа. Флаг-геймеры сражаются не просто за цвет и название, они сражаются за определенную парадигму. Сейчас Христианская партия – белая символика – выступает за вечные ценности, семью, малый и средний бизнес, церковь, традиции. А партия Прогресса – символика желтая – за прогресс, развитие науки, полеты в космос. Есть еще партия Социальной Справедливости, с красной символикой, но у них поддержки мало, игроки плохонькие – они слишком уж отталкивают людей бредом на тему «как бедно живут люди в Зоне Развития, давайте их всех пустим к нам». Да и все время всплывают скандалы о том, что они связаны с террористами в Колд-зоне – кто знает, правда это или нет? Но репутации команды вредит.

Чем больше жертвуют на команду, чем больше покупают ее символику, тем больше денег у стратегов на перекупку хороших геймеров. Геймеры, как правило, не привязаны к определенной стране и идее, это профессионалы, которым, в общем, все равно.

– Я исключение, – пояснил Леон, – но у нас мало выходцев из богатых семей. Я играю за Германию и за белых. Но я не завишу от денег, а для других это единственный способ заработка. Впрочем, Германия и белые платят хорошо.

– Плохого игрока они не стали бы держать в команде, – заметила Наоми.

– У нас все – офицеры экстра-класса, – не стал спорить Леон. – Кроме перекупки геймеров, есть еще перекупка тактиков, техников, тренеров, это еще важнее иногда. Оборудование. Ты бы видел, на каких гробах летали в последний раз красные! Тренировка, обслуживание, исследования – например, дедушкина фирма держит несколько институтов, которые заняты только исследованиями, как повысить эффективность игроков. И все это идет команде ХП. Таким образом, все зависит от денег. Ну почти все. Есть еще мы! Наша воля, наша решимость и профессионализм. Тьфу ты, я прямо как с трибуны выступаю. Ладно, Рей, хватит жрать, пошли ко мне – я покажу тебе настоящую игру!

Рею снились коммунистические террористы. В черных балаклавах, со сверкающими узкими глазами, в руках они держали кривые machete и бесшумно занимали особняк Энрике. Самый ужас был в полном отсутствии звуков, в замедленных четких движениях. Рей понимал, что надо звать на помощь, вызывать полицию, надо бежать – но не мог двинуться с места.

Вот один из террористов ворвался в его комнату. Внезапно на полу оказалась прислуга-полька, коммунака накинута на нее, разорвал платье, почему-то все тело девушки было окровавлено, но вдруг Рей увидел вместо террориста Леона. Никакой балаклавы. Геймер в черной игровой форме (Рей видел ее вчера в интернете) с эмблемой почему-то «Мерседеса». Леон выпрямился, не обращая внимания на лежащую девушку. Скользнул мимолептый флер сожаления – оказывается, Рею хотелось продолжения банкета... он бы даже сам, может, присоединился бы. Ему тут же стало стыдно. Но Леон поднял игровую винтовку и сказал: «Руки

вверх! Ты же ничего не понимаешь! Ты бы хоть попробовал понять! Приложил бы усилия. Не дурак же!» И теперь Рею было стыдно уже оттого, что он ничего не понял, что не разбирается в этой жизни. «Дедуля!» – насмешливо вскрикнул геймер. Тут прогремел взрыв, стена впереди обрушилась, и Рей проснулся.

Некоторое время он лежал, анализируя свои ощущения. Его дружок, оказывается, пробудился от сна и теперь просил разрядки. Черт возьми, подумал Рей, что-то я залип на эту польку. Она действительно ничего, спортивная такая, упругая, симпатичная. Но здесь можно вызвать девушек на дом за пять минут. И лучше этой. У них же, домашних помощниц, секс в контракт не входит. Да и зачем вообще нужны девушки, когда есть интерэки?

Рей вошел в интернет на эротический портал и просидел там до утра.

Энрике раздраженно щелкал пальцем по экрану, где бежали столбики цифр.

– Сядь.

– Я себе кофе сделаю. – Рей отошел к автомату. Потом сел с капучино в руках, наблюдая за тем, как эта девушка – Леа – аккуратно смахивает пыль с лепнины и с картинных рам.

Энрике развалился в кресле.

– Как тебе наш Леон? – мягче спросил он.

– Красавец мужчина, – признал Рей, вспомнив Леона – мощного и одновременно гибкого, в черной игровой куртке, – их специально отбирают?

– Конечно. И тренируют. И стилисты, косметологи, парикмахеры. Игра – это же шоу! Ле, кстати, скоро женится. Он помолвлен со шведской принцессой Арнхильд!

– Ничего себе!

– Знатные девушки охотно выходят за игроков. Почему бы и нет? Ну а нашей семье это более чем полезно. Признаться, сначала мы не радовались тому, что Леон пошел в геймеры. Но теперь...

– Да и замужество моей сестры за твоим отцом, по правде сказать, было выгодно в первую очередь ему. Даже очень, – не удержался Рей. Энрике пожал плечами.

– Такова жизнь. Одни добиваются своего деньгами, другие – связями, третьи – благородной кровью. Четвертые – собственными мышцами, потом и упорством.

Он снова уставился на экран, лицо стало мрачным.

– Что-то не так, Рике? – участливо спросил Рей.

– Акции, черт... Да не лезьте вы к окну! – закричал вдруг Энрике так, что Рей даже дернулся. Но вопль был адресован не ему, а домашней помощнице. – Что вы там делаете?! И шторы надо задергивать на четверть, а не на треть, сколько раз я говорил!

Девушка вздрогнула, как от удара. Обидчивая! Поспешно задернула шторы, как требуется, деревянным голосом произнесла «извините» и двинулась к выходу.

– И кофе подайте! – потребовал Энрике. Девушка кинулась к автомату. Подала хозяину чашку на подносике.

– Сахар двойной? – обвиняющим тоном спросил Энрике.

– Конечно, – тихо сказала помощница, – я же знаю, как вы любите.

– Знаешь ты, – проворчал Энрике и взял чашку. Девушка вышла из кабинета. Рей взглянул на племянника.

– Ну что ты так смотришь? Надо же мне плохое настроение куда-то сбросить, – буркнул Энрике, – для того я ей и плачу. А сахар все-таки не двойной, – сварливо добавил он, – этим идиотам хоть в лоб, хоть по лбу, ничему не учатся!

Потом взглянул на Рея.

– Я, кстати, о чем хотел с тобой поговорить. Ты что дальше делать-то собираешься?

– В каком смысле? – спросил Рей осторожно.

– В смысле – учиться пойдешь или как? Куда? Ты узнавал уже?

– Честно говоря, пока еще нет, – дипломатично признался Рей. Он поднаторел в подобных разговорах с отцом. – Я пока еще неважно себя чувствую. Ведь я недавно воскрес из мертвых, Энрике! Мне надо немного восстановиться. Я занимаюсь с психологом. Ну и... я еще не разобрался в вашем мире. Все это не так просто! У меня ведь даже диплом о школьном образовании несколько устарел!

– Это мы уладим, – возразил Энрике, – ты должен найти что-то по душе. Академию, университет. Хочешь музыкой – занимайся музыкой, шоу-бизнес, скажем... сам же ты не музыкант, да? Это не трудно. Но тебе нужен какой-то диплом, дядя.

– Обязательно, – пообещал Рей, проникновенно глядя племяннику в глаза, – я обязательно получу диплом. Дай мне только немного времени! Я должен для начала прийти в себя и сориентироваться.

Глава 4. Зона индивидуализма

Лийя проснулась без будильника – как запланировала в семь, так и проснулась. Прошла по комнате в ночнушке, босиком, распахнула окно, весенний холод ворвался в комнату. Лийя потянулась, засмеялась, скинула ночнушку. И начала делать зарядку. Прямо так, в одних трусах – все равно же никто не видит. Движение быстро согрело ее. Лийя уделила особое внимание растяжке – шпагат уже получается, но надо бы добиться поперечного. Постояла на голове у стены. Отжалась на каждой руке раз по двадцать.

Накинув халатик, побежала в душ. Там уже толпились девчонки, с Гулькой на ходу перехлопнулись ладошками, вскинув руки друг другу навстречу. Здоровались, смеялись. В душе Ли пустила холодную воду, потом горячую, потом снова прохладную. Вымыла быстренько голову – короткая стрижка высохнет быстро.

У себя в комнате стала одеваться. Сегодня с утра по расписанию занятия, поэтому Лийя надела темно-синюю блузу и штаны, синие носочки. Высушила волосы феном. И с наслаждением повязала красно-черно-белый шнур юнкома. Не фунт изюма! Юнкомов не так уж много в школе, есть чем гордиться. В пятом отряде их только шесть человек – Гулька, Рита, Ринат, Лешка и Сергей. Ну и она сама теперь.

Хотя каждый может вступить в юные коммунисты, по желанию, но, во-первых, не так-то просто пройти все экзамены и испытательный срок без замечаний. И спорт надо сдать, и военку, и теорию общества. И главное, выполнять поручения Ведущего Коллектива во время испытательного срока так, чтобы без задержек, проволочек, инициативно и красиво. Чтобы ВК понял, что перед ними – серьезный кандидат, а не какой-то разгильдяй, который хочет красивый шнурок поносить, а работать не будет.

А во-вторых, учитывая все это, не каждый и хочет в юнкомы. Понимают, что придется вкалывать, напрягаться, что ответственность за все возрастет, а ее и так в коммуне много.

Вот раньше Ли дружила с Таней и Агнесской. И сейчас дружит, но все-таки пока готовилась в организацию – многое изменилось у нее внутри, и лучшей подругой теперь стала Гулька.

Не говоря о Бинхе, конечно. Но Бинх, наверное, не столько друг, сколько старший товарищ.

Потом Ли убрала комнату – заправила кровать, спихнула в стирку грязное белье, полила на окне традесканцию и запустила черепашку-уборщицу. Раньше она порой разгильдяйничала в этом смысле, но кому хочется получить замечание от санкомиссии? А уж теперь ей вообще будет дико стыдно, ей – юнкомке. А санкомиссия может всегда нагрять.

Посмотрела еще раз на себя в зеркало. Светлые волосы красиво распушились после фена, прикрыв уши, лицо – вполне симпатичное, серые большие глаза, мягкий круглый нос. И ямочка на шее в вырезе блузы. Ли улыбнулась сама себе, поправила шнурок. И побежала вниз, в столовую, на завтрак.

Гулька дожидалась ее у выхода из коридора, вместе подруги спустились по лестнице, не ехать же вниз на лифте. Ли набрала на поднос вкусного – булочку, тарелку пшенной каши, масло, варенье, яйцо. Заняли привычное место за длинным столом у окна.

– Ты сегодня куда после тренки? – спросила Гуля. Сегодня у обеих был нерабочий день – на производстве ставили в план обычно две или три смены в неделю. У Лийи работа была в понедельник, вторник и четверг, а сегодня среда.

– Мне в обсерваторию надо, – ответила Ли, – данные сводить, по HGC 1264. Мы статью с Ринатом пишем, такие фотки – закачаешься! У нас теперь классное оборудование.

– Ну так вам же купили, – кивнула Гуля.

– Нам! Можно подумать, это моя личная обсерватория!

– Все равно ты там все время пасешься. А у нас электронный микроскоп как в прошлом веке. Я вопрос буду ставить на маткомиссии!

Гуля избрала в качестве научной специализации молекулярную биологию.

– Поставь, – пожалала плечами Ли, – тут просчитать надо. Конечно, нужен нормальный микроскоп. Ну так ведь много чего нужно! Малышам, например, тоже микроскопы нужны – обычные, для занятий. Их не хватает. На стадионе надо дорожку менять... Сама знаешь. Ну и строительство. Надо на самом деле в Планцентраль писать.

– В Планцентраль, наверное, и без нас не дураки сидят, – предположила Гуля. Она смаковала фруктовый салат со сливками. – Вообще, я думала, мы сегодня посидим над планом политзанятий у младших.

– Посидим, отчего же, – кивнула Ли, – я освобожусь часов в пять. Но ты не забудь, нам еще надо подумать насчет делегации в Германию. У них там ФТА рядом. – Ее голос дрогнул. – Знаешь, а я бы хотела поехать. Посмотреть, как это – когда враги прямо под боком.

– Не страшно? – поинтересовалась Гуля. Ли покачала головой.

– Чего страшного? Вот как у Бинха было – страшно. А так...

– Может, тебя и пошлют, – пожалала плечами Гуля, – у тебя немецкий. А у меня английский только.

– Не знаю, я ведь недавно в организации. На самом деле, вряд ли пошлют.

До одиннадцати у Ли были распланированы индивидуальные школьные занятия. Ей хотелось увидеть Бинха, спросить его, что решил ВК насчет Германии. Бинха недавно избрали в ВК, теперь он вместе с Ладой Ореховой и Рамзаном руководил юнкомовской организацией. Но сегодня Бинха было трудно застать – он на месяц перешел в английский сектор. Языки в школе изучались методом погружения – в определенных секторах создавалась как можно более полная языковая среда, ребята отдельно от всех ходили в столовую, на тренировки, на производство, на общие занятия и семинары и говорили только на определенном языке, на нем же читали, играли и смотрели фильмы.

Бинху надо было подтянуть английский. Сама Ли уже прожила три раза по два месяца в немецком секторе, и один раз – в корейском. Нормой считалось изучить один из языков ФТА и один из языков Союза. Корейский она, конечно, выбрала из-за Бинха, вообще-то корейязычных было раз-два и обчелся – любители Востока предпочитали учить распространенный китайский.

Гульке проще – у нее уже есть родной казахский и русский. Достаточно еще один выучить, язык ФТА.

Ли отправилась для занятий в библиотеку. На сегодня у нее намечались алгебра, физика и история искусств, а в одиннадцать – общее практическое занятие по уходу за больными, или салверологии, как это теперь называется. Ли размышляла сразу о многом: о политзанятиях для малышей, о возможной (хорошо бы!) поездке в Германию, о статье по наблюдениям галактики NGC 1264 (она в пятницу всю ночь просидела, сводя данные), о том, что по алгебре через два дня сдавать куратору зачет, а еще конь не валялся...

У входа в библиотеку на ее запястье задребезжал сигнал комм.

– Да, – активируя наушник, произнесла Ли, – Морозова слушает.

– Лийя, – негромко произнес знакомый голос куратора, – подойди, пожалуйста, в мой кабинет. Прямо сейчас.

Пару лет назад Ли первым делом спросила бы: «А зачем?», и была бы права, потому что срыв человека с занятий – дело экстраординарное, куратор назначает встречи заранее, если ему нужно. Но это было несколько лет назад. Сейчас она ответила без удивления в голосе.

– Поняла. Есть подойти прямо сейчас.

На кураторском седьмом этаже, в шестнадцатом кабинете ее ждали. Сам ее учитель, Павел, собственной персоной. Раньше у Ли кураторшей была Лена, но родила ребенка и ушла в отпуск. Павел оказался достойной заменой – специализировался он на точных науках, был хорошим предметником, при этом состоял в партии, раньше был матросом на авианосце, плавал в Атлантике, и вообще поговорить с ним было интересно.

Кроме Павла, в кабинете сидела Лада Орехова. Это удивило Ли. Лада была уже несколько лет бессменным членом Ведущего Коллектива юнкомов и одновременно – членом ВК коммуны. Ей уже было семнадцать, и она готовилась к выпускным экзаменам, но как в школе будет без нее – пока никто не представлял. Эта девочка с огнем в серых глазах, русоволосая, крепкая, всегда оказывалась права и умела поддержать дух коллектива даже в самые сложные моменты. Ее негромкий вроде бы голос слышали все. Ли нравилось в Ладе то, что при ясных задатках лидера та никогда не выпячивала себя, умела слушать чужие мнения и правильно координировать их.

Но то, что Лада оторвалась от своей работы, выделила драгоценное время на беседу с ней, Ли? Да что же такое случилось?!

Ли шагнула в кабинет, поздоровалась.

– Садись, Лийя, – пригласил учитель. Девочка села за круглый стол, настороженно глядя на старших товарищей. Лада смотрела на нее без улыбки.

Павел протянул Ли распечатку. Девочка пробежала текст глазами.

Супруги Морозовы... хищения на общую сумму 40 680 фондоединиц... незаконная эксплуатация труда... трудового законодательства... мера пресечения.

Она подняла непонимающие глаза и тут же опустила их. Павел и Лада молчали. Видимо, ждали, что она подробно изучит бумагу. И Ли принялась изучать.

Она очень редко думала о родителях. Давно уже они перестали как-то присутствовать в ее жизни.

Первое время восьмилетняя Лийя ездила домой на каждые выходные. Но дома было скучно – кузинские подружки казались бестолковыми и мелочными, с родителями и вовсе делать нечего. Лийя стала отговариваться – то репетиция в воскресенье, то задания надо сделать по учебе. В коммуне куда веселее.

В свои первые летние каникулы Лийя отправилась сначала в пятидневный поход по Уралу, затем с отрядом в лагерь на Черное море, и еще месяц она собиралась провести дома, с родителями. Первые две недели все было хорошо, пусть и скучновато. Приятно снова оказаться в родных стенах, вспомнить свой письменный стол, личный терминал, обежать во дворе все знакомые места. Мама все примеряла ей новые одежды, шитые для нее в ателье. В то время мама устроилась на полставки на городскую фабрику одежды, тоже дизайнером. Работы там было немного, так что время на собственную фирму у нее оставалось. Отцу тоже приходилось крутиться, он делал налоговые документы и для других мелких фирм и кооперативов.

Но через две недели мама опять устроила скандал. Подробности Ли уже плохо помнила. Началось все с того, что Ли загулялась с девочками во дворе и пришла, когда уже темнело. Она сразу сказала: «Извини меня, пожалуйста, я больше так не буду», но когда это помогало? «Ты все время извиняешься, и я должна тебя прощать, ну уж нет, хватит, на этот раз я тебя не прощу!» Мать орала весь вечер, отец рычал. Выяснилось, что мать обижена на нее за очень многое – и все эти две недели она на Лийю «пахала как рабыня», и манера общения дочери ей кажется заносчивой, и главное – то, что Лийя вообще ушла в коммуну! И неизвестно, чем она там занимается. Ли надеялась, что к утру все пройдет. Ведь она же теперь взрослая, самостоятельная, не будет же она, как раньше, нервничать из-за пустяков.

Однако скандал продолжился и назавтра. Сначала с Лийей просто не разговаривали, устроив бойкот. Это было лучше, чем скандал, и Лийя мирно играла у себя в комнате. Но потом мать не выдержала, и снова начались крики. Лийя попробовала сходить в уборную, мать решила, что та запирается, и сорвала крючок. Лийя пробовала что-то возразить, пробовала еще раз извиниться за вчерашний проступок – но какое там! О том проступке давно забыли.

В конце концов, разумеется, выяснилось, что Лийя вовсе не взрослая, и нервы у нее по-прежнему не в порядке – она не выдержала и разрыдалась, со всхлипываниями, истерично. Это удовлетворило мать. Лийя ушла к себе в комнату, с прежним невыносимым чувством поражения и отчаяния. Все просто ужасно! В мире нет ничего хорошего, ничего светлого. Коммуна и все, что в ней было, – облито грязью, причем Лийе казалось, что мать полностью права. Сама она – грязная мерзкая тварь, ничего из себя не представляющая. Она не заслуживает не то что любви – даже кормят ее тут из большой милости. Словом, все как обычно.

Но кое-что теперь было по-другому. Немного придя в себя, Лийя подумала, что не все же думают о ней так, как мама. И набрала номер комм.

– Я приеду за тобой через час, – решительно сказала вожатая Катя. Лийя открыла было рот, чтобы возразить. Но подумала и сказала.

– Я тогда выйду потихоньку на улицу... А то они тебя выгонят еще. Не пустят меня.

Через час она, собрав лишь самое необходимое, тихонько выскользнула из квартиры. Катя приехала за ней на легковушке, принадлежащей коммуне, вел машину один из старших парней, у которого уже были права.

Дальше было просто. Мать пробовала что-то предпринимать – писала жалобы, сама являлась в коммуну, но разговаривали с ней взрослые. Лийя и не знала, чем там все кончилось. Теперь она приезжала к родителям только на большие праздники, изредка на выходные – вот и все. Мать с этим смирилась. Похоже, ей это даже понравилось: дочь как бы и есть, можно похвастаться ее успехами – но как бы и нет, делать ничего не нужно. Иногда мать пыталась всучить Лийе красивые тряпки из ателье, девочка благодарила и никогда их не надевала в коммуне. Но дома носила, чтобы порадовать родителей. Ее комнату дома переоборудовали под вторую мастерскую для матери. Мать и отец неплохо зарабатывали, ездили по всему СТК на курорты, построили две дачи, причем одну сдавали. Купили вторую машину, мотоцикл, а в прошлом году – вертолет. Расширили гараж и на крыше соорудили ангар. Брат Димка все еще учился в профшколе в Ленинграде. В общем, семья прекрасно жила без Лийи, и эта жизнь девочку мало интересовала.

Но оказывается – и только теперь она поняла это – было очень важно, что семья у нее есть.

У нее нормальные родители. Не плохие, не раскрепасные, а нормальные, обычные. Да, она не во всем с ними совпадает, да, были неприятности в детстве, но у кого их нет? Это нормально, что дети выбирают свой путь и не во всем поступают так, как требуют родители. Нормально и то, что родителям это зачастую не нравится. Крики, вопли и побои – это плохо, но Лийе очень важно было считать, что так или похоже бывает у всех. Или у многих.

Она специально знакомилась с ребятами в коммуне, поступившими так же, как и она, вне очереди, и убеждалась, что ей еще повезло по сравнению с ними. Копила для себя чужие плохие истории. Охотно сочувствовала, выслушивала. Алешку мать-наркоманка не кормила, держала взаперти, у него не было даже одежды, чтобы зимой выйти на улицу, он и в школу не ходил. Тося выросла в семье сектантов, где ежедневно читали Библию, а по субботам отец порол всех детей розгой, просто так, потому что «положено» в Библии. Митю отец чуть не убил – пришел пьяный и пытался «повесить щенка» на шнуре от торшера. У Лизы мать забила ногами годовалого братика – тот кричал слишком громко.

А у Лийи была нормальная, хорошая семья. Родители о ней заботились, даже слишком. Приличные уважаемые люди, в доме достаток. Ее практически не били: если сравнить с Тосей или Митей, это вообще не побои. Лийе приятно было знать, что у нее – все нормально. У нее

есть корни. Мама же не плохой человек, ее многие уважают, она такая деловая, активная. Как Скарлетт из «Унесенных ветром». Красивая и умеет одеваться. Папа тоже хороший человек, умный, трудолюбивый, много читает в свободное время, у него популярный блог в Субмире. И бабушки у Лии были хорошие, правда, выжила только одна в войну, и оба дедушки тоже погибли. Хорошая, нормальная семья.

Пусть даже Лийя и не часто бывает дома.

Семья была частью ее самой. Вернее, она сама – часть семьи. Если семья – полное гнилье, значит, и она сама такая же. Как тут верить в себя, как считать себя достойным, нормальным человеком? Нет, у Лии приличная, уважаемая семья.

И вот теперь, со страшной распечаткой, эта иллюзия рухнула окончательно.

То, что у матери работали не только две девушки, но часто она привлекала и других, Лийя в общем-то знала. Законно ли это – в таких делах она не разбиралась. Предприятие с двумя работниками платит намного меньше налогов, чем с тремя и более (оттого более крупных фирм почти уже и не осталось, только кооперативы). Фирма матери считалась малым предприятием.

Можно было догадаться и о том, что с трудовым законодательством у матери не все ладно. Швеи работали явно не по восемь часов в день, а гораздо больше. Обе девчонки приехали из призонья, рядом с запреткой, мать снимала им квартиры, помогала в обустройстве. Она любила говорить, что швеи у нее «как родные дочери», хотя делалось все это за счет зарплаты, так что на руки швеи получали совсем немного. Однажды Женя взбунтовалась, уволилась и ушла на фабрику. Мать тут же поехала в Челябинскую область, где были обширные выжженные пространства, зараженные зоны, полуразрушенные деревни, где люди еле выживали. Оттуда привезла еще одну девчонку, Свету, прямо после школы, больную раком щитовидной железы. Мать пристроила ее в Курганскую клинику, где рак теперь лечили с помощью нанотерапии, а потом девушка стала ее второй работницей. И работала по сей день.

Лийя не знала, как к этому относиться. Мать всегда рассказывала об этом с гордостью – ведь она помогла людям! Привезла в Кузин, помогла в обустройстве, дала работу. Но Лийя думала, что девушки могли бы и сами уехать из деревни, ведь в городе работа есть всегда. Не проблема и устроиться на лечение, а не мучиться с допотопными методами в местной больнице. Им страшно было срываться в неизвестное, уезжать из семьи – это понятно. У них было недостаточно информации. Но ведь в СТК становится все лучше, еще несколько лет – и, может, во все эти деревни придет современная техника, построят там красивые дома, пищефабрики.

Но вот чего Лийя не знала совершенно, так это того, что родители все это время использовали работу на фабрике на благо собственной фирмы. Что, оказывается, мать списывала вполне годные материалы и использовала их как сырье для себя. А отец проводил махинации с налогами, причем и для себя, и для других – за дополнительную плату.

Отсюда и происходили все эти блага, которые теперь будут конфискованы. Вертолет... дачи... и на счетах, оказывается, была кругленькая сумма.

– Мы не хотели, чтобы ты об этом узнала по каким-то иным каналам, – негромко произнес Павел, – поэтому вот. Пригласили.

– К тебе все это не имеет отношения, – успокаивающе добавила Лада, – ты не можешь отвечать за то, что твои родители делают. Но я представляю, что ты сейчас чувствуешь.

Лийя пробежала глазами бумагу. Следственный изолятор. Суд через две недели.

– Что теперь будет? – подчеркнуто спокойно спросила она.

– Да ничего страшного, – ответил Павел, – ты только не волнуйся. Конечно, если бы там было только нарушение трудового законодательства – его многие фирмачи нарушают, это ладно. Лишили бы права на предпринимательскую деятельность, и все дела. Но тут хуже – хищения, налоги. Видимо, высылка в Зону Индивидуализма. Ты ведь не часто видишься с родителями?

– Нет. Но...

Павел заговорил, внимательно глядя ей в глаза:

– Пойми, ты от этого не становишься хуже. Ты не плохая. Не думай, что это тебя как-то пачкает. И потом, в школе никто не узнает. Если хочешь, рассказывай сама, нет – значит, не узнает никто. Хотя в юнкомовском коллективе, конечно...

– Там ничего, – сдавленно сказала Лийя. Среди юнкомов были приняты несколько другие отношения, чем в школе вообще. Более открытые, прямые и требовательные. Ее это не пугало.

В школе никто не узнает и не станут на нее смотреть, как на ненормальную. Хотя ведь и так не стали бы! Мало ли у кого какие родители. Есть и те, у кого родители в ЗИНе.

– Тебя пугает все это?

Лийя подумала и качнула головой. А потом вдруг заплакала, уткнув лицо в ладони. Лада подошла, села рядом, обняла ее за плечи. Ли ткнулась в грудь Ладе и зарыдала, громко всхлипывая и хлюпая носом. Никто ничего не говорил, и, поплавав, она высморкалась в платочек, протянутый Павлом.

– Ты отдохни сегодня, – непривычно мягко произнес куратор, – тебе надо привыкнуть к этой мысли.

– Я... ничего, – пробормотала Ли.

– Пойми, ты не имеешь к ним отношения. Ты не совершала преступлений. У нас не так уж мало ребят, родители которых тоже осуждены за что-то. Или даже лишены родительских прав. В таких случаях ведь детей всегда отправляют в коммуну. Родители – одно, ты – другое. У тебя своя жизнь. Ты – сама по себе, – настойчиво толковал Павел.

Ли хотелось только уйти, причем как можно скорее, уйти подальше в лес, бродить там и никого больше не видеть.

Раньше, в буржуазном мире, было принято людей за разные преступления сажать в тюрьму. Еще была смертная казнь. Тюрьма или исправительный лагерь – это охраняемое здание или зона, где содержатся люди под стражей, их кормят, предоставляют спальное место, медицинское обслуживание. Обычно люди там работали. Предполагалось, что все помогает их исправлению. На деле обычно выходило наоборот. В Первом Союзе проводили эксперименты, организуя из заключенных трудовые коллективы. Но это мало помогало изменению личности и выродилось невзвестно во что. В итоге они вернулись к обычным буржуазным способам наказания.

А вот в СТК психологи разработали более эффективную систему перевоспитания.

Понятно, что в войну и еще долго после войны очень много людей расстреливали, но с годами таких случаев становилось все меньше. Преступления мельчали, казнить стало не за что. Расстреливали только откровенных шпионов и бандитов.

А держать людей в тюрьмах – примитивно и не приводит ни к чему хорошему.

Вместо прежних тюрем в СТК создали так называемые зоны индивидуализма. Ведь человек, идущий против законов общества – это инд, даже детсадовцам известно. Крайний индивидуалист, эгоист, не способный думать ни о ком, кроме себя лично и своей семьи. Да и семья-то для него – подконтрольное и зависимое имущество. А почему общество должно давать такому человеку место работы, питание, общежитие – пусть и плохое? К тому же если все это будет плохим, а жизнь в лагере мучительной, эгоист еще больше замкнется в своем самолюбии и саможалении и ожесточится против общества.

Исторический опыт показал, что многие обыватели склонны считать, что блага, получаемые от общества при социализме – образование, медицина, рабочее место, возможность профессионального совершенствования, транспорт, жилье, – разумеются сами собой, как воздух. И отдавать обществу за них ничего не надо. Они вообще не мыслят в таких категориях: что-то дать обществу. Они думают, что общество – это несуществующая абстракция. Они не только

не чувствуют себя обязанными что-то давать, но и спокойно могут забирать у общества и нарушать его законы.

Если их поместить в тюрьму, где возможности приобретения благ будут ограничены, но общество будет проявлять себя в виде колючей проволоки, охранников и запретов – их фрустрация и недовольство лишь усилятся.

Потому единственный способ объяснить им ситуацию – поместить их в такие условия, где СТК нет. Можно было бы выслать их в ФТА. Не в развитые страны, как это делали когда-то в Первом Союзе, а в зону Развития, в Африку, скажем. Но жаль африканцев! Они-то ни в чем не виноваты, им и так тяжело. Зачем же им еще эгоисты на шею!

Потому были созданы Зоны Индивидуализма. ЗИНЫ, как их еще называют.

Ограничение свободы там лишь одно – за пределы ЗИНа выехать нельзя. Там, как на государственной границе – по всему периметру лазерные следящие установки, беспилотники, охранные комплексы. Но ЗИНЫ очень большие. Ставят их там, где радиация нормальная, почва, климат приемлемый, выжить нетрудно. Нет только общества.

Для начала – хоть это и уступка принципу – высланному выдают небольшой минимум средств выживания: одежду, охотничье оружие, рыболовные снасти, сельскохозяйственный инвентарь, электронную библиотеку, аптечку. Более того, в ЗИНАх есть постройки – отдельные разбросанные по полям и лесам домики, теоретически их достаточно, чтобы обеспечить жильем все население ЗИНа.

То есть выжить в ЗИНе и в одиночку не так сложно.

Но беда в том, что и в ЗИНАх создается общество, собственное – общество настоящих индивидуалистов. Наиболее сильные и наглые подавляют других, собирают банду вокруг себя, эти банды сражаются друг с другом. Иногда там складывается что-то вроде стихийного анархо-капитализма, бандиты обмениваются плодами трудов тех, кого они обратили в рабство.

Наказание выглядит как будто мягким. Никакого принуждения, свободная жизнь на природе.

Но вот жизнь человека в ЗИНе, его телесная неприкосновенность, здоровье – за все это никто не несет ответственности. Только он сам. А самое худшее там – это другие заключенные, бороться против них в одиночку трудно, приходится примкнуть к сильной банде; а банда – это совсем не то, что нормальный коллектив. Поскольку все вооружены, постоянной элиты там не складывается, даже самые сильные опасаются пули в спину.

Когда первая часть срока заканчивается, сосланный может покинуть ЗИН и перейти в реабилитационную колонию по соседству. Не все сразу хотят туда переходить, некоторые остаются в ЗИНе и после срока. Ведь в колонии надо работать на производстве, там есть отряды, как в школе-коммуне, самоуправление, коллектив. Там могут жить только те, кто готов и хочет трудиться и жить в команде. В реа-колониях люди свободны, могут уехать – но в других местах до окончания срока реабилитации на работу не возьмут и предприятие не зарегистрируют. Но в общем-то никто и не стремится уехать побыстрее.

Эти люди уже поняли, что общество – не абстракция, а источник их существования. Возможность устроиться на работу, взять продукты и вещи на складе или купить их в магазине, поехать в отпуск, пойти к врачу, если заболел, возможность быть защищенным законом, чтобы никто не мог тебя безнаказанно ударить, убить и даже оскорбить, – это не само собой разумеется. И что берущий должен и отдавать. И если закон защищает, то ему следует также и подчиняться.

Лийя вернулась в общежитие, когда было уже совсем темно. Многие окна в здании горели, но внизу была тишина, еле теплился ночной свет. Никто не собирался загуливаться перед новым трудовым днем. Лишь дежурный по общаге, парень из седьмого отряда, сидел на посту. Он вяло глянул на нее и ничего не сказал.

Да еще на диванчике в углу застыла темная фигура с планшетом, и когда Ли пересекала холл, фигура пружинисто поднялась. Ли остановилась.

Это был Бинх.

– Привет, – сказал он, – давно не виделись. Идем в столовку?

В столовом зале и сейчас было еще несколько человек – кто-то наливал себе чаю, кто-то болтал компанией за столом. Ничего особенного – не успели поужинать, зашли перекусить попозже. Ли не ужинала и не обедала. И не очень-то хотелось. Но сейчас она ощутила легкий голод. Налила из самовара чаю, взяла немного печенья. С Бинхом они сели за стол в углу.

Бинх официально стал ее вожатым, потому что Катя уже год как закончила обучение, поступила в Бомбее в экологическую профшколу, а теперь служила в армии. Так что ничего особенного не было в их вечерних посиделках. Вожатый и его подопечная. Обычно Ли очень радовалась возможности вот так посидеть с Бинхом.

Но теперь она ничего не чувствовала – лишь опустошенность.

– У нас во взводе был один парень, – медленно начал Бинх, – звали его Чак. Он был местный, из Кэсона. И у него в Кэсоне жил брат с семьей. Родители давно погибли. Тот брат был членом партии, участвовал в тыловом снабжении. И вот когда цзяофани захватили Кэсон, этот брат пошел и сообщил им все, что знал, про нас, и они... вот тогда нас загнали в то болото, помнишь, я рассказывал? Где мы сидели два месяца. Много народу умерло. Потом мы Кэсон все-таки отбили, подошли части с севера. Брата этого Чака тоже взяли в плен. Он был не какой-то негодяй, он любил семью свою и выдал нас, чтобы своих уберечь. Его расстреляли, Ли. И Чак это видел, не захотел уходить. Я об этом не рассказывал раньше, потому что не люблю об этом думать.

– И что он потом делал, твой Чак? – напряженно спросила Ли. Отложила печенье – есть опять не хотелось.

– Ничего. Воевал.

Ли помолчала, внимательно рассматривая столешницу.

– То была война, – пробормотала она.

– Какая разница? И сейчас война, – спокойно ответил Бинх, – она еще долго не кончится.

Ли вспомнила Свету, девушку из материного ателье. Из призонья, рядом с запреткой. Сколько там еще прозябает, погибается деревень. Оттуда теперь забирают детей, конечно, и есть там больницы, но нет, пока еще нет хорошего оборудования, и многие из тех, кто не успел добраться до Кургана, Уфы или Челябинска, умирают, хотя могли бы жить.

А кто-то убивает жену и ребенка – и сам вешается на шнуре, потому что не в силах забыть войну и успокоиться.

Отравленные моря, миллионы километров зараженной почвы, взбесившийся климат и тонущие острова и побережья. И кто-то получает деньги и оружие, чтобы разрушать кое-как налаженную жизнь и убивать людей.

А кто-то покупает себе дачи и вертолеты и живет ради себя любимого, как будто ничего и не случилось, ни апокалипсиса, ни войны, ни революции. Как будто не надо прилагать все усилия, чтобы жизнь – у всех – стала лучше. Какая разница-то, в самом деле? Надо жить для себя, думают они, устраиваться.

– Но как же? – спросила она. – Как мне жить с этим, Бинх?

– Не знаю, – сказал он, – Наверное, надо понять, что все это не имеет значения. Семья... кто с кем в родстве... Все это неважно. Есть мы. Есть человечество.

Лийя pokrутила головой.

– У Гульки, – сказала она, – отец погиб в перестрелке с бандой, а мать работает эпидемиологом, ездит по всему Казахстану и Уралу. У Тани мать генетик, известна на уровне Мир-коммуны. У Лады отец строитель, мать мастер на «Электроне», причем мать – в ВК компар-

тии Кузина. У Рината родители оба на орбите работают, на Луну летают. У тебя... Ты можешь гордиться своими родителями, пусть их уже и нет. А мне что делать?

Лицо Бинха было непроницаемым. Непонятым. Черные глаза смотрели напряженно.

– Жить, – произнес он, – знаешь, так у нас говорили. Что бы ни случилось – просто жить.

Глава 5. Путешествие

Леон оказался классным парнем, и компания клевая. Рей наконец-то начал чувствовать себя в своей тарелке. Нет, не чужой он этому миру. Не совсем чужой.

Они проехали всю Калифорнию. Это было так, будто Рей попал в фантастический фильм! Часть Аризоны была накрыта колпаком – чтобы радиоактивная зараза не распространялась, долбанули-таки в войну и по Америке. Но в целом страну задело куда меньше, чем многострадальную Европу, – что уж говорить, отдаленность от всех этих русских и исламских террористов очень полезная вещь. Лос-Анджелес потряс Рея. Многоярусный сверкающий муравейник, на каждом уровне – бесконечные космо-казино, «массажные салоны», «миры наслаждений», сенсо-театры. Казалось, здесь только и делают, что отдыхают и развлекаются. Наверное, это так и было. Мир, похоже, достиг той точки равновесия, когда больше ничего и не нужно – знай нажимай на рычажок удовольствия в мозгу.

Мотались повсюду впятером – Рей, Леон, его приятель-геймер Рон (он сейчас играл за французскую команду) и подружки Ле и Рона – обе не европейки, у Рона – миниатюрная азиатка Кео, подруга Ле – Джин, сейшельская креолка, тоненькая до изумления, с пышной черной гривой волос. По-английски, впрочем, все говорили свободно.

Рей в первый же день посетил «массажный салон» – напряжение надо сбрасывать, особенно если все время пялишься на таких красотках, как Кео и Джин. В салоне работали настоящие профессионалки, никакого сравнения с убогими борделями его времени. Да и какой бордель? Секс на самом деле тут был не главным – Рей просто отлично расслабился и начисто отключился. И это – без всяких веществ.

Веществ его новые друзья не потребляли. Геймеры вели исключительно здоровый образ жизни. Леон поднимался, несмотря на отпускное путешествие, ежедневно в шесть утра и начинал день с разминки и пятикилометрового кросса. Рей как-то за завтраком выразил восхищение такой силой воли. Ле только усмехнулся.

– Знаешь, один раз побегаешь по полигону от «Сатурна», потом всю жизнь будешь делать зарядку – только бы в следующий раз пронесло.

– Но ведь убить он не может? – озадачился Рей.

– Может и убить, – возразил Рон, – правда, это редко бывает. Обычно это просто маркер. Причем ракеты, если ты не в курсе, самонаводящиеся. Прямое попадание может быть смертельным. А искалечило многих уже – может выбить глаз, перебить позвоночник. Это сейчас лечится, но приятного мало.

Джин погладила Ле по мускулистому плечу. В ее кукольно больших черных глазах заиграли страх и восторг.

В Юте побывали в «Индийской деревне» – индейцев, понятно, давно уж никаких не было, это была деревня ролевигов. Было весело и забавно, вся компания тоже переделась, Ле и Рон потрясли народ точным метанием дротиков и выиграли целого бизона, Рей покатался без седла на «диком мустанге».

Это было дивное, давно забытое ощущение – выходишь с утра под бескрайнее синее небо, и ты свободен, весь мир принадлежит тебе. Денег в кармане – точнее, на чипе – завались, поезжай куда хочешь, делай что вздумается. Никаких племянников с их нудными проповедями, ни чопорности, ни буржуазных рассуждений об акциях и курсах. Даже геймерство новых приятелей не раздражало – Рей всегда был толерантен к чужим причудам, каждый сходит с ума по-своему. Джип с прозрачными стенками и магнитной трубой внизу мчался на восток, прозрачные прерии, далекие холмы, пейзажи Нового Света в сказочной дымке. И заправляться не надо – водородных баллонов теперь хватает надолго. Над магнитными хайвеями колеса втяги-

вались, и они летели по воздуху, потом снова на колесах – по прериям. Останавливались там, где захочется, развлекались, наслаждались жизнью – и мчались дальше. Рей пристрастился к «массажным салонам» и «дворцам встреч» – все же он молодой мужчина, и гормоны требуют своего. Он пробовал девушек потрясающей красоты и умения, хрупких трогательных мальчиков, обычно с темной или смуглой кожей, хотя попадались и белые. Ему делали такие массажи и втирали в кожу такие чувственные смеси, что представления Рея о границах возможного в сексе и уровне доступного наслаждения резко расширились.

Да и просто на улицах многие женщины были потрясающе красивы, при этом скудно и заманчиво одеты. И кажется, не было ни одной старше 25-27 лет. Правда, белые женщины часто выглядели как уродки, ненакрашенные, в каких-то балахонах или штанах – как это и было раньше; попадались и старые, но вот жирных не было – Америка каким-то образом избавилась от этих ходячих гор жира, которые раньше были для нее так характерны. Видимо, достижения современной медицины.

Въехали в Техас. Леон утверждал, что Даллас надо посетить непременно. Да и все равно ведь они едут на восток. Машина забрала к югу. Вскоре Рей различил вдали гигантское, уходящее к небу сооружение, не похожее на обычный купол. Что-то вроде стены, и когда он глянул сквозь увеличитель комма – разглядел наверху ряды колючей проволоки.

– А это что?

– А там уже зона развития, – пояснил Леон. Он небрежно вел машину через нейрошунт, не касаясь пульта руками; впрочем, автопилот вообще не требовал постоянного контроля водителя, – часть территории Штатов тоже пришлось под нее выделить. Плодятся, как кролики. Опять же, часть Мексики – Колд-зона, оттуда многие сбежали к северу. Там латиносы так и кишат. Хьюстон разбомбили начисто, там колпак. В общем, южный Техас отдали под ЗР вместе с северной Мексикой. И Нью-Мексико в основном тоже.

– Гм... – Рей напряженно разглядывал колючку вдали. – Я не думал, что Зона Развития такими заборами ограждена. Прямо Берлинская стена!

– Не надо сравнивать, – сурово заметил Рон, развалившийся на заднем сиденье между двумя девушками, – коммунисты не выпускали своих граждан, как в тюрьме, а мы просто защищаем нашу территорию от наплыва незаконных мигрантов. Им дай волю, они все сюда рванут и сядут на пособие.

– М-да, с моих времен мало что изменилось, – констатировал Рей, – та же самая история.

Неподалеку от Далласа в облака взлетали ажурные легкие башни Центра Технологий. Язык не поворачивался назвать их небоскребами – это были сказочные замки, с мостиками и переходами на головокружительной высоте, между ними парили легкие вертолеты и дельтапланы. Здесь тысячи яйцеголовых со всего мира трудились, чтобы сделать жизнь остальных как можно приятнее и веселее.

Заезжать в научный городок не стали, хотя, по сообщению комма, там и располагался отличный интерактивный музей технологий, можно было даже полетать на симуляторах разных самолетов. Научные исследования частично финансировались за счет туризма.

Машина проехала мимо, миновала пояс традиционных американских предместий и по хайвею стала подниматься все выше и выше, проскочила портал въезда, промчалась над пропастью, на дне которой виднелись здания низшего уровня. Этот город не имел ничего общего со старым Далласом, разве что название. На седьмом уровне, под облаками, машина наконец свернула в темное нутро гигантской парковки. Над парковой располагался отель, который Джин заботливо заказала еще с утра. Девчонки вообще занимались организацией отдыха – заказывали билеты, столики в ресторане и тому подобное.

– Давай, дедуля, располагайся, – напутствовал его Ле, – через полчаса встречаемся у входа и идем на игру!

На следующий день Рей с трудом разлепил веки и застонал.

В голове скрежетало битое стекло. Он насилу повернулся. На прикроватном столике стояла бутылочка с минералкой, на блюде – желтая капсула. Рука дрожала так, что капсулу удалось захватить не сразу. Рей сглотнул и выпил залпом всю воду.

Потом он лежал, ощущая, как боль медленно растворяется.

За прозрачной стеной лениво плавали мурены, в глубине проносились стремительные тени акул. Номер Рея был оформлен в стиле аквариума – стены с видами на подводный мир, полупрозрачная аквамариновая мебель, украшения из кораллов.

Впечатления вчерашнего дня толпились в сознании, замотанные в белесую паутину сна. Рей постепенно восстанавливал их.

С утра геймеры решили глянуть игру местной команды. Решили спонтанно – на всех уровнях Далласа висели разноцветные флаги, толпы болельщиков в турнирках, знаменах, плащах, татуировках, гель-наклейках, шарфах, кепках, ботинках, голо-завесах, платках, цепях и браслетах цветов любимых команд носились по городу, полиция на легких мотоскарах с трудом поддерживала порядок. Пьяных и сильно обкуренных сразу же забирали в участок. В Далласе сегодня был решающий матч по составу совета графства: победившая команда проводила в совет большинство представителей своей партии (Рей так понял, что этих матчей уже было сыграно с полдесятка, чтобы точно определить состав совета).

Рей так и не заинтересовался флаг-турниром, видел в интернете единственную игру, которую ему показал и разъяснил Леон. Он и в свое время принципиально не интересовался футболом, возможно, из нонконформизма. Теперь футбол, а в Америке – бейсбол – перебрались на школьные дворы и в забвение; весь цивилизованный мир играл во флаг-турнир.

Рей приготовился скучать. Однако игра захватила его с первых же минут.

Наблюдали за игрой с VIP-платформы: такие платформы были установлены высоко над полигоном, так что смотреть можно было не только на большой экран, но и вживую, в очки-усилители. Рей почти и не смотрел на экран, а с азартом выискивал геймеров в лесах и скалах полигона. В отличие от военных, геймеры были одеты в яркие цвета команд: это мешало им скрываться от противника, но обеспечивало удовольствие зрителям. И хотя полигон представлял собой пересеченную местность с кустарниками, рощами, речками и камнями, вскоре Рей смирился с этим и, следуя громким указаниям комментатора, приноровился следить за игроками не хуже, чем за футболистами, бегающими по ровной площадке.

Только здесь было куда интереснее.

К середине игры Рей обнаружил, что болеет за гринов. Команда местной экологической партии, в салатовых комбинезонах, вроде бы ничем особенным не отличалась от кэтс – бойцов республиканской партии, выкрашенных в желто-черную полоску. Рей сам не понял, откуда возникли чувства к гринам. Наверное, понравился один из разведчиков – молоденький пацан-мексиканец, с блестящими черными глазами, с номером 8 на спине, хрупкий и ловкий. Во вкусе Рея, если уж честно сказать. Восьмой грин ловко выявил расположение вражеской батареи, но сам был сражен «Сатурном»; хотя «смерть» была лишь обозначена электронным импульсом, ракета ударила парня в плечо, тот упал и, треснувшись головой о камень, потерял сознание. Рей закричал, вцепившись в поручни платформы. Мексиканца унесла санитарная команда в белых одеждах – «ангелы», Рею запомнилось бледное до синевы лицо, струйка крови, стекающая по скуле.

Вскоре грины перешли в наступление. Рей забывал дышать, глядя на последнюю рукопашную. Кэтс сопротивлялись, как хищники, загнанные в угол, из последних сил. Рыжеволосый веснушчатый «грин» схватился с «кэтом», защитил знамя и, раненый, последним броском упал на вершину, прижимая к груди драгоценный флаг; товарищи по команде подхватили и установили полотнище; флаг-турнир был окончен.

За обедом Ле и Рон так и сыпали язвительно-ироническими комментариями по поводу игры, техники и тактики команд; Рей потрясенно вспоминал окровавленное бледное лицо мальчишки-мексиканца, и как рыжий парень последним броском спас знамя. Как они могут? Циники... Впрочем, они ведь сами сражаются точно так же! Кто бы мог подумать...

Обед, впрочем, тоже был выдающимся. В каких только ресторанах Рей не перебивал последнее время, но этот произвел впечатление. Столики располагались на огромных зеленых «листьях» в искусственном водохранилище на седьмом уровне, под облаками. Когда лист подплывал к бордюру, Рей видел техасскую желтую прерию до самого горизонта.

Да и блюда необычны: в этом ресторане не подавали традиционных национальных кухонь, но лишь искусственные, синтезированные блюда странных форм и расцветок. Желтые железные кубики со вкусом мяса и зелени, синие пирамидки, похожие на картошку и бобы, сиреневая паста, сладкие твердые шарики. На первый взгляд архитектурная конструкция на блюде выглядела несъедобной, но реальный вкус превзошел все ожидания. Рей целиком погрузился в гастрономические впечатления, чтобы не слушать технического стеба обоих геймеров.

Но впечатления, пережитые после обеда, затмили флаг-турнир.

Рей не слышал сенсо-музыки раньше. Обычная музыка потомков разочаровала его. Не только ничего сравнимого по уровню с его любимыми группами, но даже попса стала еще примитивнее, а когда-то казалось – хуже некуда.

А сенсо-музыку нельзя послушать в интернете, только лайв, только в специально оборудованном зале, с сенсорами на коже, в кресле, утопленном в полу. «Нужна встряска», – заметил Рон, и они отправились на концерт заезжей группы из Чикаго, под названием «Коллапс Солнца». Зал показался Рею похожим на кабинет групповой терапии, все расселись в кружок, нацепили по сложной схеме сенсоры на тело, вставили фильтры в нос. Впрочем, и цена за билеты могла поспорить со стоимостью хорошего терапевтического сеанса. Слева от Рея полулежал Рон, справа – незнакомая девушка в скудной одежде и с ассиметричным фиолетово-золотым ежиком на голове.

Первые аккорды показались бедными и примитивными. Затем нахлынули ощущения. Сначала Рей еще воспринимал их раздельно, и они были неприятны – легкие уколы электротока в руки и бедра, волны холода и жара откуда-то снизу, легкая вибрация кресла, разноцветные вспышки, рокот, но музыка объединяла все это в общую гармонию; Рей поймал ритм, ноздри перехватили запах – сначала свежий, затем сладко-ядовитый, гамма запахов менялась плавно; и наконец все слилось в единый... Звук?

Это нельзя больше назвать звуком, запахом или ощущением. Это накатило и встряхнуло все тело с силой оргазма, хотя и с совершенно другими оттенками; все пять органов чувств, а если добавить легкую боль, вибрацию, температуру – то и больше; все рецепторы были задействованы, все подчинялись возбуждению в ритме музыки; и наконец рухнули барьеры, и все это хлынуло в подкорку, прямо в лимбическую систему, слившись воедино, и Рей забился в экстазе.

Никогда такого прихода не было! Тело казалось огромным и разбухшим, плавно парило над землей; наплывали одно за другим самые светлые, трогательные воспоминания: он едет на пони, шерстка такая мягкая, нежная, спину поддерживает крепкая рука отца... Рею два или три года. Запах Рождества, еловая хвоя, апельсины, пряности, шуршит блестящая оберточная бумага... Ночь в Амстердаме и Тимо... самый пленительный оргазм, который он пережил, – с маленькой тайкой на циновке, на земляном полу; девочке, кажется, не было и четырнадцати. Рей закричал – кажется. Он не слышал себя. Каким-то образом он уже лежал на полу, и рядом – девушка с золотисто-фиолетовым ежиком, вся в движущихся татуировках; Рей убил бы каждого, кто назвал бы это развратом, нет, они говорили друг с другом, говорили их тела, их руки

и губы, он рассказывал молча, но взхлеб, выливал все, что накопилось: музыка нежности, счастья, любви.

Он не помнил, что было дальше. Каким-то образом они оказались в баре внизу, и суровые геймеры пили бокал за бокалом, и – в виде исключения – бросали в красное вино шипучие таблетки; Джин рыдала на плече Ле, по смятенному лицу Рона бежали высохшие дорожки слез.

Кажется, стало легче. Сколько он выпил вчера, после этой музыки – если это еще можно назвать музыкой? Рей не помнил. Ему было так стыдно, как бывает, когда вывернешь наружу самое тонкое, нежное, драгоценное – перед совсем незнакомыми людьми; это было мучительно – и так же притягательно; Рей знал, что обязательно повторит это снова.

Он выбрался из постели. Голова лишь слегка гудела. В прозрачном аквамариновом полу тихо колыхались водоросли. Рей не полез в огромное джакузи в виде грота, в кабинке он пустил горячий душ, затем ледяной, затем снова согрелся под струями. Медленно он приходил в себя. Накинул халат и вышел обратно в номер. На стене-экране уже светился пропущенный вызов. Рей нажал кнопку.

– Привет, дедуля! – Ле, одетый и бодрый, появился на экране. – Проснулся? Подваливай ко мне, позавтракаем в моем номере.

Рей одевался, размышляя о феномене сенсо-музыки. Теперь понятно, почему обычная музыка выродилась. Если взять один только звукоряд вчерашнего действия – он наверняка окажется примитивным.

Рей провел модулятором над волосами, завивая по бокам локоны. Нанес на лицо питательный крем. То, чем раньше занимались женщины и персоны шоу-бизнеса, теперь принято у всех приличных людей. Надо следить за собой. Надо еще смоделировать лицо, кстати, с естественным лицом теперь ходить неловко – будто нищеврод. Рей еще не придумал оформления для своего лица, надо заняться этим поскорее.

Он вышел в коридор – черный шелковый костюм, высокие сапоги, серебряные финтифлюшки и ремень из серебра. Так он не выделялся из общества – нормальный европейский плейбой, прожигатель жизни.

Он еще размышлял о сенсо-музыке, входя в номер Леона. В самом деле, уже обычное диско его времени вовсе не сводилось к одной только музыке – дым, вибрация, свет и цвет, наконец, почти обязательная таблетка экстази, да хоть кружка пива; воздействие на все возможные органы чувств. Любой поп-исполнитель использовал те же дополнительные раздражители – дым, свет, цвет, грохот, вибрация. А может быть, уже симфоническая музыка, разработанная венской школой, была предвестницей этого нового вида искусства?

Неудивительно, что просто музыка, музыка сама по себе, здесь уже никого не интересует.

Номер Леона был оформлен в стиле Людовика XIV. Рей миновал прихожую с мрачными стенами из розового мрамора, с золотыми колоннами и смутной масляной живописью на потолке. Парадные двери бесшумно распахнулись перед ним.

Стены зала терялись в бесконечности – видно, оптическая иллюзия. Вычурные колонны взлетали к высокой арке потолка. Рей бесшумно прошел по паркетной мозаике. За низким мраморным столом, за вышитыми диванами он увидел наконец Леона – в этом просторе не сразу и найдешь человека.

Леон стоял у барной стойки с белой лепниной, за стойкой виднелась зеркальная стена. Наклонившись, Леон самозабвенно целовал девушку.

Это была Кео.

Рон сидел на диване, закинув ногу на ногу, и с интересом наблюдал за друзьями.

Рей не помнил, как выскочил в прихожую – с чувством, что он здесь лишний. И тотчас увидел Джин – с обычной легкой улыбкой она шла к двери. Махнула рукой.

– Привет, Рей! Голова не болит?

– Я уже принял таблетку. Джин, подожди! – решил он. Девушка с изумлением уставилась на него.

– Подожди, не заходи туда... Присядем? – Он указал на банкетку с золотым шитьем. Длинная шейка наклонилась недоуменно, ресницы вспорхнули.

– Что такое? – Тонкая рука коснулась двери, створки послушно распахнулись. Девушка вошла в зал. «Черт», пробормотал Рей. Потряс головой. Да что это с тобой, старина – что в этом такого?

Может быть, то, что раньше он не замечал свободных отношений в этих двух парах? Все было достаточно строго и традиционно: Рон – с Кео, Леон – с Джин.

Или пьяные откровения Джин вчера в баре. Она ведь даже на сенсо-музыке – только с Ле. «Ты любишь его?» – «Люблю», – «Но ты же знаешь, принцесса Арнхильд», – взмах черных ресниц: «Ну и что? Принцесса – это бизнес. А у нас любовь. Семья. Это навсегда». Бедная девочка питает иллюзии.

– Дед, ты чего там?

Рей вошел в зал. Все уже расселись вокруг низкого мраморного стола, прилично сервированного. Джин – с обычной легкой полуулыбкой. Кео покраснела и застегивает пуговку на декольте. Рон так и не сменил позы – нога на ногу. Рей молча сел на банкетку. Джин стала разливать кофе в фарфоровые кружки. Завтрак был мексиканский. Рей подхватил тортю без начинки, обмакнул в томатный соус. Язык обожгло. Рей украдкой запил минеральной водой.

– Чем сегодня займемся? Двинем дальше? – спросил Рон. Ле пожал плечами.

– Тут вроде салон неплохой на первом этаже. Рей?

– Э-э, не знаю, – не глядя на него, протянул Рей.

– Дедуль, – четко произнес Леон, – ты чего куксишься сегодня?

– Да все нормально, – Рей постарался выдавить улыбку, – немного переволновался вчера.

– Не ври, – Леон, не морщась, куснул тортю с соусом, – у тебя другие проблемы. Вопросы морали и нравственности, да?

Было дико, что он заговорил об этом. Современник Рея не поступил бы так.

– Ну что ты, – торопливо замотал головой Рей, – ты меня, кажется, путаешь с пришельцем из викторианской эпохи. Мы в наше время вытворяли такое... так что не беспокойся! Все нормально.

– Нет, не все, – неожиданно жестко произнес Ле, в упор глядя на него. – Я хочу, чтобы ты понял. Тебе пора понять нашу жизнь. И наши отношения с девочками. Джин!

– Да? – Девушка просияла на него глазами.

– Встань-ка.

Девушка послушно поднялась.

– Тебе нравится штучка от Прада, которую я тебе купил?

– О, очень!

– В ваше время тоже уже была фирма Прада, не так ли?

– Точно, – кивнул Рей, – даже фильм такой был, «Дьявол носит Прада».

– Ну продемонстрируй нам, Джин! – ласково произнес Ле. Девушка скинула легкие бретельки. Одним движением расстегнула и отбросила юбочку. Прошла по комнате, танцуя. Рей зажмурился. Белье от Прада было почти невидимым на темных крутых ягодицах. Джин подошла к Ле, подтанцовывая. Тот одобрительно звонко хлопнул ее по круглой заднице.

– Садись, ешь.

Джин, так и не одевшись, подхватила буррито и сочно укусила.

– Сейчас я тебе объясню, дедуля. – Ле подхватил на вилку омлет. – Джин и Кео – они обе приехали из ЗР. И они точно знают, кто их папочка здесь. И если папочка не будет платить – девочкам придется ехать обратно, не так ли? Но девочки у нас умные. Дурочек мы не держим. Они умные, и поэтому будут делать то, что папочка скажет. И все будет хорошо. Вот

именно поэтому, дед, никто уже давно не смотрит на сучек, выращенных в Федерации. Кому они нужны – себялюбивые уродки? Нет, если там деньги или титул – конечно. Жениться мы вынуждены. Нужно потомство из приличной семьи. А так... конечно, для меня или Рона не было бы проблемой переспать с любой девкой из Европы или Штатов. Но – плавали, знаем. Сегодня она на тебя смотрит влюбленными глазами – потому что ты герой и потому что у тебя кошелек толстый. А как только ты с ней переспшишь, начинаются претензии. Отношения, обязательства какие-то. Ее надо, видишь ли, понимать, лелеять, надо влезть к ней в голову и понять без слов, чего она хочет, а если не поймешь – губки бантиком и дуться, она тебя динамит, а как только что не по ней – к адвокату. А с нашими девочками все по-другому. Они понимают, что такое жизнь и что такое мужчина, и они счастливы. Не так ли, Джин? – Он приобнял подругу за плечи, властно положил ладонь на почти обнаженную грудь.

Джин искренне улыбнулась, ее глаза заблестели – как всегда, когда она смотрела на Ле.

– Что, скажешь, у вас было не так? – поинтересовался Рон.

– Так, – кивнул Рей, – все так же.

Так же ездили европейские богатые мужчины в Таиланд – спать с маленькими туземками, и привозили индеек, таек, африканок, счастливых уже тем, что отныне будут есть досыта. Покупали украинок и полек. Чего же не воспользоваться материальным преимуществом и не уговорить бедную девушку...

– Только у нас об этом не принято было говорить вслух, – добавил Рей.

После завтрака Леон загорелся.

– Знаешь что, дедуль? К черту салон. Здесь же граница недалеко. А что, если мы и твою личную жизнь устроим? Надо уже остепениться когда-то, как считаешь? Не все только по борделям бегать.

Рей сам не знал, почему согласился. Да, раньше он был не лучше. Правда, его постоянной подругой была все-таки независимая певица Дженни. Которой он не платил.

Но он был не лучше. И все-таки сейчас у него не было ни малейшего желания заводить послушную, как собачка, красивую девочку.

Ягодицы Джин, полоска стразов между буйными полушариями, все еще волновали его – только вспомнишь, темнеет в глазах.

Но он покорился Ле. Ему всегда было интересно, как устроен мир – что это, черт возьми, за Зона Развития такая? Как у них там?

Джип шел около двух часов, иногда скользя над магнитными полосами. В древние времена полдня ехали бы по тускло-желтой техасской прерии, по пыльной дороге. Все ближе и четче была видна двухметровая Стена, ошетилившаяся вверх рядами колючей проволоки.

Девушек с собой не взяли, они радостно побежали заниматься шоппингом – это древнее женское развлечение теперь, как видно, тоже заиграло новыми красками. Ле и Рон разглагольствовали в основном о вчерашней игре. Рей заскучал.

– Но ты заметил, защитники у зеленых? Никакого драйва.

– Седьмой трусоват. На обманку пошел сознательно.

– А по-моему, глупость.

Геймеры замолчали.

– Не понимаю, – сказал Рей, – все-таки почему эта ваша игра так популярна? Ведь даже футбол в наше время... ну да, тоже очень популярен. Но не так!

– Да это несложно понять, – махнул рукой Ле, – идеальное решение второй основной потребности.

– Это какой?

– Зрелищ. Хлеба и зрелищ – это нужно было массам во все времена, гениальная формула римлян. Без зрелищ система не выдержит, нужны качественные и постоянные зрелища. У нас

слишком сложные мозги, даже у самых тупых сапиенсов – их надо постоянно чем-то занимать, иначе сапиенс свихнется. А Турнир – идеальное зрелище, – пояснил Ле. Внучатый племянник был склонен к философствованию. Собственно говоря, он окончил философский факультет, как недавно с удивлением узнал Рей.

– Почему же идеальное? – спросил он.

– В ваше время было установлено, что человеку массы необходим регулярный легкий стресс – это обусловлено филогенетически... пардон, я имею в виду, память предков. Человечество живет цивилизованно совсем недавно, до этого мы десятки тысяч лет бегали по джунглям от диких зверей и сами охотились. Нам необходимы отрицательные эмоции, страх, ужас, гнев, злорадство, агрессия. Но как осуществить эту потребность в условиях нормальной цивилизации? Спорт – это не то, он недостаточно кровав. Обратите внимание, даже футбол в ваше время был довольно агрессивным, футболисты то и дело переходили к рукопашной, получали повреждения. Это увеличивало зрелищность игры.

– Компьютерные игры? – предположил Рей. – В наше время было много кровавых жестоких игр, их еще пытались запретить, дескать, они развивают агрессию у подростков.

– На самом деле – помогают сублимировать агрессивность, – подхватил Ле, – но игр тоже недостаточно – человек понимает, что это происходит не в реале. Что он не живых людей крошит пачками. В том-то и дело, что нам необходимо соленькое. Чтобы кровь, кишки, и чтобы мы знали – понимаешь, знали! – что это на самом деле живые люди! Журналисты, конечно, отчасти в этом помогают. Но в наше время уже нет войн. Мы в определенном смысле достигли идеала. Все страны сотрудничают друг с другом, все хорошо, террористов... ну почти нет. Изредка бывают. Политические экстремисты все под контролем, уличных стычек не бывает.

– Как в раю живем, – добавил Рон.

– Именно! А вот турнир эту функцию выполняет идеально. Идеальная игра. Гибнут немногие, смертность обычная для любого экстремального вида спорта. А вот кровь льется почти каждый раз, переломы, травмы, ранения – геймеров-то лечат, медицина у нас прекрасная, но людям достаточно, чтобы сублимировать агрессивность. Убить кого-то или просто расквасить нос до крови – это почти одно и то же для гормонов. Это заменяет и патриотический накал – знаешь, как раньше гордились армией. Тем более что есть национальные команды, есть партийные. Чувство единения, чувство локтя. Гордость за свою нацию или партию. И в то же время можно ничем не жертвовать – посмотрел игру, купил символику своей команды и пошел домой кофе пить. Турнир нам заменил все – войны, спорт, политику.

– Не знаю, – Рей помотал головой, – ну войны, ладно, не нужны. Это хорошо, что заменил. Спорт... Ладно, турнир – тоже спорт. Но политика?... Разве же это можно назвать демократией, когда не люди выбирают правительство, а все решает игра команд? Что-то искусственное...

– Да наоборот, это самое естественное! – фыркнул Рон. – А как в Средние века многое в политике определялось на рыцарских турнирах?

– Демократия! – саркастически провозгласил Ле. – Дед проповедует нам демократию! Уж не в том ли эта демократия заключалась, чтобы массы сходили раз в четыре года на избирательные участки и поставили крестики против имен совершенно незнакомых им кандидатов из партий, чьи программы они никогда не читали и даже не собирались! Вот уж воистину торжество народовластия! Дедуль, ты вспомни: а разве победа на выборах тогда не определялась тем, сколько бабла может выделить партия на свою рекламу?

– Ну в общем, да... Наверное, – согласился Рей.

– Причем рекламу совершенно дебильную – лицо кандидата в цветочках или с детьми на руках. Чтобы примелькалось. В лучшем случае – самые общие лозунги: мы за благо для всех! Что это за благо, скажите мне пожалуйста, и как вы собираетесь его добиться? Так ведь было таких вопросов не ставит. Быдло – оно только на картинку смотрит! Но если хочешь, дедуль, так тот же принцип сохраняется и сейчас – команды ведь не случайно побеждают! Побеждает

та команда, которую лучше профинансировали. Только теперь у народа тоже есть возможность финансировать команды снизу. Вот собрали бы народную команду и профинансировали сами! Так нет же. Платят тем партийным, которые есть. А от денег в Турнире зависит все! Большинство геймеров продаются и покупаются – это я с семейными деньгами могу себе позволить выбирать, а вообще мораль геймера – идти туда, где платят больше. Лучшие команды – это те, что скупили лучших игроков. Проапгрейдили их, снарядили, дали лучшую технику. Та же система с демократией, что и раньше – поддерживай свою команду, и она придет к власти! Даже лучше на самом деле. И заодно агрессивность сливать можно.

– А что, террористов у вас в самом деле нет? – Рей вспомнил вдруг «коммунистических террористов из Венесуэлы». – А из этой... Колд-зоны? Я видел в новостях...

– Ну да, вроде бывают. Да у нас же новости, знаешь, какие – все их как сказку воспринимают давно. Не знаю, – признался Леон, – вроде бы и бывают какие-то нападения из колд зоны. А в ЗР у нас все теперь по-другому, там национальные государства тоже есть, но они все под контролем. Никакого терроризма. Да сам увидишь сейчас и поймешь, что из них террористы – никакие уже.

С американской стороны у Стены было безлюдно. Они подъехали к высокой проволочной ограде, меж нею и Стеной оставалась пустая зона в ширину метров тридцать. Подъехали к высокому автомату с окошком. Ле просунул в окошко запястье.

– Мой чип, – пояснил он, – я привилегированный гражданин, так что могу провезти вас без проверки. Впрочем, в ту сторону проверка несерьезная – больше для статистики.

– А если так проехать? – поинтересовался Рей. Машина тронулась. Ле указал на темные небольшие отверстия, разбросанные по стене.

– Автоматические стрелковые установки. Впрочем, они настроены на движение с той стороны. Если кто через КПП прорвется или через стену. Этого почти не бывает, но если – то здесь на полосе и остаются.

– Ничего себе, – пробормотал Рей.

– Можно подумать, в ваше время на мексиканской границе не стреляли! – буркнул Ле. – Мы же должны защищать себя от всякого сброда!

У самой стены миновали следующий КПП. Проехали короткий туннель, за ним новый пропускной пункт, на сей раз уже с хорошо вооруженными солдатами в бронежилетах, с щитами на лицах. Джип проехал беспрепятственно, и тут Рей увидел Очередь.

В основном здесь стояли чиканос, мексиканцы. Но были и чернокожие, и редкие представители белой расы. Очередь тянулась от дороги куда-то в поля и терялась вдаль. Вдоль шоссе – разбитого и очень старого – там и сям бугрилась авторухлядь, Рей узнал даже какие-то знакомые очертания, до того старинными были эти автомобили, грузовички, бусики. Джип медленно ехал мимо них.

Так медленно, что Рей мог разглядеть местных жителей, стоящих в очереди на КПП, – очевидно, им каким-то образом удалось получить визу на проезд в Федерацию. Вид этих людей поразил его.

Такого он не видел даже в своем прошлом. По правде сказать, Рей и тогда не бывал, скажем, в районах Африки, пораженных засухой и голодом. Или там, где шли войны. Возможно, там он мог бы увидеть что-то подобное.

Там, куда он ездил туристом, люди – пусть нищие – были все-таки жизнерадостными и здоровыми на вид, носили национальные одежды или бегали чуть не голышом, у них кипела какая-то бурная жизнь, недоступная и непонятная европейцу.

Эти же выглядели в первую очередь больными.

Их одежда была обычной, только очень старой и заношенной. Лохмотья, иногда тщательно заплатаанные и выстиранные – но лохмотья. Среди них не было толстяков, хотя мек-

сиканцы от природы должны быть довольно полными. Зато были женщины и дети, до того исхудавшие, что лица напоминали птички, а нос и скулы выделялись как клюв. Они все были слишком тихими, слишком пассивными – сидели и молча ждали своей участи, даже дети не играли. Если бы их всех одеть в полосатое, подумал вдруг Рей, можно прямо сейчас снимать фильм про Гитлера и евреев в Аушвице.

– Жуть какая, – произнес он.

– Плодятся, как кролики, – фыркнул Ле, – не могут жить по-человечески сами, все к нам прутся. Федерация уже не знает, что с ними делать. Хоть дустом трави...

В самом деле, здесь было очень много народу. Очередь вроде бы кончилась, но повсюду, до самого Вако, то и дело попадались на дороге люди; мелькали скопища убогих хижин, на обочине играли совершенно голые ребятишки, кто-то копошился на скудных маисовых полях.

– Я думал, уже все производится на этих... фабриках еды, – произнес Рей, с любопытством разглядывая крестьян.

– Не в ЗР, – лаконично ответил Рон.

– Это для их собственного потребления, – добавил Ле. – Некоторые концерны здесь, кажется, Юнайтед Фрут, скупили патенты, земли и растят по-старому. В итоге эта еда стоит дороже, а пищевых фабрик здесь нет. Получается выгоднее, чем в ЗР кормить их нормальными фабричными продуктами. Ввоз дешевой фабричной еды сюда запрещен, там какие-то рыночные ограничения, их лобби пищевиков продавило. Да еще отсюда к нам везут био... Ну ты же знаешь, дебильные экологи. Им нужно все натуральное, не с конвейера, чтобы в земле выращено. Понятно, этот маис куда вреднее фабричного – тут пестициды, гербициды, генные модификации – но им по барабану. Главное, чтобы из земли.

– А в наше время экологи боролись за то, чтобы не было генных модификаций, – вспомнил Рей. Геймеры рассмеялись.

– Против паровозов они не боролись? – поинтересовался Рон.

В Вако они разделились. Рон с Ле отправились куда-то развлекаться – тут были такие штучки, как намекнул Ле, которые в Федерации запрещены законом. Рея же отправили гулять по городу в одиночестве.

Если бы это напоминало город! В прежней жизни Рей не бывал здесь, и однако не мог представить, что в могущественной Америке может быть такое.

Вероятно, старый город был разрушен какой-нибудь чистой бомбой. Или недалеким взрывом – правда, куполов поблизости было не видно, но Ле пояснил, что в Зоне Развития вообще мало ставили куполов. Это проблема местного правительства, не так ли? Почему Федерация должна заниматься благотворительностью, ты представляешь, сколько стоит купол? Впрочем, счетчик Гейгера, встроенный в комм, помалкивал, в Вако радиация была в пределах нормы.

Рей не видел домов выше, чем в два этажа. И те были редкостью. Никакого сити, никаких высотных домов не просматривалось. Правда, вдали виднелись еще какие-то суровые ограды, и вот над ними уже высились здания. Про это уже объяснил Ле: в городе живут и более или менее приличные люди. Ну, например, есть отель для приезжающих менеджеров, есть и местные бизнесмены, есть священники. Адвокаты, налоговые консультанты, врачи, учителя. Построить нормальное жилье среди быдла невозможно – разнесут в первую же ночь. Поэтому кварталы с управленческим персоналом здесь обносят оградами и тщательно охраняют. Благо эти кварталы небольшие – скопив здесь денег, каждый может подать заявку и через несколько лет переселиться в Федерацию.

Но, видимо, скопить деньги здесь было крайне сложно.

До самого горизонта тянулись лачуги. Рей видел домики из картонных коробок, из листов фанеры, обитые пенопластом, но чаще всего – разнокалиберные, собранные, как пазл, из чего

придется. Иногда попадались и каменные дома, но очень давно не отремонтированные, без окон, иногда с проломленной крышей. Весь широкий центральный проспект, с асфальтом, положенным, кажется, еще до войны, представлял собой гигантский рынок.

Торговали чем придется. Никаких чипов – в ходу были бумажные и медные деньги, Ле тоже выдал Рею несколько долларов, но пока неясно было, на что их потратить.

Продавали старье, всякую «почти новую» одежду. Продавали подсвечники, игрушки, коврики, мебель, поросят, картины в подрамниках, кирпичи, флаконы с шампунем, свечи, сбрую, лампы, шурупы, инструменты, части автомобилей и сами невообразимо старые рываны, бумажные книги, старинную технику (Рей с изумлением узнал айфон не то пятого, не то шестого поколения), кукол, посуду, там и сям красовались полуобнаженные девушки и совсем маленькие девочки, продающие, видимо, себя самих. Или же их продавал какой-нибудь сутенер. Девки были до того грязны и неухоженны, что Рей в страшном сне не мог бы представить переспать с ними. Но здешняя торговля и не была рассчитана на туристов из Федерации. Туристам в этом городе делать нечего.

Гигантский блошинный рынок. Изможденные лица, торчащие ребра, грязь, насекомые. Рей подумал, что неплохо было бы перекусить – но чем? Не покупать же, например, вот эти сомнительные лепешки – какими руками их делали?

В штанину вдруг клещом кто-то вцепился. Рей посмотрел вниз – маленький мексиканец.

– Дядя! – заныл он. – Дай десять центов! Дай десять центов, я тебе таких девочек покажу...

Хотелось дать ребенку доллар, но Рей знал по прежнему опыту, что делать этого ни в коем случае нельзя – тут же налетит толпа. Поэтому он просто брезгливо стряхнул мексиканца со штанины и ускорил шаг. Мальчик бежал за ним некоторое время, потом отстал.

Рей вышел на площадь – здесь собралась небольшая толпа. Кого-то били. Несколько мужчин покрепче молотили кого-то, лежащего на земле – пинали ногами, тыкали палками, хлестали железными цепями. Под ударами корчило что-то страшное, кровавое, и тихо, но слышно хрипело. «Забьют же насмерть», – подумал Рей и поспешно отвернулся. Юркнул в переулочек. Полиции здесь нет совсем, что ли? Он огляделся. Неподалеку стояла приличная на вид женщина с ребенком, сидящим в перевязке. Рей подошел к мексиканке, сунул ей в руку доллар.

– Скажи, чика, как здесь полицию вызвать?

– Чего? – спросила женщина с сильным акцентом. Рей попытался вызвать в памяти школьные знания испанского и не смог.

– Полиция! Ну охрана какая-нибудь!

– А... да тут и нет такого.

– А кто же у вас порядок поддерживает? Закон? – удивился Рей. – А если кого-то убьют?

– На заводе, там есть охрана. А здесь никто не поддерживает. Здесь, в районе, Наригудо поддерживает.

– Это бандиты, что ли?

– Да, – равнодушно ответила женщина, – это их район. А там, за заводом, – Босого район.

Ребенок захныкал, завозился, женщина затрясла телом, пытаясь его укачать. Медленно пошла прочь от Рея. Он огляделся. Спасти избиваемого, как видно, не получится – полиции здесь нет. Оружия у него тоже нет, а вот у этого Наригудо-Носатого и его парней какое-нибудь оружие наверняка имеется. Получается, управы на них нет никакой. Рей вышел за хижину и увидел голого ребенка лет трех с круглым животом, торчащими ребрами и особым бессмысленным и тяжелым взглядом темных глаз, больших, как у героя древних аниме. Ребенок сидел на земле, поджав рахитичные ножки, и раскачивался из стороны в сторону.

Черт возьми, лучше бы он пошел с Ле и Роном! Чем здесь вообще заняться? У местных нет абсолютно ничего интересного, они только попрошайничают и продают всякую ерунду.

Тупые, грязные... Завод, она сказала. Рей огляделся и увидел вдали бетонную стену – не такую высокую, конечно, как на границе, но все-таки стену. Видимо, это и есть завод. Или местная тюрьма. Хотя если нет полиции, то какие тюрьмы?

Если завод, то что здесь вообще можно производить – и зачем? Разве давно уже все не автоматизировано? Рей припомнил какие-то теории – что, дескать, когда все автоматизируют, то большая часть людей станет не нужна, вот на то и похоже: все эти чиканос абсолютно никому не нужны. Жаль их, конечно, бедняг. Но не пускать же их в Федерацию всех – столько нахлебников...

Через полчаса Рей отчаялся. Кругом было одно и то же – лачуги, до того бедные, что стояли нараспашку – там и взять-то нечего; старухи, роющиеся в помойках, голодные рахитичные дети с опухшими животами, дети-попрошайки, какой-то ловкий парнишка попытался спереть у него кошелек с «живыми» деньгами, Рей едва не схватил его, но мальчишка вовремя удрал. Да и что Рей стал бы делать с ним? Полиции нет. Местные, судя по всему, решали свои проблемы без всякой полиции – то там, то сям Рей наткнулся на семейные сцены: то чернородый мачо колотил свою блеклую тощую жену, держа ее за волосы и смачно шмякая лицом о стену. То тетка лупила ремнем пацана, зажав его между коленями. Проститутки окончательно достали Рея – и это после райских массажных салонов и «садов наслаждений» в Федерации, женщин с чистыми и благоухающими телами и невообразимо искусными пальчиками. Ему хотелось есть – но попробовать здесь хоть что-либо с грязных лотков он не решался. Живот сводило. Единственное интересное зрелище, которое он увидел, – игру местных пацанов во флаг-турнир. Это было по-своему трогательно: команда маленьких оборванцев с палками в руках штурмовала гору мусора, другие защищались, мальчишки лупили друг друга почем зря, а на вершине горы красовался «флаг» – палка с привязанной чьей-то застиранной рубашонкой. Жалкое зрелище. Рей вспомнил рассказ Леона о том, что многие мальчишки из общественных низов мечтают пробиться в команды флаг-турнира Федерации – это для них шанс, хотя и небольшой, получить вид на жительство. Но конкуренция огромна.

Больше здесь не было абсолютно ничего интересного, а на нищих, больных и убогих смотреть надоело. Как они здесь живут вообще? Рея начало подташнивать, разболелась голова, а вдруг все-таки последствия для здоровья остались после разморозки? И куда делись чертовы Леон с Роном?

Рей вышел на очередную небольшую площадь и увидел священника.

Это был католический священник, или даже монах – словом, он был в черной сутане. Во времена Рея священники уже очень редко одевались в сутаны, но, может быть, этот был традиционалистом. Или теперь у них так принято. Священник был латинос, но интеллигентный на вид; он быстро пересекал площадь, на плече у него висела холщовая серая сумка. За ним бежала девочка-мексиканка в выцветшей турнирке и юбчонке. Рей почти инстинктивно двинулся вслед за падре. Не успел нагнать – священник нырнул под раскрытую дверь-занавеску какой-то хижины из картонных ящиков.

Рей двинулся туда же, раскрыл рот, но такая вонь ударила навстречу, что он сразу задохнулся и не смог произнести ни слова. Девочка в выцветшей турнирке крутилась тут же, среди якобы-мебели – обломков, досок, положенных одна на другую. На самодельной постели прямо на полу лежало что-то невнятное – старуха или старик, высохшее до предела, с еще не слишком седыми волосами, и вот от этой живой развалины так сильно воняло. Священник, будто не замечая воню, наклонился и что-то тихо говорил по-испански.

– Падре, – робко произнес Рей. Священник посмотрел на него.

– Откройте сумку, пожалуйста, – повелительно произнес он по-английски, – подайте мне сосуд оттуда. И зажгите свечу.

Сам он аккуратно вынул из внутреннего кармана фиолетовую ленту, положил ее себе на плечи. Рею ничего не оставалось, как послушаться. При свечном огоньке внутренность хижины показалась еще страшнее. Священник начал какой-то обряд. Он бормотал, крестил воздух, касался лба старухи – кажется, все-таки женщина. Рей сам был католиком когда-то, но что делает священник – не понимал. Впрочем, неважно. Сейчас Рей находился здесь почти на законных основаниях – как бы помогал, и уходить ему куда не хотелось. Он анализировал свои ощущения. Что это с ним случилось?

Раньше он тоже видал всякое. Но, пожалуй, это было не так. Он бывал в туристических районах, нищета там бывала экзотическая, колоритная; дети-попрошайки и убогие хижины казались этнографическими элементами. Рей искал там острых ощущений – особенных веществ, которых не достанешь в Европе, необычного секса, прикольных местных мудрецов, местной еды и прочей этнографии. Он не чурался туземцев, с удовольствием мог поболтать с полинезийцем, ведущим лодку, с хаджой за кальяном. Все это было ярко, интересно, необычно. Нищета? Что ж, такова жизнь – кому-то везет больше, кому-то меньше. Рей всегда охотно подавал, жертвовал в разные фонды. Даже странно, что при таком количестве пожертвований в мире еще оставалось так много бедных, думалось ему.

Но здесь не было абсолютно ничего интересного, национально-туристического, разве что некоторые кутались, несмотря на жару, в старые пончо, да многие носили широкополые шляпы. Зона бедствия, катастрофа, лагерь смерти. И это недалеко от границы Штатов! Неужели в ЗР везде так?

А что же тогда в холодной зоне?

Священник выпрямился. Сложил вещи в сумку. Повернулся и сказал несколько слов девочке. Та кивнула. Свечка осталась гореть у изголовья старухи, по всей видимости, умирающей.

– Пойдемте отсюда, – сказал падре Рею. Они вышли.

– Извините, отец, – начал Рей, – я тут заблудился немного...

– Вы ищете что-то конкретное? – спросил священник. По-английски он говорил без малейшего акцента.

– Нет, я... мой кузен завез меня сюда, а я никогда не был в ЗР. У вас здесь миссия?

– Да, у нас миссия, – подтвердил падре, – если хотите, пойдемте со мной. Я вижу, вы шокированы.

Священника звали отец Фелипе. Он принадлежал к братству какого-то святого Оскара Арнульфो и работал здесь в миссии. Только что он по приглашению девочки соборовал ее умирающую бабушку. Они здесь это делают бесплатно, а на поступающие пожертвования лечат больных – у них небольшая больничка, правда, желающих очень много, а денег мало. Тех, кто умирает от голода, перевозят на собственном грузовичке в соседний городок Сан-Фелипе, там есть лагерь Красного Креста, правда, туда тоже берут не всех. В основном детей, да и тех – кого можно спасти. Очень важно доставить ребенка вовремя, пока разрушение организма не дошло до последней стадии, на этой стадии можно спасти только внутривенным питанием, а такого в лагере не делают.

Рей почувствовал, что у него пухнет голова от всех этих рассказов. А ведь вроде бы священник и говорил-то немного. Ноги начали болеть, миссия располагалась, похоже, на другом конце города.

– А вы, значит, первый раз решили поехать в ЗР? – поинтересовался отец Фелипе. – А что так? Раньше не интересовались?

– Видите ли, я в этом мире не так давно живу, – приветливость падре расположила Рея к открытости, – вы, наверное, не слышали об этом, но я – выходец из прошлого. Размороженный.

– Ах, вот как! Ну что вы, конечно, слышал! – обрадовался падре. – Мы следим за новостями. А разве в ваше время не было какого-то аналога ЗР?

– Был, да. Но не так, – признал Рей, – все сложнее было тогда.

Он умолк. Отчего-то ему стало неловко. И в прежние времена были всякие там миссии, но тогда он считал, что они чокнутые.

Сейчас ему почему-то так не казалось.

Они шли по узкой тропинке меж разбросанных куч мусора, вдоль высокой и странно новой в этом убожестве кирпичной стены. Завод, вспомнил Рей.

– Что они производят на этом заводе? – спросил он. – Мне казалось, здесь...

– Да, здесь есть производство, – подтвердил отец Фелипе, – его даже очень много. Если вы дальше проедете – там целые кварталы застроены промышленными объектами. У нас здесь делают электронные приборы, коммы, компьютеры, планшеты. Все поставляется в Штаты. Рабочие живут на территории завода, там нормальные бараки, еда. Туда все рвутся как за манной небесной.

Рей вспомнил какие-то объяснения, которые слышал в прошлом – про то, что инвестиции в бедные страны позволяют там развивать промышленность, и люди в итоге тоже станут жить лучше. Но ведь это даже была не бедная страна, это в его время была территория США!

Впрочем, война так много изменила...

– Ну и как вы находите наш мир? – спросил падре. – Много изменилось?

– Да, – разлепил губы Рей. Пару месяцев назад он ответил бойкому журналисту, что не изменилось ничего. Но теперь было ясно, что ответ этот – опрометчивый.

– Да. Этот... флаг-турнир. Колд-зона. Люди стали... какие-то другие.

– Вот это интересно! Какими же стали люди?

– Более... – Рей задумался. Эгоистичными? Безжалостными? Нет, пожалуй...

– Более откровенными, – высказался он, – и жесткими. Не расслабишься тут, понимаете?

– Это объяснимо, – кивнул падре, – была война. Вы знаете, я был тогда ребенком. Я помню все. Война не оставила иллюзий. Иллюзий мирной жизни, мирного сосуществования разных государств, разных классов. Возможности договориться. Война обнажила человеческую суть. Если хотите, я благодарен Господу за то, что Он явил нам откровенный взгляд на нашу собственную сущность.

– Но ведь война давно кончилась, – вырвалось у Рея.

– Раны заживут еще не скоро. Раны земли, человеческие раны. Вы, мистер Гольденберг, думали, что можно жить весело и безопасно и оставаться добрым и хорошим человеком, христианином. Тогда, до войны, многие так считали. Можно жить искусством, радостями и удовольствиями жизни. Растить детей, смотреть фильмы. Но никуда не девается грех, глубочайший первородный грех, живущий в каждом из нас.

– И оттого началась война? – скептически спросил Рей. Священник нахмурился.

– Скажите, мистер Гольденберг, ведь вы были влиятельным человеком в своем мире...

– Нет. Я был богат, но не влиятелен.

– Все равно. Вы были богаты, имели какие-то связи, хотя бы родственные. Сделали вы что-нибудь, чтобы остановить войну?

– Да кто же знает, что нужно делать, чтобы остановить это все? – воскликнул Рей.

– Вы не знали – или не хотели знать? Поймите, я не упрекаю вас, вы – дитя своего века. Мы все таковы. Все грешны. Но это – ответ на вопрос, отчего началась война. Господь ли виновен в войне? Нет. Это наша человеческая слабость, наше зло. Вы знаете, в чем самая страшная рана войны?

– Э-э... – протянул Рей.

– Она – в том, что люди привыкают к смерти и убийству. В ваше время в благополучных странах смерть казалась чем-то необычным. Смертную казнь осуждали. Гибель одного чело-

века представлялась трагедией. Если в какой-то стране происходил теракт, все осуждали террористов, ведь что может быть страшнее убийства невинных? Тогда осуждали пытки, старались их запретить, пытками считали даже лишение еды и сна, неудобные условия содержания. После войны все изменилось. Вы видели в нынешних новостях, чтобы кто-нибудь осуждал убийства или пытки?

– Э-э, нет, – промямлил Рей. Ему было неловко признаться, что он и новостей-то не смотрел.

– Вы знаете, долгое время на моей памяти в ЗР ездили молодые бездельники развлекаться охотой на людей. Жителям ЗР, молодым парням и девушкам, платили деньги, и они, чтобы помочь семье, соглашались на это. А еще раньше и денег-то не платили, устраивали обычный отстрел, как сафари. Или насиловали. Лишь недавно это запретили, но и сейчас еще, подпольно... Не только это. Смертная казнь существует в мире везде и применяется без ограничений. Пытки не считаются чем-то предосудительным, наоборот, в новостях одобряют полицейских, которые бьют задержанных. Считают таких полицейских героями. Вы не заметили этого?

– Я, честно говоря, не очень следил.

– Люди озверели от войны. Но война лишь проявила то, что и было в природе каждого человека. Теперь это стараются вводить в рамки. Вот флаг-турнир – чтобы сбросить лишнюю агрессию. Но я думаю, что гуманизма не будет уже никогда, его время кончилось. Сейчас нам очень сложно собирать пожертвования, вы знаете – почти никто не дает. Источники нашего финансирования – очень необычные.

Рей увидел вдалеке от скопления хижин миссию – деревянное длинное здание, рядом – каменная часовня, уцелевшая, как видно, от старых времен.

– Я вам обязательно пожертвую, – пообещал Рей, – и всегда буду это делать! А можно, я посижу у вас немного? А то кузен с другом меня тут бросили, и я не знаю, что делать.

– Конечно, посидите, – согласился священник.

– А вы сами – тоже отсюда? – спросил Рей. – Я имею в виду, вы... так хорошо говорите по-испански.

– Я мексиканец, если вас это интересует, – кивнул священник, – но я не отсюда. Я родился в Акапулько.

Колд-зона, подумал Рей. Ну понятно, с войны он, наверное, живет здесь. Или жил в Федерации и приехал сюда в миссию, что скорее всего.

– А в колд-зоне, – спросил Рей, – там действительно ничего нет? Одни террористы и тоталитарные лагеря?

Священник неожиданно широко улыбнулся, его черные глаза мечтательно заблестели.

– Ну что вы, – сказал он, – там есть многое. Они летают в космос. Вы, мистер Гольденберг, мало интересуетесь окружающим миром. Но астрофизики видят, что из колд-зоны запускают множество спутников, они регистрируют взлетающие космические корабли. Их корабли летят на Луну и Марс. А что там происходит, в Колд-зоне – на самом деле здесь никто не знает. Ведь в наше время истина создается на новостных порталах, и именно та, что устраивает сильных мира сего. Но сказать, что там одни концлагеря и террористы – это... ну, скажем так, сильное преувеличение. Я даже думаю, мистер Гольденберг, что там жизнь не намного хуже, чем в Федерации.

До вечера Рей просидел в скромной гостиной дома священников – здесь всего работали четверо из ордена Оскара Арнульфо, да еще в больничке несколько медсестер-монахинь. Сейчас здесь никого не было, и Рей скучал. Никакой коммуникационной системы, книги – религиозные, распятие, статуэтки. Но здесь по крайней мере чисто, спокойно, можно выпить чистой воды, хотя еды тоже не наблюдалось. На обед в крошечную трапезную собрались медсестры,

живо болтавшие меж собой по-испански (хотя две из них имели европеоидную внешность), отец Фелипе и еще один падре по имени Камило – высокий и костлявый. Рея вежливо о чем-то спросили, но в основном говорили о своем, хотя из вежливости – по-английски. Рей все равно ничего не понимал – о какой-то партии лекарств, операционной и враче, который, кажется, обещал приехать. Рею показалось, что священники и сами неплохо разбираются в медицине.

Он ел гороховый суп, показавшийся необыкновенно вкусным – очевидно, с голодухи. Ведь с утра маковой росинки не было во рту. Хлеба выдали каждому по кусочку, и Рею показалось, что святые отцы поделились с ним своими пайками – ему дали два небольших неровных куска. Больше на обед ничего не было, и Рей утешил себя мыслью, что сегодня же в Далласе нажрется как следует.

Интересно, а как они вот так живут – годами? Святые люди! И ведь наверняка у них есть гражданство Федерации.

После обеда Камило попрощался и убежал в больницу, а Фелипе уселся с Реем в гостиной и стал перематывать чистые бинты. Они тут бинты стирали (а Рей думал, что такие примитивные способы перевязки давно ушли в прошлое).

– Если не трудно, возьмите тоже бинт, помогите, – предложил отец Фелипе. Рей неловко взял в руки марлевую ленту, стал сматывать ее. Руки падре работали умело, словно он всю жизнь только этим и занимался.

– Рук не хватает, – пояснил падре, – больные помогать не могут, мы держим тут только самых тяжелых.

– Это же ад какой-то, – вырвалось у Рея. Фелипе с интересом взглянул на него.

– Понимаете... – Рей счел нужным объясниться, – раньше в странах третьего мира... ну там была какая-то своя жизнь, люди были довольны даже. У нас некоторые приезжали из отпуска и говорили – там все нищие, но счастливые, спокойные, смеются, живут своей жизнью, а у нас один стресс. Но здесь, сейчас в ЗР... неужели в ЗР везде так?

– Здесь относительно неплохо, – покачал головой отец Фелипе, – поверьте мне. Я был во многих местах. Был в Африке, Пуэрто, был в Европе – Хорватия, Польша. Там, где ближе Федерация, граница – вот как здесь – всегда лучше. Кто-то едет за границу, присылает деньги потом, помогает. А там, где граница далеко... поверьте, туда вам лучше совсем не ехать.

Рей помотал головой. Отложил смотанный наполовину бинт.

– Да, многое изменилось, – признал он, – но все-таки, отец Фелипе, признайте – не открывать же границы Федерации. Если все это хлынет туда – тогда и Федерации-то не будет. Там по крайней мере все живут хорошо, обеспеченно. Там настоящая жизнь. И так было всегда – кто-то живет хорошо, нормально, а кому-то не везет. Разве не так?

Падре взял новую ленту из коробки.

– Поверьте, Рей, это вам кажется, что в Федерации все живут хорошо и обеспеченно. Мир еще хуже, чем вы о нем думаете.

– Разве нет? У нас есть базис. Все граждане получают минимум, необходимый для удовлетворения потребностей. Даже если работать лень.

Падре Фелипе слегка улыбнулся.

– Не буду вас разубеждать. Если вы думаете, что на базисе жить хорошо... Хотя, конечно, здешние люди тоже так думают и мечтают о такой жизни.

– Вот именно, – мрачно сказал Рей.

– На самом деле free trade area¹ – то, что вы подразумеваете под нашим миром, то есть все, кроме никому не известной Холодной Зоны – она вся разваливается. И Федерация тоже. Я полагаю, что мы живем в последние дни.

Рей фыркнул.

¹ Зона свободной торговли (англ.) (Прим. ред.).

– Ну, это ваши религиозные идеи...

– Да нет. Мы ведь не иеговисты и не адвентисты седьмого дня, чтобы конец света предсказывать. Мы только знаем, что он когда-нибудь будет. Но ФТА загнется скоро, и это не религиозные соображения, дорогой мистер Гольденберг. Вы знаете, что если бы не изобрели способы дешевого искусственного выращивания растений, человечество вымерло бы после войны? Плодородной почвы осталось мало, радиация. Попытки здесь выращивать маис – довольно скромные, и урожаи плохие, хотя в почву вбухивают тонны удобрений. Если бы не стали производить еду на фабриках – всех нас давно уже не было бы. И так со многими вещами. Наша планета уже в коме, уже на аппаратах, понимаете? Снизилось содержание кислорода в воздухе – вы этого не замечаете, как и все мы, привыкли, но оно снизилось, потому что стал умирать фитопланктон, океан страшно загрязнен. Мы уже адаптировались, у нас больше красных кровяных телец, чем у ваших современников – но мы не знаем, как решать проблему дальнейшего вымирания океанской флоры. Поколеблена земная кора, ушли под воду целые страны. Вымирание видов животных достигло катастрофических масштабов. У нас очень мало осталось лесов, вообще природных ландшафтов. И все это продолжается, хотя экологи работают, международные фонды, гранты, гринпис... Я уже не говорю, что примерно 30 % поверхности суши на Земле смертельно опасны из-за радиоактивного заражения. И это не безлюдные местности, а как раз бывшие населенные. Вы слышали высказывание, которое приписывают Эйнштейну – насчет оружия четвертой мировой войны?

– Что это будет каменный топор?

– Да. Так вот, так не случилось лишь потому, что во время третьей мировой человечество совершило отчаянный скачок. Новая НТР, ряд новых революционных изобретений – и вот мы уже независимы от почвы и не так сильно зависимы от океана, плюс дешевые материалы для куполов для ограждения радиоактивных зон. Но вы видите, как мы живем в ЗР. Кризис растет, мистер Гольденберг, и рано или поздно должен наступить конец.

Рей взглянул на большие часы-ходики на стене. Часы были украшены резьбой – какие-то святые, кресты, церковные шпилы.

– Мне, пожалуй, надо идти, падре. Мы договорились с кузеном... Не понимаю, почему они ушли без меня?

– Видимо, им было стыдно перед вами, – мягко сказал отец Фелипе, – ведь вы не из нашего мира. Еще не вполне из нашего.

– Но почему стыдно? Я человек широких взглядов. Он даже не сказал, куда они собираются.

– Вернее всего, в подпольный бордель, мистер Гольденберг. Здесь немало таких. Детей туда продают, там ни о какой добровольности речи не идет. И там позволено все. Пытки, изнасилования. Даже убийства. То, что все-таки запрещено на территории Федерации. Туристы ездят сюда в основном за этим. Или на сафари, о котором я уже говорил. Или – и это еще лучший вариант, – подыскивают себе девушек, чтобы их увезти в Федерацию, оформить какой-нибудь личной прислугой, дать вид на жительство, ну и иметь покорную и радостную наложницу. Я, признаться, удивился, когда увидел вас – у вас был не такой вид. Сразу понятно, что вы впервые попали сюда и поражены.

Рею вдруг стало неловко. В общем-то он приехал – или его привезли сюда – как раз по одной из этих причин.

– Падре, я... Я пойду, наверное, уже. И вот, – он достал кошелек из кармана и бросил его на стол, – здесь вся моя наличность, около ста долларов. Возьмите, пожалуйста, на ваши нужды.

Глава 6. Исторический клуб

Шестичасовая смена заканчивалась. Из отверстия тестера на ленту с секундным интервалом вылетали проверенные коммы – плоские блестящие прямоугольники; лента уносила их за поворот, где проворные манипуляторы снабжали каждый прямоугольник прозрачным тонким браслетом для ношения на запястье. И дальше – на склад готовой продукции.

Внимание Ли было поглощено правым отверстием, из которого к ней на стол поступали забракованные коммы. Не часто – раз в несколько минут. Ли проверяла их вручную. Чаще всего причина брака оказывалась тривиальной: ошибка сборки, попавшая соринка. В сущности, и эти коммы были отличными приборами, скорее всего, брак никак не проявит себя, но тестировщица без колебаний скидывала их в отверстие утилизатора слева у стола. Однако иногда линия начинала сбоить на чем-то одном, и вот здесь следовало установить причину брака и передать сигнал оператору линии. Ли выявила сегодня семь таких сбоев. Теперь уже около часа шла рутина, и Ли подумала, что вот эта монотонность опасна – легко отвлечься и не заметить важной закономерности в браке.

Берешь рукой в перчатке маленький комм, укладываешь на поверхность тестера, включаешь, прогоняешь по режимам. Все понятно, запаздывание. В мусор. И уже падает следующий брак. А справа скользит бесшумно линия с готовыми приборами; школьный цех производил бытовые коммы, но недавно освоил еще и специальные варианты – геологический комм, туристический, а теперь вот авиационный. Предками современных коммов были приборы мобильной связи, созданные еще при капитализме, до войны. Ли видела в музее образцы каких-то старых айфонов или как они назывались, – там удивляло обилие ненужных функций, сложность эксплуатации, ненадежность. А вот важнейших функций комма – связи с другими приборами – они не имели. Но ничего удивительного, ведь это первые образцы, а прогресс не стоит на месте. Новые процессоры позволяют создать крошечный и абсолютно универсальный прибор, компьютер со всеми функциями – хотя большинством из них можно воспользоваться только в присутствии планшетов, терминалов, клавиатур, мониторов, квантовых компьютеров и различных гаджетов. Комм способен связаться с любым другим прибором и обеспечить любые функции – от простой голосовой связи до медицинской диагностики и участия в голографических интерактивных фильмах. И конечно, хранит всю нужную тебе информацию. А величина совсем небольшая – можно приклеить на кожу, можно носить на запястье. Говорят, уже разрабатывают коммы, которые развертывают в воздухе экран, чтобы пользоваться им хотя бы как планшетом, для чтения и письма.

Нет, никакой закономерности в браке Ли не замечала пока. А до окончания смены совсем немного, бегут секунды на электронном табло, Ли покачивается на эргономичном «седле» – сидячая работа вредна, но на «седле» еще куда ни шло. Приятнее работать на пищефабрике, как малыши – бегай между грядками, выставляй приборы, проверяй грунты. Но Ли уже взрослая, четырнадцать лет. Место тестировщицы она получила совсем недавно, тестировщики, операторы линий – все это для старших ребят, они с Гулькой одновременно получили эти специальности, и это предмет гордости. Ли каждый раз ходила на работу, безумно гордясь собой. В принципе, она могла бы работать, как большая, на «Электроне» – здесь и так цех «Электрона». У нее есть рабочая специальность. На самом деле, конечно, знаний меньше, чем у нормального тестировщика, они-то два года учатся. Но на практике Ли вполне может выполнять эту работу.

Скучновато стало. Ли тихонько начала напевать: «Звездные линии на черной карте». Очень популярная песня, и мелодия красивая. Привязывается, сил нет. Проверила еще прибор. И еще один. Все тривиальный брак. Смахнула в мусор. Спела еще «Хайнаньский десант». В перегородку постучали. Это был Олег, сменщик из восьмого отряда.

– Все нормально? – спросил он, усаживаясь в «седло». Ли с облегчением размяла ноги.

– Никаких ЧП. Посмотри по третьему случаю в журнале, я занесла, это опять сбой на седьмом участке, но думаю, что они там уже исправили. Уже час такого брака не поступало. Но надо посматривать. И если что, на ремонтников, может, самим надавить, – торопливо говорила Ли. Олег уже принял первый бракованный комм и тестировал его. Кивнул в ответ.

– Все понятно. Счастливо отдохнуть!

– Спокойной смены, – стандартно пожелала Ли и двинулась в раздевалку. Она любила после смены пройтись по цеху неторопливо. Зрелище завораживало. Медленно ползли серые ленты, взлетали и рушились манипуляторы, в разном ритме, с разной скоростью, гудел огромный пресс, сверкали вспышки, – все это казалось исполинской дискотеккой роботов с цветотех-номузыкой. Танцы разворачивались, как массовка в балете, и во всех этих сложных точных механических движениях была математическая закономерность – не понять с ходу, но ощущается. Ли часто думала о том, как можно было бы выразить все это движение в уравнении – ведь наверняка можно, если поразмыслить! Многочисленные звуки, лязги, шипение, тоны аппаратуры сливались в сплошной гудящий фон. Кажется, здесь совсем не нужны люди, но на самом деле меж линиями снуют ремонтники, девчонки и парни в белых костюмах, обвешанные приборами и инструментами.

Ли вздохнула от полноты чувств. У выхода в служебку чуть не столкнулась с Гулей. Темные глаза операторши ярко блестели.

– Ты как, проблему с каскадом решила? – спросила первым делом Ли. Подруги пошли к раздевалке.

– Я передала ремонтникам. Такое уже было. Пришлось заменять полностью оборудование на седьмом, – озабоченно сообщила Гуля. – Даже не знаю, что они в этот раз решат.

– Но ты так передала, что они поняли? А то прошлый раз, пока они прониклись, две смены однотипный брак пер!

– Не волнуйся, – усмехнулась Гуля, – уж я им передала – так передала.

Девочки вошли в раздевалку. Сбросили блестящие антипылевые комбинезоны. Гуля умылась и стала закалывать растрепавшиеся черные волосы. Копна у нее была роскошная, так что Гуля охотно носила длинные прически. Ли просто надела форму хаки, затянула ремень на поясе.

– А ты чего в зеленке? У нас же семинар сейчас, – заметила Гуля.

– Да, но когда я должна была переодеваться? После обеда я еще пересдавала стрельбу, а у Ломика, знаешь, попробуй явись в школьном.

– Да, он у нас, блин, военная косточка, – согласилась Гуля, – разберется как следует и накажет кого попало. Пошли?

Ли мимоходом глянула в зеркало, подтянула узел юнкомовского шнурка, приладила встопорщенный светлый клочок на макушке. Вышла вслед за Гулей. Гульнар была смуглянка с глазами-маслинами. Васильково-синяя свободная блуза ей очень шла (как и большинству, впрочем), рядом с ней Ли – светленькая, с нежной белой кожей, сероглазая, сейчас одетая в хаки – смотрелась контрастом. «Мы обе ничего», – с гордостью подумала Ли. Гордость эта относилась не столько к их виду, сколько к тому, что они вот только что работали вместе; и от них обеих зависело качество продукции, подведет одна – придется больше напрягаться другой. Но подруга не подведет, на нее можно положиться. И на всех – ну почти на всех, не считая, может, новичков – можно положиться. И это здорово! Такое вот чувство единства, ответственности друг перед другом и за общий результат было знакомо девчонкам с самого раннего возраста.

Собственно учеба занимала в коммуне мало времени в сравнении с обычной школой, хотя объем обязательных учебных программ был даже больше. Фактически заниматься приходилось три или четыре учебных часа в день (не считая, разумеется, военки раз в неделю и спортивных тренировок три-четыре раза). И почти все занятия, кроме практических (как,

например, вождение транспортных средств, салверология, уход за младенцами, техническая грамотность, прикладная психология), проводились индивидуально, за монитором. Куратор лишь контролировал прохождение программы и регулярно принимал зачеты. Программы были разработаны Новосибирским Педцентром и уже с успехом применялись во всей Евразии.

Они были ясными, компактными, рассчитанными на различные типы восприятия и интеллекта. Таким образом, три часа по сорок пять минут использовались без малейших потерь и сверхэффективно.

В обычной школе – а они мало изменились по сравнению с довоенными временами, хотя теперь и в школах внедрялась новосибирская программа – очень много времени уходит неизвестно на что. Попытки успокоить класс, беседы о дисциплине. Подтягивание отстающих. Разборки и выяснения отношений. Просмотр ненужных фильмов, дискуссии, опросы (один отвечает, остальные мучаются проблемой, как пережить безделье). Фактически учебное время – когда дети усваивают знания, повторяют их или делают упражнения – занимает хорошо если процентов двадцать от всей школьной «работы». К этому добавляется разница в темпах усвоения, в результате чего «быстрые» ученики теряют время, а «медленные» вообще не успевают усвоить учебный материал.

В коммуне все ненужные занятия были безжалостно выброшены и каждый усваивал знания и навыки в собственном темпе. Учились не в классе, а у личного терминала, в одиночку. Оценки были индивидуальными и нужны лишь для сравнения собственных достижений; чаще использовались простые зачеты.

Но, кроме обязательной для каждого программы, в школе было множество клубов, групп, секций по интересам. Ли даже не была уверена, обязательно ли участие в таких проектах. Но она не знала ни одного человека, который в них не участвовал бы.

Сама она в детстве, посоветовавшись с куратором, занималась последовательно ботаникой (ей нравилась работа на фабрике, интересно было и собирать гербарии), гистологией (микроскоп, препараты – это же так здорово!), потом выяснилось, что она здорово обгоняет других по математике и физике. Лийя какое-то время болталась в матсекции. И наконец, когда ей было одиннадцать, девочка окончательно «приземлилась» в астрофизической группе. Интересно, что в астрофизику Лийя пришла не как многие – через романтическое увлечение звездным небом и фантастикой, а увлекшись разбором гравитационных уравнений Эйнштейна.

Восторг и страсть к звездному небу пришли потом.

Астросекция тоже изредка проводила популярные лекции для желающих, как и выступала на школьных и интеркоммунальных научных конференциях. А теперь девочки направлялись на открытую популярную лекцию, организованную Историческим Клубом. Время начала было поставлено так, чтобы на показ как раз успела третья смена из цеха.

Дожевывая взятые в фойе козинаки на палочке, девушки протолкались сквозь ряды и уселись в середине зала, у прохода. Огромный вогнутый экран впереди тихо мерцал, выступающие историки внизу на его фоне казались крошечными.

Лекция почему-то долго не начиналась. Комм слегка завибрировал на руке. Лийя провела по сенсору и улыбнулась.

Бинх редко писал ей что-нибудь. Он уже год как закончил школу, и Ли думала сначала, что старший товарищ забыл ее. Ну кто она такая? Малявка, подопечная. У него и в отряде были хорошие друзья, хотя своей девушки не было. Но потом Бинх начал писать. Он не звонил, не разговаривал с ней – лишь посылал короткие сообщения один или два раза в месяц. «Привет, Лучик, – писал он, – как жизнь?» Ли поднесла комм к лицу и еле слышно надиктовала ответ. «Привет, Бинх, все прекрасно, вот отработала смену, сижу на лекции у историков. Давно не слышно от тебя ничего. Как ты там? Когда приедешь в гости?» Выпускники коммуны частенько заезжали домой, проведать, школа для большинства стала куда ближе родной семьи,

если эта семья вообще была. Может, Бинх приедет на побывку. Ли подумала, написать ли о жизни подробнее, но додумать эту мысль не успела, так как лекция уже началась. Она нажала кнопку «сохранить» и стала слушать.

Стоявший внизу парень – кажется, из двенадцатого отряда, – начал говорить первым.

– Здравствуйте, товарищи!

Он сделал паузу и обвел глазами ряды, медленно затихающие – слушать и проявлять внимание к говорящему ребят учили целенаправленно, с первых классов.

– Меня зовут Марат Чернецов, я, как и все остальные мои товарищи здесь, занимаюсь периодом конца XX – начала XXI века. Лекция сегодня будет необычная. Она посвящена теме разрушения Первого Союза и первых двух периодов реакции. На мой взгляд, это время было особенно интересным в постсоветских республиках, в частности, в России; интересно оно было не с точки зрения событий – их происходило сравнительно немного: локальные войны, обычные капиталистические кризисы, разрушение советского наследия. Интересно оно было с ментальной точки зрения – что творилось в головах этих людей, переживших крушение Союза. Поэтому мы решили, что лекцию будет читать не кто-нибудь из нас, а человек из прошлого. И вот мы пригласили ее! Мы решили, что это будет обычная девушка, из городских служащих. Мы, конечно, ее подготовили... Это было не так-то легко! Проектом занимались семь человек вплотную в течение полугода, и еще помогали многие. Но зато теперь мы можем дать вам не просто общее представление об эпохе – это мы все и так изучали по программе. Наша лекция поможет вам понять, как чувствовал и что думал средний городской житель той эпохи, оболваненный пропагандой, конечно. Но все-таки необходимо предисловие! Заранее прошу извинения у старших, но на фильме присутствуют также младшеклассники, которые еще не изучали эпоху. Для них мы подготовили небольшую вводную лекцию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.